

Трета

И

Король Гоблинов

Алая Джейкобс

Пытаясь спасти своего брата от колдовского огня четыре года назад, Грета была брошена в одиночестве, упав через портал в Милену — опасный мир, где люди — враги, а у каждого орка, упыря и гоблина есть темная сторона, открывающаяся с наступлением затмения. Чтобы выжить, Грета скрывает свою человечность и берется за работу охотника за головами — и она хороша в своем деле. Настолько хороша, что привлекла внимание молодого короля гоблинов Милены, загадочно соблазнительного Айзека, который вторгается в ее мечты и ослабляет желание сбежать. Но Грета не единственная, кто хочет выбраться из Милены. Древнее зло знает, что она — ключ к portalу, и в следующее затмение, до которого остались считанные дни, каждое кровожадное существо в мире преследует ее, в том числе и Айзек. Если Грета потерпит неудачу, она и заблудшие мальчики Милены погибнут. Если она добьется успеха, ни один мир не будет в безопасности от того, что последует за ней...

Хлоя Джейкобс
Грета и Король Гоблинов
Серия: Хроники Милены — 1

Переводчики: mariya0812, Taube770, july_5

Редактор: Евгения Волкова

Глава 1

Когда она взвалила на себя задачу выследить грязное чудовище, сидя на корточках на краю пещеры, Грета не рассчитывала на ураганный ветер и ледяной шторм, охватывающий три территории гоблинов, спускающийся, как горькая замороженная чума, чтобы мучить ее.

А должна была. Ослепляющая метель являлась не более чем обычной погодой для Милены, и после четырех лет, проведенных здесь, она, безусловно, должна была чувствовать. Холод давно проник под ее толстое пальто и одежду из шерсти и мягкого хлопка, и, казалось, прошли дни, а не часы, с тех пор, как она ощущала гостеприимное тепло ревущего огня в очаге, но ей придется подождать этого комфорта немного дольше. Мальчишка-гоблин пропал прямо из своего дома в деревне. Она отказывалась верить, что он уже был мертв.

С усталым вздохом девушка прищурилась, глядя через разрыв в пологе мрачных вечнозеленых растений, и прикидывая силу ярости, оставшейся в бурном небе. Тени, падающие через пелену белой завесы, были все еще длинными, но, по крайней мере, она могла видеть свои руки, поднеся их к лицу. К настоящему моменту она должна была уже как минимум три часа идти по следу упыря.

Три часа безостановочного веселья.

Она осторожно приблизилась к входу в пещеру. Изучив его с безопасного расстояния, развернулась и зашла к нему со стороны.

У нее сжался живот при мысли о том, что там, внутри, страдает ребенок, но мальчик, представший перед ее глазами, совсем не походил на ребенка гоблина. Вместо него она увидела человеческого мальчика из другого времени и места. Дрю.

Покачав головой, девушка расправила плечи и продолжила движение. Снежная буря или нет, она должна была вернуть гоблина домой живым, если хотела, чтобы ей заплатили, а существо, похитившее мальчика, устроилось со своим призом в глубине пещеры.

Шум. Непохожий на естественный скрип ветвей деревьев, пригнутых снегом. Хруст позади нее, когда кто-то сделал шаг ближе.

Черт. Она просчиталась, полагая, что никто не последовал бы за ней, когда она взяла след упыря.

Она повернулась, когда знакомая аметистовая вспышка метнулась к ней в не совсем кромешной темноте. Прежде чем девушка успела пригнуться или уклониться, толстая мускулистая рука толкнула ее в грудь и прижала к стене пещеры с такой силой, что она затылком проехала по камню.

Со скоростью и силой, которые тренировала ежедневно в течение четырех лет, Грета резко выбросила вверх колени. Нападающий увернулся, но был не достаточно быстр, чтобы избежать удара головой в его лживое лицо.

— Данем Грета, остановись, — проворчал Айзек и хмуро посмотрел на нее. Она посмеивалась над его привычкой использовать традиционную форму обращения на Милене. Не то, чтобы она не привыкла к ней, но, звуча из уст короля гоблинов Милены, — не намного старше ее семнадцати лет — больше походила на завуалированное оскорбление, чем выражение уважения.

Тяжело сглотнув, она посмотрела на него. Его плащ с меховой подкладкой был распахнут на горле, и вокруг шеи висели темные с фиолетовым оттенком волосы. У него была квадратная форма лица и резкие черты, хотя щеки были бледными и гладкими в

темноте леса.

Как и большинство гоблинов, он был высоким и широким, сложенным так, словно кто-то высек его из куска гранита. Айзека не трудно было представить в смертельной борьбе за трон гоблинов, каким бы молодым он не был.

Он потер живот с болезненным выражением лица:

— Зачем ты это сделала?

«Потому что я знала, что это был ты?»

— Как ни странно, мне не нравится быть атакованной сзади чужаками.

Его поразительные фиолетовые глаза встретились с ее.

Лживые глаза.

Манипулирующие глаза.

Глаза, которые она видела в своих снах слишком часто. Он издал тихий смешок.

— Ам, но я не чужой для тебя, не так ли?

Она боролась против его глубокого голоса с акцентом и озорной усмешкой, играющей на его губах, напоминая себе, что все это было притворством. Все их отношения основывались на лжи и уловках, и Грета не собиралась снова на них попадаться.

— Но раз ты упомянула об этом, — продолжил он. — Кто из нас притаился в Гоблинском Лесу в худший шторм за весь год?

Она закатила глаза. Конечно, если он хотел продолжить эту тему, то, строго говоря, это был Гоблинский Лес, и он, строго говоря, был королем Гоблинов. Она действовала незаконно.

Технически.

Не то, чтобы ее волновали такие мелочи, как юридические границы. Не тогда, когда речь идет о выполнении своей работы. Особенно на территории под правлением гоблина, единственная претензия на славу которого, состоит в том, что он был самым молодым монархом Милены за все времена.

— Это не может быть худший шторм за весь год, — сказала она. — Я уверена, что тот, который прошел две недели назад был таким же плохим. Разве на Милене вообще бывает погода, отличная от дрянной?

Он усмехнулся, и его лицо преобразилось. Внезапно он стал мальчишкой, которого она встретила тем вечером в Маидре, который улыбнулся ей и заставил чувствовать себя своей впервые с... ну, с тех пор, как она оказалась здесь в ловушке. Как единственный человек в мире, где ее вид унижался, и любое предположение об их присутствии порождал яростную жажду крови, признание и вероятность дружбы были тем, что она никогда не думала здесь встретить.

Но она не хотела, чтобы он снова был тем мальчишкой. Он должен был стать королем гоблинов. По крайней мере, тогда она знала, как держаться — как можно дальше.

— Я не знал, что вы так сильно волнуетесь о погоде, Данем, — поддразнил он. — Возможно, она так бесит тебя, потому что остается единственной раздражающей вещью за пределами твоего влияния.

Если бы погода была единственной вещью вне ее контроля, ей бы не о многом приходилось волноваться. Но будучи оторванной от своей семьи и всего, что она знала в возрасте тринадцати лет, и брошенной во враждебное окружение, где еда и тепло были роскошью, которую кто-то вроде нее не мог себе позволить, и вынужденная скрывать свою сущность, Грета оказалась перед целым рядом проблем. Даже если когда-нибудь она сможет

вернуться домой, некоторые удачливые психотерапевты смогут основательно повеселиться, пытаясь понять ее.

— У меня есть законное основание быть здесь. Я на работе. Почему бы тебе не позволить мне выполнить ее?

Толкнув его, она попыталась обойти Айзека, но он прижал ее спиной к скале. Не настолько сильно, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы показать свое намерение.

— Если ты не хочешь известить упыря о нашем присутствии, прекрати бороться со мной, чтобы мы могли разобраться с ситуацией вместе.

— Разве ты не слишком высокороден, чтобы разговаривать со мной? Иди домой. Ты должен сейчас оставаться в безопасности и защищать свой народ.

Он скрипнул зубами:

— Почему бы тебе не оставить за мной волнения о моем народе и их нуждах.

Его легкое дыхание выходило облачками пара, которые кружились вокруг него, прежде чем растаять в холодном воздухе. Грета, наконец, кивнула, и он ослабил свою хватку на ее руках. Она повернулась и ударила его локтем в живот. Низкий ход, конечно, но она не чуралась незрелых проявлений раздражения, когда того требовала ситуация — или даже когда не требовала.

Он охнул, когда она быстро метнулась вокруг и завела его запястье ему за спину. Она использовала момент, чтобы толкнуть его лицом в скалу. В темноте крупные клыки выглянули из уголков его рта. Он повернул голову, чтобы посмотреть на нее.

Прежде чем он успел моргнуть, ее нож был у его горла, слегка подлечив ее гордость, пощипывая, когда ему удалось подкрасться к ней.

— Возможно, ты забыл, но я не работаю в паре.

Его рука напряглась в хватке, а глаза почти нерешительно метнулись к ее рту.

— Наоборот, я думаю, что мы вдвоем можем сработать очень хорошо.

Кровь прилила к ее щекам.

— Ты, может, думаешь, что раз можешь проникать в мои сны, то можешь иметь какие-то претензии на меня, но этого никогда не произойдет, — выплюнула она. — Это не имеет силы здесь, в реальном мире. Давай все решим прямо сейчас.

Его глаза сверкнули.

— У тебя такая своеобразная манера разговора, — сказал он. — Я редко понимаю, о чем ты говоришь, но я могу слушать твой голос целый день.

Она упорно держалась за свои человеческие выражения и манеру разговора на протяжении многих лет. Это немного напоминало ситуацию, когда висишь на краю утеса и отчаянно хватаешься за каждую разрушающуюся опору. Она делала это, несмотря на понимание, что еще больше изолировала себя в этом мире, потому что, чем дольше оставалась здесь, тем больше боялась окончательно потерять себя.

Это уже происходило. Она помнила все меньше и меньше о своей жизни до Люка, одного из наиболее нелюдимых древесных эльфов Милены, который нашел ее в снегу давно минувшей ночью и приютил ее. Люди и места из той прошлой жизни, даже человек, которым она была... все это стало размытым пятном, которое уходило все дальше и дальше, стоило ей закрыть глаза.

Грета опустила клинок и убрала свой кинжал в кожаные ножны, прикрепленные на предплечье. Она едва посмотрела на них. Это просто была часть ее, также как и необычно высокий рост, большой нос и длинные светлые волосы — волосы, которые она заплетала в

косы, чтобы скрыть свои человеческие уши от назойливых глаз гоблина.

Местные жители в каждом округе любили собираться в тавернах у очага и рассказывать о том, что люди несли ответственность за бесконечную зиму, и как они обратили дочерей Великой Матери — две луны Милены — против нее.

Все это, конечно, были бредовые сказки. Но это вынудило молодую девушку, оказавшуюся в бедственном положении в чужой земле, скрывать свою истинную сущность от всех.

Он выпрямился, расправив плечи, напоминая ей, что король гоблинов крупнее нее и в росте, и в ширине. Она была не маленькой, но рядом с ним и амазонка будет выглядеть карликом.

— Ты закончила пялиться на меня?

Его наглость заставила ее заворчать:

— Ты никогда не устаешь от своей самоуверенности?

— А ты никогда не устаешь от своей противоречивости?

— Кретин.

— Интересное мнение, эльф.

Грета едва остановила себя от желания заправить косички за уши. Нет, он никак не мог узнать. Она была бы уже мертва, если бы он как-то раскрыл ее тайну.

Он внимательно наблюдал за ней.

— Как бы весело все это не было, ты же не хочешь терять драгоценное время, не так ли?

Смирившись с тем, что он не собирается уходить, но не с тем, что он в одиночку войдет в ту пещеру, она скрестила руки.

— Тогда пошли. При условии, как ты понимаешь, что награда — моя, — добавила она.

Его улыбка растаяла, и он стал таким серьезным, каким она его никогда не видела:

— Меня не волнуют деньги, Данем. Я здесь только для того, чтобы убедиться, что мальчик останется жив.

— Позволь мне сделать мою работу, и он будет жив, — она не стала ему говорить, что не могла вынести даже мысли о том, что беспомощный малыш гоблин во власти монстра. Что он ударил слишком близко от ее дома, и это заставляло ее живот сжиматься, а мысли метаться, и даже, если бы не было вознаграждения, она бы все равно пошла за ним.

— Конечно.

С изменением темы их разговора его тон стал жестче, и она увидела, как вся тяжесть ответственности положения снова легла на его плечи. В ночь их встречи он казался таким оживленным, поделился с ней своей страстью к изобретению и мечтами о путешествиях в захватывающие места. Она была загипнотизирована им и не только потому, что он был единственным мальчишкой, заговорившим с ней — кроме Люка — но и потому, что ей было так хорошо, как... никогда.

Было трудно совместить того энергичного мальчишку с этим суровым человеком, который, казалось, был помешан на долге и обязательствах. Опять же, вся та ночь была представлением. Он, вероятно, просто раскладывал свою ловушку, настраивал ее.

И она почти попала в нее.

— Прекрасно. Хорошо, — сказала она, досадуя на резкую боль, которую всегда приносили воспоминания о той ночи. Убедись, что не стоишь у меня на пути.

Его губы сжались в тонкую линию, когда он посмотрел на нее сверху вниз.

— Согласен. Ты — профессионал. Положись на твое мнение.

Удовлетворенный, высокий и могущественный владыка гоблинов, по крайней мере, согласился играть по ее правилам, она положила одну руку на холодный камень, сконцентрировав свое внимание на отверстии в стене пещеры. Она напряглась, чтобы поймать малейший звук, но со своего места у входа в пещеру не слышала ничего, кроме прерывистого стога и треска ветвей деревьев, пригибаемых силой ветра и мягкого дыхания Айзека, когда он занял свое место за ее спиной.

Она схватилась за рукоять меча, прикрепленного к ее бедру, но не осмелилась достать его. Даже медленное скольжение стали по коже даст эхо. Любое преимущество, которое у них было, растает, как снежинки, которые ложились на кончик ее носа.

Грета мечтала о фонарике, когда они проскользнули в кромешную тьму пещеры. Это был не первый раз, когда она была готова отдать всю свою еду за одно из современных удобств, которые она когда-то считала само собой разумеющимися, и сомневалась, что этот раз будет последним. Как ни странно, она обнаружила, что наиболее часто мечтала о паре достойных теплых перчаток и...

Стук. Из глубины пещеры.

Большая рука схватила ее за локоть и сжала. Она кивнула и ускорила, но не решилась сломя голову мчаться в темноту. День редко становился победным из-за того, что она оказывалась сильнее, быстрее или храбрее, чем другие. В основном, он становился таковым, потому что она была хладнокровнее, спокойнее и безжалостнее других. Этому ее учил Люк.

Чем дальше она шла в темную, затхлую пещеру, тем легче ей было представить, как мучительно страдал бедный ребенок. Это лишало ее контроля, и ей приходилось сдерживаться.

Когда она остановилась, чтобы оглянуться через плечо, то больше не видела вход. Последний слабый свет исчез. Король гоблинов казался лишь неповоротливой тенью, хотя она чувствовала, что он собран и наготове за ее спиной.

Насилие висело в воздухе, как липкий туман в душный день, наполненный запахом свежей крови. Вдруг неповторимый звук крика боли, внезапно оборвавшийся, завершил тревожный эффект.

Тогда Айзек двинулся мимо, положив руку ей на плечо, когда перехватил инициативу. Она рванулась вперед и дернула его назад, прежде чем он покатился по узкому проходу, как бешеный бык. Он развернулся, его грудь вздымалась прямо перед ней. Грета едва могла рассмотреть жилку, пульсирующую на его щеке.

Через мгновение напряжения король сдался. Он тихо выдохнул и отступил, чтобы дать ей снова пройти вперед, но Грета тоже не была неуязвима перед тем криком о помощи. Она, наконец, достала свой меч.

— Мы заходим, — прошептала она. — Ты займешься мальчиком. Я беру на себя упыря, — он сжал ее пальцы, выражая согласие, но она не закончила, — затем ты должен уйти оттуда. Не изображай героя, думая, что ты должен слоняться поблизости и помочь мне — ты только помешаешь. Ребенок, кажется, нуждается в медицинской помощи. Это — твоя первоочередная задача. Понял?

— Неужели тебе никто не говорил, что не разумно отдавать приказы королю?

Она проигнорировала его и снова развернулась, держась рукой за стену, чтобы контролировать свое положение, когда двинулась вперед. Ее раздражало, что гoblin легко последовал за ней, словно обладал прибором ночного видения — но ничего подобного никогда не существовало на Милене.

Через несколько сотен футов впереди показалось мягкое свечение.

Огонь.

Расцвела тщетная надежда, та самая комбинация предвкушения и поражения, которая пробивала ее защиту каждый раз, когда она натыкалась на подобное место. Это была безумная надежда, что, возможно, в этот раз она найдет злого колдуна, который забросил ее сюда, и может управлять огнем, чтобы открыть портал домой.

Каждый раз она разочаровывалась. За четыре года ей ни разу не улыбнулась удача.

Она отбросила глупые чувства.

— Следуй моему примеру.

С адреналином, подталкивающим ее организм, Грета сжала рукоять своего меча и повернула за угол. Она не была разочарована. То, что поджидало там, было одним из наиболее чудовищных существ Милены.

Упырь. Отвратительное искажение жизни, которое питалось невинностью и чистотой с какой-то остервенелой жестокостью — и это было его естественное состояние.

Все здесь имели обычное или необузданное состояние в зависимости от фаз луны. Большинство разумных существ Милены, таких как эльфы, феи и гоблины, настолько эволюционировали, что могли контролировать свои перевоплощения, но бывали ситуации, которые могли вызвать перевоплощение, включая сильные чувства голода, страха или гнева. Кроме того, все существа Милены ощущали напряжение своей необузданной природы во время редкого явления, когда луны выстраиваются в линию с одним или обоими солнцами планеты. Затмение.

И тогда весь мир сходил с ума.

Грета пережила только два затмения, и оба раза она провела несколько дней до и после него за запертой, усиленной болтами дверью, скрывшись в сыром и темном подполе дома ее Патера^[1]. Закрытые темные места всегда были ее слабостью, и Люк знал это, но все же закрывал ее. Все потому, что сильный, заботящийся о защите древесный эльф — который обладал прочностью стального шипа и никогда не перевоплощался в ее присутствии, даже единожды — боялся, что разорвет ее на части во время затмения.

Сквозь густой дым костра, потрескивающего посреди пещеры, Грета увидела серую кожу, худую фигуру. Факт, что высотой оно было около восьми футов и ужаснее, чем обычно, и имело рот, полный зубов длиной с ее лучший кинжал, доказывал, что они были в большой беде.

Оно повернулось.

Это был один из Потерянных, существо, которое полностью перевоплотилось в необузданном состоянии и никогда не вернется к более цивилизованной форме, термин «цивилизованный» применялся в свободной форме, когда речь шла об упыре.

Ее появление переключило внимание существа на нее. Оно присело с другой стороны огня и повернулось к ней с рычанием, выпучив глаза, светящиеся болезненным желтым цветом при плохом освещении. Чудовище опустилось, встав на все четыре свои долговязые конечности, готовясь к прыжку. Кошмарный звук его разъяренного рева эхом отозвался от каждого дюйма скалы, окружающей ее, и Грета пожелала, чтобы барабанные перепонки разорвались и закончили ее страдания.

Мальчик-гоблин сжался в комок у противоположной стены пещеры. Он прижал правую руку к себе и съезился так далеко от противного существа, как только мог. Грета не обратила внимания на его раны. Он все еще дышал, и это было больше, чем она могла надеяться на данный момент.

Зная, что она должна заставить упыря прийти к ней, она двинулась вдоль стены в противоположную от входа в пещеру сторону. Она не сводила взгляда с существа, предполагая, что король гоблинов сделает то, что она сказала, и заберет мальчика в безопасное место.

— Давай, ты уродливая мать, — пробормотала она.

Глаза упыря расширились, когда он бросился в атаку, перепрыгивая костер и покрывая небольшое пространство в три огромных шага. Рискнув скосить глаза, она увидела, как его величество бежит к маленькому гоблину, и вздохнула с облегчением, пока поднимала меч, чтобы защититься от разрывающих когтей, нацеленных прямо ей в лицо.

Если бы они соединились, то она бы пропала. Они могли разорвать ее пополам. Грета взмахнула своим лезвием и нырнула. Когти были не самым страшным ее беспокойством. Упыри были бешеными существами с отчаянной жадой плоти, крови и костей. Очень сильные и супер быстрые, и все же самым опасным их оружием был ядовитый токсин, выделяемый со слюной, которая делала жертву неподвижной на несколько часов — что было достаточно долго, чтобы быть съеденным твоим худшим кошмаром, дюйм за мучительным дюймом.

Упырь мог выстрелить струей этой гадости с парализующей точностью, а у нее за спиной была стена. Буквально. Ей некуда было деться, что делало ее достойной целью.

Держась достаточно далеко, чтобы избежать смертельной части ее лезвия, упырь снова взревел, широко открыв рот, чтобы выпустить широкую струю яда.

Она выругалась сквозь зубы и нырнула в сторону, чтобы не получить ею в лицо. Жидкость ударила в скалу позади нее. Она плеснула, отскочила и брызги осыпали ее шею, щеку и руку, которую она подняла, чтобы защититься.

— Черт побери.

Она выпрямилась и быстро увернулась от следующего взмаха этих страшных когтей.

— Черт. Черт. Че...

Эффект яда был практически мгновенным, заставив онеметь ее руку, щеку и открытую кожу у основания шеи. Онемение быстро разлилось по ее лицу, спустилось вниз по шее и остановилось на левом плече.

Хорошо, теперь она волновалась.

Она сказала себе, что воздействие было минимальным и, вероятно, не поразит ее сердце, спустившись чуть ниже локтя, или не подавит функции ее мозга. Да, верно. Рука была уже почти бесполезна и «черт», скорее всего, будет последним связным словом, которое она произнесет своим распухшим языком за некоторое время.

Было бы неприятно, если бы последнем словом в ее жизни было бы слово «черт». Когда настанет время — надо надеяться, не сегодня — она хотела поделиться каким-то глубоким и значащим советом...

Еще один взмах когтей. Она едва убралась с пути вовремя, чтобы не дать своим внутренностям выпасть на пол пещеры.

Возможно, ей нужно придумать тот самый значимый совет очень быстро.

Подняв глаза, она поняла, что король гоблинов наблюдал за ее увертками и попытками парирования. Его нерешительность стала ясна, когда он остановился и приподнял мальчика на своих руках.

Только что он задумал?

Обеспокоенная, что его королевское гоблиństwo совершит какую-нибудь глупость, она пристально посмотрела на него и покачала головой прежде, чем крутануть бедрами и врезать упырю в грудь пяткой своего ботинка. Оно отшатнулось на несколько шагов.

— Уходи! Убирайся отсюда, — закричала она. Это было больше похоже скорее как «Уфирася осюда», потому что она не могла губы заставить формировать слова, но он понял.

Ему лучше было бы понять.

В любом случае она не могла позволить себе остановиться и посмотреть. Не обращая внимания на покалывание в предплечье, — черт, это вещество было мощным — она повернулась к упырю, отвечая на его следующую атаку жестким прямым ударом.

Ее клинок вонзился ему в плечо. Грета отступила и быстро дернула его размашистым движением от живота, пытаясь освободить меч. Зная, что нельзя себе позволить остановиться, она снова нанесла удар лезвием, рассекая его грудь от края до края. Существо взвыло. Звук вонзился в ее уши, как скрежет металла по металлу.

С неослабевающим отсутствием милосердия или сострадания, она снова атаковала. И снова. Осознавая сложившуюся ситуацию, она должна была закончить это раз и навсегда.

Несмотря на то, что Грета добилась некоторых успехов, упырь не замедлялся и не отступал. Его растущий гнев только увеличил его решительность. У нее возникло ощущение, что раз она лишила его ужина, отобрав мальчика, то должна занять его место.

Она пропала.

Ее следующий удар был отбит, а рука, откиннутая назад по широкой дуге, запястьем ударилась о камень. Она зашипела, едва сумев удержать свое оружие. Споткнувшись, попыталась опереться на стену, но рука не слушалась, поэтому она просто прижалась к ней.

Упырь сделал выпад. Его когти разорвали ей плечо, выдавливая крик из горла. Ее отбросило назад, и она сильно прикусила губу. Ее голова ударилась о скалу, и девушка застонала. Второй раз за сегодня.

Кажется, будет шишка — хотя вряд ли головная боль будет иметь значение для мертвого человека.

Сглатывая кровь во рту и борясь с волной тошноты, которая грозила лишить ее сознания, Грета снова прислонилась к стене. Как она до сих пор держалась на ногах? Ах, черт. Она слабела с каждым ударом сердца, ее организм отключался из-за быстрой реакции на всегда сильное сочетание — быстрой потери крови и яда упыря.

Моргая, чтобы избавиться от пятен перед глазами, она оттолкнулась от стены и уклонилась в сторону, как раз вовремя, чтобы избежать еще одного опасного удара — совсем рядом. Который мог снести ей голову.

Тот факт, что она начала размышлять о своей скорой неизбежной смерти, привел ее в чувство. С тяжелым вздохом поднырнув под длинную руку существа, Грета снова вонзила ему в бок острие своего лезвия.

Еще одна вспышка движения отвлекла ее от сражения. Король гоблинов вошел в пещеру один без своего тяжелого плаща. Должно быть, она оставил укутанного мальчика где-то снаружи.

В своем ли он уме?

Стиснув зубы, Грета отвернулась от него, взбешенная, что он, очевидно, не поверил, в её способность справиться с этим существом в одиночку. Согласна, она уже испытала на себе смертельный плевок и разрывающие когти не более чем за две минуты. Наверное, даже за полторы. Но все-таки это была ее работа. И никто не имеет права вмешиваться.

Наклон и перекат. Когда Грета обернулась, то была снова полна решимости и высоко подняла меч. Крик поднялся откуда-то из глубины ее сжавшегося живота, когда она заставила свою руку опуститься вниз по диагонали и ждала, пока голова упыря соскользнет вниз. Это был приятный звук.

Остальная часть его туловища упала в грязь, несколько долгих секунд спустя, а сама Грета резко облокотилась на стену пещеры. Делая глубокие вдохи, она ждала, пока тело

догонит мозг и осознает, что бой закончен.

Хорошо, что здесь не было Люка, чтобы увидеть, как ужасно она выполнила эту работу. Все было достаточно плохо, чтобы слышать его голос полный разочарования в своей голове, говорящий ей, что после того, как неуклюже она сражалась, это она должна была лежать в кровавой грязи без головы.

У нее не было аргументов против. Грета не была сосредоточена. Она проигнорировала учения своего Патер, особенно самое важное из них:

«Всегда держать ситуацию под контролем».

Как бы она ни хотела не признавать этого, она нарушила это правило сегодня.

И посмотрите, что произошло.

— Данем Грета, — Айзек шагнул вперед, протягивая к ней руку. Она отпрянула и, вытащив кусок ткани из кармана, отерла черную кровь упыря со своего клинка, прежде чем засунуть его обратно в ножны на талии.

Дрожа, она отстегнула кожаный мешок с пояса. У нее был толстый жгут, смазанный внутри средством, останавливающим кровотечение, но работает ли это с агрессивным ядом упыря...

Ее плечо пульсировало болью, и ей хотелось кричать вместе с ним, но она уже и так позволила гоблину увидеть ее слабостей больше, чем кому-нибудь показывала за исключением Люка. Поэтому Грета заставила себя наклониться и поднять свой приз.

Она ухватила голову упыря за толстые спутанные пряди волос. Мгновенно отвратительные укусы сотен крошечных ползающих паразитов ужалили ее руку, когда бросились бежать от источника их пищи. Она подавила невольную дрожь отвращения.

— Оставь это.

Неестественный оскал существа беззвучно угрожал ей, когда она начала запихивать его в свою сумку. Согласно предписаниям округа, было недостаточно спасти мальчика. Ей нужны были доказательства смерти существа, чтобы получить вознаграждение.

— Доказательство, — сказала она распухшими онемевшими губами. Дохасатесво.

— Тебе это не нужно, — настойчиво сказал он, кривя в отвращении рот. — Я прослежу, чтобы тебе заплатили.

Грета заколебалась, размышляя, следует ли ей проигнорировать его из чувства злости. Но она была не настолько упряма. Была целая гора вещей, которые девушка не доверила бы ему, если бы от этого зависела ее жизнь, но у него не было никаких причин отбирать у нее эту награду. Если ей не придется нести за спиной отвратительную голову упыря всю дорогу до города, тем лучше.

— Хорошо. — Хоосо. Пожав плечами, она бросила голову в грязь и вытерла руку о свои штаны. Ей придется сжечь эту одежду.

Адреналин и яд с трудом прокачивались по ее крови. Глубоко дышать. Взять себя в руки. Слегка встряхнув головой, она осмотрела беспорядок вокруг себя. Ее работа еще не закончена. Как бы сильно не сжимался желудок, она не оставит все это неубранным.

— Уходи. Я сожгу тело, затем потушу огонь, — она тщательно пыталась выговаривать нечленораздельные слова распухшим языком. — Забери ребенка... снаружи. Медицинская помощь. Родители... захотят знать.

Он просто смотрел на нее. Король не отвечал, не высмеивал ее жалкую спасительную операцию, или искаженные слова.

И он не уходил.

Грета нахмурилась. Если это жалость отразилась на его лице, она была готова ударить...

— Зачем ты это делаешь?

Его внезапный, резкий требовательный вопрос испугал ее. Она заставила себя фыркнуть. Действительно, зачем?

— И чем же по-твоему, я должна заниматься? — она скривила губы, желая спрятать свои чувства. — Устроиться на каком-нибудь пастбище с откормленным троллем, разводя злобный рогатый скот и маленьких карапузов? — маених кагапусов?

Он нахмурился.

— Я такого не говорил. Но почему это?

Потому что когда-нибудь это поможет найти отсюда выход. Она всмотрелась в костер, все еще горящий посреди пещеры.

— Почему не это? Это еще не убило меня. Оплата достойная. Это вполне хорошая профессия, как и все остальные в этом нелепом мире.

Он наклонил голову, изучая ее.

Она прикусила язык. Поделом за то, что она позволила горечи просочиться в ее голос.

— Теперь иди, пока тот ребенок не замерз до смерти и будет стоять мне моей наградой. — Нахады.

Она вышла наружу гораздо позже. С болью, грязная, измученная.

Прислонившись головой к скале, Грета сделала несколько глубоких вдохов, запустив в легкие очищающий зимний воздух. На этот раз она была благодарна за холод.

Глядя в вечернее небо, Грета немного подождала, думая, что король гоблинов ждет ее. Но там не было ничего, кроме деревьев и запаха дыма — вероятно, от ее одежды — но, судя по всему, он ушел недавно. Его следы остались на снегу, освещаемом мягким розовым светом двух больших лун Милены.

Она бросила взгляд вниз, на большой отпечаток ботинка впереди, прежде чем ступить через него обратно в лес, когда она пришла сюда несколько часов назад.

Ветер хлестал ее по лицу, пока она медленно брела.

— Песок и бр-рызги прибоя, — смахнув прочь кристаллы, образующиеся на ее ресницах, она взглянула на вечнозеленые растения вокруг нее, такие разлапистые и высокие, что они, казалось, приближались. — Нежное куриное барбекю, — ее зубы стучали. — Высокие, лиственные пальмы. Т-тёплое желтое солнце.

После третьего падения она остановилась. К сожалению, холод еще не достаточно свел ее с ума, чтобы она поверила, что влага, наполняющая ее ботинки и стекающая по ее затылку, была совсем не ненастным ледяным снегом, или, что она находится где угодно, а не на убогой далекой от дома Милене.

Грета тяжело дышала от напряжения, заставляя себя идти через глубокие сугробы, и пытаясь убедить себя — без особого успеха — что у нее все хорошо.

К тому времени, когда она обогнула край леса, то не чувствовала под собой ног. Девушка бесконтрольно дрожала, но не совсем от холода. Вся левая часть верхней половины ее тела все еще была онемевшей. Вероятно, это было благословением, учитывая, как чувствовала себя остальная часть.

От ее правого плеча вверх и вниз по руке расходилась стреляющая боль, после того как упырь разодрал его, а сейчас оно пульсировало колоссальным теплом, что означало попадание инфекции. Это проходило сквозь ее одежду, достаточно сильно, чтобы убедить ее затуманенный мозг, что она может быть близка к тому тропическому раю, который она себе представляла.

Моргнув, Грета заставила свои свинцовые ноги нести ее вперед, бормоча вслух, ни к кому конкретно не обращаясь. Люк сказал бы ей прекратить жаловаться. Он напомнил бы ей, что сегодняшний результат мог бы быть гораздо хуже. Она могла быть убита.

Прямо сейчас смерть могла бы быть к лучшему.

Всего в нескольких футах от дороги она споткнулась о скрытую под снегом ветвь и тяжело упала. Будучи не в состоянии двигаться достаточно быстро, чтобы удержаться, она уткнулась лицом в холодную субстанцию и порвала штанину.

Холодная жидкость сочилась по голени, стекая в ботинок. По крайней мере, это заморозило жгучую боль порезанной скалистым выступом голени.

Девушка плюхнулась на бок.

Подождала.

Нет. Все еще не поднимается.

Веки Греты закрылись, и ей пришлось заставить себя открыть их снова. Потерять здесь

и сейчас сознание — плохая идея. Был шанс, что она никогда не проснется.

Она застонала:

— Давай, ты, большая слабачка. На ноги.

Двигаясь медленно, она уперлась рукой в глубокий снег, чтобы удержать равновесие, и попыталась подняться. Жалкий слабый толчок. Но в теле не осталось ничего, чтобы поддержать ее волю — да и воля больше не действовала с ней заодно. Возможно, из-за холода и яда в ее организме. А может из-за потери крови и истощения.

Или, эй, а почему бы и не все перечисленное?

Все равно. С ней покончено.

Испутив слабое дыхание, она закрыла глаза. Столь уставшая и ослабленная она почувствовала слезы на уголках губ и поняла, что они текут по ее щекам. Ее сердце болело так же сильно, как и тело.

Мама. Я хочу к маме.

Она положила голову на руки, зная, что мечты придут, но у нее не было сил даже удерживать их — или короля гоблинов — больше.

Он был здесь, сидел в углу шумной пивной, как это произошло в их первую встречу две недели назад. Теперь она проигнорировала его, как должна была сделать тогда, прокладывая себе путь к бару через необычайно плотную толпу эльфов, гоблинов и... всяких, черт побери, серых парней.

В мечтах или нет, она все-таки могла выпить.

Грета выдвинула пустой табурет и села рядом с мускулистым троллем со сморщенным лицом, которое напомнило ей о питбуле, жившем в доме на углу улицы, где она росла.

Покачивая в воспоминании головой, она терпеливо ждала Маидру, затем заказала горячий чай из ягод лин, чтобы избавиться от всегда присутствующего холода, который был неотъемлемой частью в мире, где зима никогда не заканчивалась. Все это время она ощущала, что король гоблинов наблюдает за ней, она чувствовала зуд от его пристально взгляда прямо между лопатками.

Она сосредоточилась на клубящихся струйках пара, поднимающихся из ее кружки. Казалось, ему хотелось задержаться, растянуться и расстелиться перед ней, пока вся комната не будет окутана легким туманом.

Он снова это сделал.

Грета вздохнула. Это был не первый раз, когда он как вор прокрадывался в ее мечты и управлял ее сновидениями. Эти «взаимодействия» являлись одной из причин, по которой их отношения были более глубокими, чем следовало бы, учитывая, что они знали друг друга две недели.

Сосредоточившись на своем отражении в зеркале на задней стене бара, Грета изогнула тонкие брови над бледно-голубыми глазами, а ее губы сжались в тонкую, бескомпромиссную линию. Она была одета не в свою обычную одежду — кожу и меха охотника за головами — а в мягкие женственные ткани, подобные тому, что носили другие девушки ее возраста на Милене. Ее светлые волосы были распущены и спадали на плечи

вместо того, чтобы быть заплетенными и скрывать ее уши.

По крайней мере, у нее был хоть какой-то контроль в этих мечтах. Казалось, он мог создать какое хотел окружение, но на самом деле не мог заставить ее что-то делать. Это не было так, словно она играла роль в его собственной театральной постановке.

Что только ухудшило происходящее, когда она мечтала о нем в первый раз.

Грета краснела каждый раз, когда думала об этом, потому что в тот момент не знала, что он делает. Не поняла, что больше не была одной в голове, когда мечтала. Она позволила ему увидеть девушку, которой хотела быть в ночь их встречи — свободно смеяться и флиртовать с красивым парнем — вместо того, чтобы быть Гретой — охотником за головами, всегда настороже и без каких-либо эмоций.

По волчьему взгляду его глаз было понятно, когда она, наконец, осознала это, что он никогда не оставит ее в покое.

— Грета.

Никакого вежливого «данем» на этот раз, ха? Небрежная трель ее имени на его губах не просто легкая ирония, учитывая, чего стоило ей произнести его имя.

Его голос был ниже, чем обычно, словно призывая доверять ему. Как бы ни так. Она посмотрела в покрытое ржавыми пятнами зеркало за баром и ахнула, обнаружив, что он стоит всего в нескольких футах позади нее. Когда он встал со своего места и пересек комнату?

Вероятно, пока она с таким трудом старалась игнорировать его.

Он снова назвал ее имя. Больше похоже на шепот, на самом деле. Но ближе и гораздо четче, чем должен был в окружении пьющих и смеющихся.

За исключением того, что внезапно вокруг никого не стало. Она была наедине с ним и туманом за компанию. Она повернулась к нему лицом.

— Кто ты? — спросил он. — Откуда именно ты родом?

Она откинулась назад, прижавшись к стойке бара позвоночником, когда он придвинулся к ней. Вопросы. Конечно. Люк предупреждал ее, что здесь могут возникнуть вопросы, если она позволит кому-нибудь приблизиться к себе. К счастью, ее жизнь была довольно уединенной. Кроме Люка у нее было немного друзей. Хорошо, ни одного. Не то, чтобы это ее беспокоило. Это не так. Риск невольного раскрытия ее человеческого происхождения намного перевешивал любые преимущества, возникающие от возможности с кем-нибудь поговорить.

Особенно, если этот кто-то был горячим гоблином со склонностью воровать чужие сны, который, как получилось, оказался новоиспеченным королем.

От одной мысли об этом ей хотелось врезать кулаком по той квадратной челюсти и стереть самоуверенную улыбку с его губ. Но это все еще была мечта. На самом деле ее кулак не поднимется, а его лицо не попадет под костяшки ее пальцев.

— Ты знаешь, что я никогда не отвечу на твои вопросы. Зачем ты продолжаешь спрашивать? Зачем тратить свое время в моих снах?

— Ты назвала мое имя, — ответил он. Затем протянул руку, взяв прядь ее волос, перекатывая между пальцами, словно он был очарован их мягкостью. Когда она застенчиво прикусила нижнюю губу, его глаза вспыхнули, а взгляд замер на ее губах. — Ты пригласила меня. Ты дала мне силу.

Он коснулся ее щеки подушечкой большого пальца на уровне ее нижней губы с самой мягкой, словно перышко, лаской. Грета оттолкнула его руку прежде, чем сделала какую-то

глупость, вроде ответить на его прикосновение.

— Я не знала, что делала.

— Как ты могла не знать?

Подтекст остался невысказанным, но он все же там был. Она должна была знать, потому что все знали, что озвучивание имени Айзека несло за собой последствия. То есть, все, кто принадлежал Милене.

Ну, она не принадлежала Милене, и одиночество одержало над ней верх той ночью, когда они встретились в таверне Маидры. Когда он приблизился к ней, несмотря на ее угрожающий «держись подальше» взгляд, который она всегда носила, чтобы защититься, ее лицо дрогнуло от его яркой улыбки. Никто и никогда раньше не смотрел на нее так, будто она была красива и интересна.

Они разговаривали несколько часов, и прежде, чем она это осознала, она попала в его ловушку. После того, как она нарушила больше правил Люка, чем считала возможным, и неохотно встала, чтобы уйти, он спросил ее имя. Грета, не задумываясь, просто отплатила любезностью.

Просто зови меня Айзек.

Так она и сделала. Видимо, не имело значения, что ты был просто неосведомленным человеком, которому никто не потрудился объяснить правила. Она стала уязвимой для него. Все еще была уязвима.

— Не имеет значения, почему я не знала! — ее руки сжались в кулаки. — Мое невежество не давало тебе права обманывать меня, — закрыв глаза, она попыталась вспомнить, где она была на самом деле, заставляя свое сознание получить подсказку и...

А ну. Черт побери. Просыпайся.

— Ты проснешься только тогда, когда я буду готов отпустить тебя.

— Тогда что ты хочешь от меня?

Его знойный взгляд прошелся по ней. В ее животе безумно затрепетало, и она отступила, уповая на Бога, чтоб не покраснеть:

— Ты читаешь мои мысли?

Он фыркнул:

— Я в твоей голове, узнаю каждую частичку тебя.

Ее лицо горело от смущения:

— Ты заблуждаешься, если думаешь, что можешь узнать, кто я, или чего я хочу, шпионя за мной в моих снах. Это сфера фантазии, и хотя это интересное место, чтобы посещать его время от времени, мы оба должны жить в реальном мире, не так ли?

— Ты можешь возводить стены, Грета, но, в конце концов, я сломаю их все. Не будет никакого секрета, который ты сможешь сохранить, или частички тебя, которую я не узнаю... — он наклонился вперед, его голос понизился до шепота. — До мельчайших подробностей.

Ее колени задрожали от этой мысли. Близость означала слабость. Слабость, которую он, очевидно, пытался использовать. Теперь она это поняла. Его появления в ее снах... все эти разговоры... хитрый замысел, чтобы подорвать ее защиту.

Он намекал, что никогда не хотел быть королем, но, конечно же, он хотел. Кто не хотел бы? Он был властолюбивым гоблином, настолько полным высокомерия. Она почувствовала себя идиоткой, что не увидела этого, пока не стало слишком поздно.

Она не собиралась — не могла — допустить то, что он заставил ее чувствовать. Это был

путь к катастрофе, даже если часть ее испытывала желание, узнать точно, насколько близкими они могли стать.

Она лихорадочно думала. Грета не просто должна проснуться, она должны найти способ раз и навсегда положить конец этим визитам. Пока у нее не исчезло желание сопротивляться.

— Зачем тебе это вообще нужно? Поверь мне, я ничуть не интересна.

— Ты интригуешь меня.

Грета фыркнула. Она была никем. Меньше, чем никем. У нее и близко не было силы гоблина, ни грамма красоты нимф, ни доли волшебства эльфов или фей. Она сглаживала свои незначительные формы враждебным угрюмым взглядом и множеством слоев одежды, чтобы помешать кому-либо рассмотреть ее слишком пристально и задаться вопросом, почему она была такой исключительно невыразительной.

Нет, он не мог знать ее тайну. Если бы он знал, то к настоящему моменту зарезал бы ее в лесу. А если бы он не захотел пачкать руки сам, то даже Люк не защитил бы ее от линчевания толпы, которую он послал бы за ней.

— Убирайся из моей головы.

Он улыбнулся:

— Но я только забрался сюда.

— Я не хочу, чтобы ты был здесь.

Его рука снова поднялась к ее щеке. Она вздрогнула, но он только убрал волосы со щеки. Она задержала дыхание. Даже знание, что его прикосновения были не настоящими, не остановили мурашки, которые пробежали по телу к ногам.

Через, казалось, вечность, он опустил руку, выглядя задумчивым:

— Ты такая скрытная и колючая, Грета. Зачем это?

— Не твое дело.

— О, мне кажется моё. На самом деле, мне кажется, что то, кто ты, и что ты делаешь, очень даже моё дело.

Он шагнул ближе, и она отступила, приготовившись защищаться, если он попробует «убедить» её говорить. Но гоблин только схватил ее за руки, словно собираясь притянуть в объятия.

Она напряглась и положила между ними руку — ему на грудь. Его сердце колотилось быстро, может так же быстро, как и её, и она могла почти представить, что это было реально. Она подняла взгляд, чтобы обнаружить, что он напряженно смотрит на нее. А затем Айзек действительно притянул ее ближе. Достаточно близко, чтобы прижаться лбом, шепча:

— Покажи мне себя, Грета. Доверься мне. Расскажи мне свои тайны, и я смогу быть терпимым к тебе.

Она покачала головой. Запрещаю, запрещаю, запрещаю. Это была стандартная процедура.

В его глаза вернулась жесткость. Он опустил взгляд и отпустил ее. Девушка сделала долгий медленный выдох, неуверенная, испытывала она облегчение или разочарование.

— Мы обсудим это позже, — пообещал он. — Теперь просыпайся.

Она знала о его присутствии в тот момент, когда сделала свой первый сознательный вздох. Вычислить его местоположение заняло не намного больше времени. Открыв глаза, она сосредоточилась на его фигуре, развалившейся в кресле, в глубокой тени, напротив теплой кровати — более мягкой и теплой, чем любая другая на Милене, могла поспорить она.

Но без огня в очаге и с единственным закрытым окном, в комнате было холодно и темно.

— Где я?

Ее голос был слишком громким, отражаясь эхом в холодной комнате. Шаткий и сдавленный, хриплый звук угрожал ранить ее, подвергнув влиянию реальности холодного мира, пока она еще не оправилась от сна.

Ломота и боль снова вернулись к ней, едва она проснулась. Как бы ни хотелось потребовать кое-какие ответы и высказать некоторые опасения, тело Греты совершенно не согласовывалось с остальной частью.

— Ты в безопасности. Пока.

Ответил низкий голос из темноты. Она все еще не могла увидеть его лицо, но плечи у него ссутулились, и король выглядел усталым и напряженным.

Грета вспомнила упыря. Лес. Она вспомнила боль.

Он вернулся за ней?

Она вспомнила, как Айзек смотрел на нее во сне. Он хотел поцеловать ее, Грета была уверена. И позволила бы ему, она была уверена и в этом. Ее щеки горели таким жаром, что он сразу бы догадался, о чем она думает. Как она могла встретиться с ним?

Она решила не думать об этом. Ни о чем. По крайней мере, пока она не выйдет из... где бы она ни была.

Перевернувшись, она свесила ноги с края кровати. Одеяло сползло, и она задрожала от холодного воздуха. Плащ и рубашка были сняты. Ничего кроме широких бинтов не прикрывало верхнюю часть тела. Мягкий белый хлопок обматывал руку от локтя до запястья и обожженную кисть. Еще один перетягивал плечо и обхватывал грудь.

Нет, нет, нет. Пожалуйста, нет. Всплеск холодного ужаса стрелой пронзил её, и пальцы мертвой хваткой вцепились в одеяло, когда она рванула его обратно на плечи, стараясь не думать, что Айзек видел ее обнаженной.

Она не могла вынести мысли, что именно он снимал ее одежду, а также промывал и перевязывал раны. И все же, это казалось маловероятным. Он, в конце концов, был королем гоблинов. У него должен быть полный дом слуг, готовых выполнять приказы. Они, скорее всего, находились недалеко за дверью. Эта мысль немного уменьшила ее панику.

И все же. Сколько времени она была без сознания и в его милости? Тот факт, что на ней все еще были собственные штаны — такие жесткие и грубые на ее поразительно нежной коже — принес некоторое утешение. Грета повела плечом, сдерживая дрожь, когда резкая боль прокатилась вниз по руке.

— Яд упыря вышел из твоего организма довольно быстро, но раны были инфицированными. Им на заживление нужно удивительно много времени... для эльфа. Ты была весь день без сознания, борясь с лихорадкой.

Она кивнула, принимая эту новость, как саму собой разумеющуюся. Насколько это было возможно, учитывая ошеломляющее открытие, что она отсутствовала так долго. Люк уже начал бы ее искать.

Мышцы болели, а верхняя часть тела под бинтами ощущалась ободранной и порванной. Безусловно, ей понадобится еще несколько дней, чтобы глубокие раны на плече зажили. И у нее останется совершенно новый набор шрамов в память о последнем приключении.

Она уставилась в темноту, где продолжал сидеть и смотреть король гоблинов. Она напомнил ей огромного кота, следящего за каждым шагом своей жертвы, ждущего идеального момента, чтобы нанести удар. Его напряженность раздражала ее. Испуганная и израненная, она не знала, как бы поступила, если бы эта уютная картина ухудшилась.

Наконец, он наклонился вперед в маленький сноп света, проникающий через окно, и уперся локтями в колени. У нее во рту пересохло, когда она остановила взгляд на крупных рельефных мышцах, очерчивающих его широкие плечи, и ей пришлось быстро отвернуться. Но остальные его части ничуть не помогли ее состоянию. Волосы спутались, местами стоя торчком, словно он зарывался в них руками. Взгляд был сонным, смягченным, и это только усилило ее волнение. Так он был слишком привлекательным. Слишком близко.

Глубокое дыхание.

Она заставила себя отвести взгляд и оглядеться вокруг, делая вид, что ей очень интересен сучок в деревянной обшивке комнаты, мелкие предметы мебели, пятно грязи, искажающее вид из окна... все, чтобы не смотреть на него.

— Зачем ты принес меня сюда? Почему просто не бросить меня дома?

— А где именно твой дом? — он смотрел на нее с пронзительным холодом. — То есть, твой настоящий дом?

Она подняла руку к голове, только чтобы обнаружить, что ее стратегически заплетенных косичек не было. Ее волосы упали вперед, длинные бледные локоны, качающиеся перед ее лицом. Распушенные, что заставило ее чувствовать себя слишком слабой, слишком уязвимой.

За эти годы она узнала все хитрости. Только правильно заплетая волосы. Не высовываясь. Она знала, как растворяться, стать просто еще одним лицом в толпе. Она могла подделать некоторые несоответствия, но отсутствие признаков феи было явной физической особенностью, которая доказывала, что она была не той, за кого себя выдавала. Грета никогда не распускала волосы, даже когда была уверена, что была одна. Шанс, что кто-то может заметить ее округлые человеческие уши, был слишком велик.

Она вспомнила, как он коснулся ее волос и погладил щеку. Если лед в его взгляде был каким-то признаком...

Ее живот сжался, а сердце стучало слишком быстро. Как давно он знает? Он обнаружил правду до того, как вторгнуться в ее сны, или именно сны предали ее? И какой сон? Вспоминая его слова и действия, становилось очевидным, что он знал правду уже какое-то время.

Но это не уменьшило ее страха. Что случилось сейчас? После выяснения самой уязвимой слабости Греты, что король гоблинов сделает с этим знанием? И почему еще не сделал?

Она бросила быстрый взгляд на дверь, ожидая, что вот-вот ворвутся воины-гоблины и закуют ее в цепи. Ее клинки лежали на высоком столе в другом конце комнаты. Слишком далеко. В прекрасной форме с оружием в руке она, возможно, была бы в состоянии справиться с ним. Возможно. Но полумертвая и без рубашки? Ей, вероятно, не стоит пытаться без крайней необходимости.

Она подняла голову и опустила руку сбоку от себя, медленно поднимаясь на ноги и

сдерживая простыню, чтобы прикрыться.

— Что это за место, и почему я здесь?

Он поднялся вместе с ней, но ближе не подошел.

— Я спас твою жизнь в снегах, а ты даже не потрудилась сказать спасибо?

Удивленная, она снова метнула на него взгляд. Это все, что его волновало? Степень ее благодарности?

— Прости, — медленно проговорила она. — Я благодарна за твою помощь, но мой Патер будет волноваться за меня.

— Твой Патер — Додем Люциус, охотник за головами?

Она кивнула. Молодежь Милены становилась либо фермерами, как их отцы, либо в раннем возрасте заключали контракты с квалифицированными мастерами на обучение в других областях, в зависимости от положения и богатства их семей. Достойным выбором профессии считались такие отрасли как обработка железа или ткачество.

Охотник за головами... не совсем так.

— И как именно ты связана с ним?

Снова безумные вопросы. Если он собирался назвать ее мошенницей и вывести на чистую воду, то он уже должен был это сделать.

— Не было никакого контракта, если ты это имеешь в виду. Он мой отец.

После долгой паузы, он только покачал головой:

— Твой отец очень нелюдимый эльф, и никто о нем ничего не знает. Я не знал, то у него есть дочь, пока не встретил нового умелого охотника за головами на территории гоблинов.

Она попыталась сделать несколько шагов, но ее движения стали медленными из-за боли и тошноты, которые одурманивали ее. Ее могло стошнить прямо на его ботинки. Это было бы ему поделом.

— Ну, у него есть. Так что, если ты закончил забрасывать меня вопросами, я хотела бы сейчас пойти домой и увидеться с ним.

Она начала искать свои ботинки, надеясь, что он больше не будет задавать вопросы.

— Назови мое имя, и я, может быть, соглашусь отпустить тебя.

Она резко посмотрела на него. Его глаза были темными, почти черными. Опасными. Боже, почему это заставляло ее сердце биться быстрее?

— Сейчас? Зачем мне снова делать эту глупость? Ты смог одурачить меня однажды, но...

— В этот раз никаких игр.

Он казался таким искренним. Ей хотелось поверить ему.

Это была часть проблемы.

Она глубоко вздохнула и захлебнулась им. Аромат древесного дыма и специй, то, как его тело вибрировало силой и энергией. Его жизненная сила сокрушила ее.

Он сказал, никаких игр. Смех, да и только. Между ними двумя были только игры. Даже, если бы он не являлся коварным наглецом, между ними не могло быть ничего другого. Имелось так много причин, почему ЭТО было невозможно, почему она не могла позволить себе влюбиться в него.

— Что ты получишь от этого? — проворчала она.

— Мне нравится слышать мое имя из твоих непочтительных уст.

Зажмурив глаза, она покачала головой:

— Мы не всегда получаем, что хотим.

— И что же такого ты хочешь?

В ее голове возникло видение. Светлая кухня. Длинные лучи солнечного света, проникающие через безупречно чистое окно и отражающиеся на отполированной хромированной ручке дверцы холодильника. Женщина открыла его и вытащила пакет сока. Это было единственное из воспоминаний Греты о доме, где все детали остались абсолютно ясными, словно хрусталь, в ее голове.

За исключение того, что она больше не могла увидеть лицо матери.

В выражении его лица, пока он продолжал смотреть на нее с неизменной напряженностью, что-то изменилось. Он просто ждал, пока она совершит ошибку и покажет слишком много, не так ли?

— Ничего. Я вообще ничего не хочу. Тем более от тебя, — она рванулась к своей одежде, скрипя зубами от физического дискомфорта.

— Я не верю тебе, — он двинулся вперед, подходя к ней сзади, прежде чем она дотянулась до своей рубашки. — Все чего-то хотят, и ты не исключение. Я вижу это в твоих глазах.

Она не знала, правда это или нет, но, если она не обернется, то он ничего не сможет подтвердить, так ведь?

— Да? И ты дашь мне то, что я хочу, так?

— Именно это я сейчас делаю.

Она чувствовала, что он стоит за ней; дыхание прерывистое — он колеблется. Наконец его руки упали на ее голые плечи.

Она напряглась, маленькие электрические разряды прошли по её рукам к кончикам пальцев, которые сильнее сжали простыню, обернутую вокруг нее.

С намеком на давление он убеждал её обернуться:

— Но ты должна попросить меня.

— Когда ад замерзнет.

Знакомая боль от потери ужалила её. В любом случае, это была чертова ложь. Он не мог дать ей то, чего она действительно хочет, никто не мог. И она ненавидела, что он поднял на поверхность все эмоции, которые она с таким трудом пыталась скрывать.

Нужно выбирать. Она попыталась выпутаться из его объятий и зарычала, когда он не двинулся с места.

— Прямо сейчас то, что я хочу больше всего, включает в себя расчленение некоего короля гоблинов и вечные страдания. Могу я требовать исполнения моего желания?

Он ответил на ее гневный сарказм только высокомерным поднятием брови.

— И, если бы я попросила о чем-нибудь, единственной ценой была бы моя душа, верно?

— Это не должно быть так, как ты думаешь. Мы будем связаны друг с другом, — он сделал паузу и опустил взгляд на свои руки, которые по-прежнему лежали на ее плечах. — Неужели так ужасно принадлежать мне, Грета? Отдать себя под мою защиту и доверить мне контроль над твоим счастьем.

— Что, черт возьми, это вообще означает? Ты собираешься так проникать во все головы? Разве это не делает ночь утомительной?

Он нахмурился:

— Способность проникать во сны всегда была проклятием, но с мантией короля пришла обязанность исполнять желания моего народа.

— Я не одна из твоих людей, — сказала она. Вот как он ее рассматривал? Она должна была лучше знать, чтобы поверить, что могла быть для него особенной. — Сколько еще людей «связано» с твоей защитой?

— Те, кто хотел обменять свои самые сокровенные желания со мной, делали это добровольно с полным осознанием требуемой платы, — его темные брови нахмурились, и он отступил, отпустив руки по бокам. — Иногда я хотел бы развернуть их назад, но как эльфы связаны с землей, воздухом, огнем и водой, так и король гоблинов связан со своим народом.

Ее грудь сжалась, словно бинты вокруг стали туже. Ей нужно умерить чувства, принимая во внимание сурово сведенные брови. Она отказывалась испытывать жалость к нему — ведь он именно этого хотел.

— Этот твой обмен... что ты делаешь, просто машешь своей гоблинской волшебной палочкой, и вуаля — желания исполняются?

— Ты не сможешь понять.

Она закатила глаза.

— Я связан с каждым человеком под моей опекой, не важно, где нахожусь, они могут найти меня. Я не могу игнорировать честный и прямой призыв о помощи. И да, раз я исполняю желание, идущее от души, эта душа принадлежит мне, потому что беру ответственность за ее или его будущее счастье.

То, о чем он говорил, напомнило ей старую китайскую поговорку: Спаси жизнь, и она будет твоей навеки. В буквальном смысле, все могло усложниться. Это звучало кошмарно, возможно, для него так же, как и для тех, кто заплатил такую цену.

Это также звучало, как чушь. Парнишка, которого она встретила у Маидры, ничего не говорил об ответственности или о том, что является хранителем душ своего народа. Он не принял бы королевский сан, даже если бы тот был преподнесен ему на серебряном блюде.

И все же, то, что они были здесь, доказывало, что она была доверчивой идиоткой, когда пришла к нему.

— Так что все те планы, о которых ты рассказывал мне, обо всех тех вещах, которые хотел сделать, и всех местах, которые хотел увидеть — это была просто игра, чтобы притвориться подобным мне и заставить меня произнести твое имя?

Он потер затылок.

— Сперва, это могло оказаться трудной задачей, — наконец признался он. — Но я не лгал тебе.

— Тогда что изменилось? Почему я сейчас говорю с королем, тогда как четырнадцать дней назад я разговаривала с крутым гоблинским парнишкой?

Он замолчал и отвел взгляд.

— Ладно, это не важно. Я все равно тебе не поверю.

Кроме того, он был не единственным, кто не откровенничал, когда дело дошло до их личностей в ту ночь. Она повернулась и мягко натянула свою рубашку, пока он не смотрел, прежде чем позволить простыне упасть.

— Но я никогда не буду загадывать желание, Айзек.

Большая, довольная улыбка преобразила его лицо, когда она повернулась к нему. О, черт. Она расслабилась и снова назвала его имя.

— Это значит, что я могу уйти? — она сложила руки на поясе, подзадоривая его сказать «нет».

— Куда ты собираешься идти?

— Назад домой.

Он поднял бровь:

— А где твой дом на самом деле?

— Разве мы уже не обсудили это? — она все еще не могла решить, что за игру он вел.

Если бы он знал, что она человек, он бы не говорил о том, что разрешает ей уйти, не так ли?

Он вздохнул:

— Ладно, я отвезу тебя.

Ей все еще было больно, но даже пара часов дискомфорта ходьбы были лучшей альтернативой, чем провести наедине с ним еще больше времени.

— В этом нет необходимости. Я привыкла ходить.

— Нет, это необходимо. Ты сейчас не в том состоянии, чтобы самостоятельно добраться до дома Долема Луциуса отсюда.

— А здесь, это где? — снова спросила она.

— Мой дом на внешнем восточном круге гоблинских земель.

Она застонала. Это путешествие заняло бы почти весь день, если бы она пошла пешком.

— Тогда я была бы признательна, если бы ты выделил одного из своих королевских слуг, чтобы отвезти меня в экипаже.

— У меня здесь нет никого, кто может отвезти тебя. Я отвезу тебя сам.

— Что ты имеешь в виду? Где они?

— Где кто?

— Твои слуги.

Он покачал головой:

— Я не держу слуг возле себя.

— Что? — если это была правда, тогда определенно был тем, кто ее раздевал. Как она сможет снова смотреть ему прямо в глаза, зная, что он видел ее голой? — Почему нет?

Он только пожал плечами.

— Это место кажется столь тихим и комфортным, — она бросила взгляд на холодный камень очага, — что я не могу представить короля гоблинов без уймы слюнвявых слуг и своры приспешников, все время выющихся вокруг.

— Я люблю уединение.

— Уединение я могу понять, но это больше похоже на отправку самого себя в изгнание. Разве это не делает более трудным исполнение твоего королевского долга?

— Я не просился быть этим проклятым королем. Я не просил ничего из... — он остановился. Завеса закрыла его лицо.

— Ты прошел через множество неприятностей, чтобы получить то, чего не хочешь, — она покачала головой. — Уже слишком поздно, ваше высочество. Вы не сможете убедить меня, что вы совершенно не высокомерный, властолюбивый лжец.

Его губы сжались в линию, но он больше не пытался защищаться. Ну что же. Грета не хотела знать, что заставило Айзека действовать. Ее совершенно не волновало, почему он утруждался ложью о своих причинах добиваться гоблинского трона, почему он предпочел вторгнуться в ее сны, а не во сны реальных людей вокруг него, или почему он страдал в холодном пустом доме, когда имел большой выбор женского общества.

Волнение было роскошью, которую она не могла позволить себе на Милене.

— А теперь убирайся отсюда, чтобы я могла одеться. У меня все еще есть право требовать.

Грета попыталась расправить свои затекшие плечи, но колеса кареты влетели в еще одну колею. Она издала низкий стон, так как ее бросало из стороны в сторону снова и снова.

— Ты стремишься попасть в каждую канаву и выемку на дороге?

— Просто радуйся, что не идешь пешком.

— Я говорила, что я прекрасных ходок, — пробормотала она, но в голове у нее стучало, а тело болело. Он был прав, когда сказал, что она никогда не преодолела бы этот путь пешком. Порыв ветра мог сбить ее с ног.

Грета посмотрела на него. В то время как древесные эльфы, подобные Люциусу, проживали как затворники-защитники природы, поселившись в лесу из-за их сильной связи с Великой Матерью, большинство гномов и гоблинов жили едва ли не на головах друг друга в городе или большими семьями на фермах. Было странно, что Айзек решил разместиться в глуши, если только... что если он действительно не хотел быть королем гоблинов и не стремился к обязанностям, которые последовали?

Нет. Если слухи были верны, он зашел слишком далеко, чтобы получить трон, если не хотел его.

Когда они обогнули поворот, за которым открывался вид на крошечный домик, Грета напряженно всматривалась, ждал ли ее на крыльце Люк. Это была своего рода традиция. Каждый раз, когда она была на работе, то огибала последний поворот, и там был он, чтобы приветствовать по возвращению ее живой и здоровой.

Пока молодая охотница за головами была твердо намерена показать себя своему наставнику, это тайное наблюдение обессиливало ее. Но в какой-то момент что-то изменилось, и теперь это была необходимая и ожидаемая часть возвращения домой.

Дом.

Слово вызвало целый ряд противоречивых чувств. Как бы Грета ни говорила себе постоянно, что ее дом и семья в другом месте, воспоминания о том месте были нечеткие и неопределенные, как полузабытая мечта. Она все еще продолжала поиски портала, но ее надежда таяла.

Когда Люк сказал, что Грета может охотиться в одиночку, то девушка испытала облегчение, это означало, что появилась возможность предоставить ему что-то в обмен на свою комнату и питание. Она никогда бы не смогла дать достаточно, чтобы отплатить за все, что он сделал для нее, но это приносило ощущение, что она вносит свой вклад. Почти, как если бы у нее была цель.

В то же время она сомневалась, что это была та жизнь, которую для нее планировали отец с матерью, когда она была еще маленькой девочкой и играла в свои куклы. Откладывая в сторону всю жизнь в другом измерении, они не хотели бы узнать о том, каким человеком она стала — быстрым, безжалостным убийцей. Это опустошило бы их.

Что с тобой сегодня? Она стряхнула тоскливое, бессмысленное настроение и прищурилась от солнца, отражающегося от высоких сугробов.

Айзек был молчалив во время долгой поездки в карете. Они, казалось, согласились на мораторий неудобных, наводящих вопросов, но он по-прежнему наблюдал за ней слишком пристально. Чем раньше она смогла бы уйти от него, тем лучше.

Она все еще не видела Люка. За звенящими и стучащими звуками движущейся кареты

густой лес, окружающий небольшой домик, был слишком тих.

На узком подъезде Айзек отпустил вожжи и притормозил, но она уже соскакивала в снег. Лошадь посмотрела на нее через плечо, словно она могла быть вкусным угощением. На самом деле, лошади Милены имели мало общего с лошадьми, о которых она помнила по дому, за исключением того, что у них было четыре раздвоенных копыта и длинная морда.

Она отскочила за пределы досягаемости прежде, чем ее принялись жевать.

— Спасибо за поездку.

— Хочешь, чтобы я подождал?

Было настолько очевидно, что она беспокоилась?

— Теперь я дома. Можешь ехать.

Пожалуйста, уезжай.

Она ушла, не прощаясь, не потрудившись обсудить с ним еще раз «держись от моих снов подальше», потому что это заняло бы слишком много времени. Несмотря на колотящееся сердце и почти болезненное предчувствие, она была удивлена, когда дошла до знакомого — но пустого — крыльца.

Она пыталась убедить себя, что просто смешна. Он, вероятно, всего лишь занят внутри. Готовит. Может, спит. Или в сарае.

— Люк!

Грета затопала по дощатой лестнице, как раз когда солнце начало опускаться за горизонт, но бросилась вперед, увидев, что дверь приоткрыта. Мрак в доме был гнетущим, непроницаемым для любого света, который, возможно, попытался проникнуть за ней внутрь. Сырой запах, который она не хотела идентифицировать, уже чувствовал себя как дома.

Ее живот скрутило, а в сердце закрался холод:

— Люциус?

Стараясь не паниковать, когда обнаружила разбитую посуду, рваное белье, разбросанное по полу, перевернутую вверх ногами мебель и холодный серый очаг, Грета искала признаки чего-то иного, чем бессмысленное уничтожение имущества, которое имело место.

Следов крови.

Дом выглядел так, словно здесь был заперт огр с пчелой, севшей ему на нос. Но, может, Люка здесь не было. Возможно, он был на работе и даже не знал, что здесь рылись.

Оптимистическая мысль не успела укорениться. Она чувствовала и слышала печаль леса. Как у древесного эльфа, у Люка была глубокая связь с землей. Будучи человеком, Грета не могла понять ее до конца, но научилась слушать и уважать ее, и сейчас каждый листок на каждом дереве — и сама земля — плакали.

Она заставила свои ноги двигаться, прокладывая себе путь через разрушенный, обычно чистый дом Люка, ощущая горечь страха.

— Люк, пожалуйста, — она пыталась проглотить комок, который застрял в ее глотке, как тикающая граната.

Будь живым. Будь живым. Будь живым.

Подняв взгляд от деревянных щепок, которые раньше были стулом, она грозила утонуть в волне паники.

— Черт побери, Люк. Где ты?

— Здесь, — едва слышный, страдальческий шепот был самым желанным звуком, из когда-либо произнесенных. Она развернулась, судорожно выдохнув в порыве облегчения, и

помчалась в спальню.

Сначала она не увидела его.

Но затем она увидела кровь.

— О, Боже мой, — она была везде. Пропитала единственную белую простынь, скомканную на кровати. Покрывала стены длинными полосами. Наполняла тёмно-бордовые пятна на полу. — О, нет.

Она лихорадочно обыскала комнату. Теперь она надеялась, что ошиблась, что слышала здесь Люка. Грета не хотела находить Люка здесь. Он должен был быть, где угодно, только не здесь.

Ее взгляд опустился на босые ноги, выглядывающие с другой стороны кровати. Она быстро обошла постель и опустилась на колени с его стороны. Колени скользили в крови, но девушка едва это заметила.

— Люк? — она потянулась к нему, шаря руками по груди и рукам, ища источник крови. Она не знала, откуда начать. Боже, было так много, слишком много порезов, царапин и проколов.

— Кто сделал это с тобой? Люк, пожалуйста, скажи мне, — его глаза оставались закрытыми. — Давай! Проснись и посмотри на меня.

Ее голос дрожал так же сильно, как и руки. Его тело содрогнулось от какой-то судороги, и она застонала, склонившись, ее зрение расплывалось от слез.

Одна особенно крупная рана на груди постоянно сочилась кровью. Она прижала к ней ладонь, в слабой попытке остановить поток, вызвав хриплый кашель своего наставника.

— Мы должны остановить кровотечение.

— Грета, — прошептал он.

Его веки дрогнули, и он изо всех сил пытался что-то сказать ей, но, когда он открыл рот и бессильно закашлялся, кровь запузырилась на его губах.

Она сморгнула навстречившиеся слезы, не желая опозорить его слабостью.

— Шшш, я в порядке. Не разговаривай. Просто... просто позволь мне заняться этим, — ее взгляд метнулся по нему, пока она решала, чем заняться в первую очередь.

— Нет, я должен... Ты должна знать...

Грета покачала головой, но он просто изо всех сил пытался выдать слова, и из его рта на ее руки брызнула кровь.

— Проклятье, замолчи, — сказала она. — Люк, пожалуйста. Ты не можешь...

— Гретель, — она замерла от строгого тона, который был ей так хорошо знаком. — Остановись... и послушай.

Беспокойная и напуганная до смерти, девушка глубоко вздохнула, зная о крови, льющейся между ее пальцами, которые она продолжала прижимать к ране на его груди.

Его лицо выражало печаль и поражение, когда он схватил ее за ткань рукава.

— Ты должна уехать... найти способ вернуться. Он знает. Ключ... Грета, он знает.

Она понятия не имела, о чем он говорит.

— Я сделаю. Без проблем. Я сделаю то, что ты хочешь, как только тебе станет лучше. Просто позволь мне сперва оказать тебе помощь.

— Торопись. Они придут за тобой, — он продолжал из последних сил. — Не позволяй Аграмон...

— Не думай об этом, — сказала она, все более отчаиваясь, так как его цвет перешел от мелового-белого до совсем прозрачного. — Люк...

При звуке обутых ног у дверей, Грета с рычанием повернулась, рука дернулась в поиске меча. Она издала резкий вскрик, когда увидела, кто это был.

— О, слава Богу, — она даже не пыталась скрыть своего облегчения. — Помоги нам. Люциус... он... Мне нужна помощь, — проговорила она. — Пожалуйста... Айзек, он ранен. И я... я не знаю, что делать.

Он оценил обстановку и был возле нее быстрее удара сердца. К счастью, гоблин рассуждал более ясно, чем она, потянувшись за простыней на кровати и стягивая ее, чтобы прижать к груди Люка. Он прижимал ее, пока тщательно оценивал остальные повреждения.

— У него много ран. Он потерял много крови.

Категоричность в его голосе была безошибочна. Все в ней выступало против этого.

— Я знаю, но все будет хорошо, — настаивала она, в то время как в ее сердце пробиралась тьма. — Он будет в порядке. Мы просто... Мы должны вынести его наружу и положить на землю. Он там лучше исцелится.

Айзек посмотрел ей в глаза. И, когда она подумала, что он собирается сказать ей, что уже слишком поздно, он кивнул.

— Хорошо. Продолжай прижимать это, пока я буду поднимать его.

Она сделала, как он сказал, молча, пока Айзек поднимал его на руки.

Так быстро, как только могли, они вынесли его из дома и спустили по трем деревянным ступеням.

— Вон туда, — сказала Грета, кивая в сторону высоких зарослей очень старых деревьев в нескольких сотнях футов от дома.

Когда они приблизились к роще, Айзек боком шагнул между двумя высокими стволами деревьев, стоящими как два охранника у входа в священный круг. Там не было снега, и трава оставалась сочной и зеленой.

Грета не могла идти дальше. Она была вынуждена отпустить Люка и стоять в ожидании на границе круга, пока Айзек нес его внутрь. Он обернулся, но она помахала ему.

— Поспеши, — сказала она, кивая ему. — Отнеси его туда.

Хотя Люк принял ее и считал почти собственным дитя, Грета не была древесным эльфом и не владела никакой магией, поэтому она не могла войти в священный круг эльфа. Она даже не была уверена, что Айзек сможет, но, хвала Великой Матери, он пересек границу без каких-либо проблем.

— Ты должен положить его в середину круга.

— Я знаю, — ответил он спокойным голосом. Ровным. Грета немного успокоилась от его компетентности и нежности, с которой он опустил Люка на землю.

Не дожидаясь ее указаний, Айзек протянул руку и быстро начал копать скрюченными пальцами траншею в траве вокруг всего тела. Когда это было сделано, он запрокинул голову к небу. Её губы шевелились вместе с его, когда он произнес заветные слова, молясь земле, чтобы та открылась и окутала древесного эльфа своим исцелением, богатой минералами землей.

Ничего не произошло.

— Почему это не работает? — ее пальцы впились в кору деревьев, стоящих, как молчаливые стражники круга. Она встретила взглядом с Айзеком, не в состоянии скрыть свое отчаяние и страх. — Сделай что-нибудь, — попросила она. — Айзек, пожалуйста. Ты должен сделать что-то еще.

Он только покачал головой, его глаза были торжественными и темными.

— Мне жаль. Больше ничего нельзя сделать. Великая Мать...

Вдруг Грета почувствовала хлопок. Давление прекратилось. Она двинулась вперед, сделав шаг внутрь круга. Невидимый щит исчез. Магия померкла.

— Нет! О, Боже, нет.

Она нырнула под стоящими деревьями, и протиснувшись мимо Айзека, опустилась на колени на траву.

— Нет, нет, нет. Люк, не смей! — она обхватила ладонями его лицо и притянула к себе, потом резко затрясла. — Просыпайся.

Накатили слезы. Она не могла удержать их.

— Проснись. Ты должен проснуться!

Он был неподвижен.

— Нет, ты не можешь так поступить, — рыдала она. — Не уходи. Не уходи, не оставляй меня здесь, — взяв его уже остывающую руку в свою, она прижала ее к груди, прислоняясь к нему лбом. — Мне так жаль.

Сперва она не заметила, как руки Айзека обхватили ее, и он погладил ей плечо, его большая рука сильным рывком встряхнула ее от горя. Она затихла, прижавшись к его рукам, пока он не отпустил ее.

Он взял ее за руки, отрывая их от запятнанной кровью ткани рубашки Люка. Она закрылась в себе, но король остался с ней, говоря что-то низким голосом. Грета не знала что. Это даже не имело значения. Его гипнотический, успокаивающий голос слегка притуплял боль.

Через долгое время, он поднял ее и начал выводить из круга. Тяжесть горя сдавила ей грудь, затрудняя дыхание.

— Нет, я не могу уйти. Я не могу оставить его там совсем одного.

— Я думаю, что твой патер больше всего хотел бы успокоиться здесь, в лесах. Он теперь наедине с Великой Матерью и никогда больше не будет один, — Айзек сделал паузу и сжал ее руку. — Я могу позаботиться о нем за тебя, но, может, тебе стоит подождать в карете.

Она покачала головой и приложила усилия, чтобы снова сосредоточиться, вернуть контроль над собой.

— Нет, я справлюсь с этим. Остаться с ним до конца — меньшее, что я могу сделать.

Он мгновение смотрел на нее, прежде чем кивнуть:

— Хорошо. Я пойду в дом и возьму лопату. Никуда не уходи.

Куда я могла пойти?

Когда Айзек ушел, Грета снова вернулась к Люку. Увидев темные пятна, пачкающие его лицо, она схватила чистый край простыни и вытерла кровь настолько тщательно, как только могла, но та уже высохла, затвердела и походила на темные родимые пятна.

Вернулся Айзек и настоял на том, чтобы копать самому. Он остановился только единожды, чтобы снять свой тяжелый плащ и закатить рукава белой батистовой рубашки. Когда яма была достаточно глубока, он взял Люка на руки и опустил в свежую могилу.

Грета поднялась на дрожащих ногах и прошлась по траве, которая стала коричневой и хрустящей теперь, когда магии поддерживающей в ней жизнь среди вечной зимы Милены не стало. Когда последняя лопата грязи упала на могилу ее наставника, она отшатнулась к краю круга и метнулась к деревьям.

Грета преодолела может сотню ярдов, прежде чем упасть на колени и устремить взор в ночное небо, большими глотками втягивая воздух в легкие. Линия горизонта была темной

тенью, не отмеченной бесконечными линиями электропередач или остроконечными верхушками тысячи небоскребов. Флора, также легко убиваемая, как и питающая. Горы, которые отказывались сгибаться под любой силой, кроме пришедшей от Великой Матери. Все в этом месте было трудным. Беспощадным.

Она вытерла рукавом глаза и сделала глубокий вдох. Люк пытался ей что-то сказать, прежде чем умер.

Аграмон.

Аграмон.

Что это значит? Человек, место или предмет? Люк пытался назвать своего убийцу или передать какую-то из последних отеческих мудростей, которую она не восприняла, потому что она была не в своем уме, пока он истекал кровью?

Сзади к ней подошел Айзек:

— Ты в порядке?

Грета покачала головой, зная, что если произнесет хоть слово, то снова потеряет контроль, и заставила себя вернуться в дом.

Смотри на это, как на любую другую работу. Ты охотишься на монстра. Именно этому обучил тебя Люк.

— Здесь ничего для тебя нет.

— Я еще не могу уехать. Должно быть что-то, что подскажет, кто сделал это с ним.

Он стоял за ее спиной, пахнувший теплом и жизнью, свежей землей и потом.

— Любой мог войти сюда, — сказал он, касаясь её плеча. — Один из Потерянных. Или, возможно, бродяги.

— Я так не думаю, — кровь на полу засохла круглыми темными каплями, это оставляло яркие пятна на натуральной древесине.

Ни одно существо из Потерянных не могло бы сделать этого. Все выглядело слишком расчетливым.

— Я думаю, Люциус знал, кто это был. Он пытался сказать мне, когда я нашла его. Он назвал — Аграмон, — она обернулась, чтобы хмуро взглянуть на Айзека. — Ты знаешь, что это значит?

Глаза Айзека расширились. Прежде чем она успела спросить, что он знает, он схватил ее за руку и начал тянуть к двери, его брови сошлись в одну линию.

— Что это?

— Здесь небезопасно. Если он найдет тебя...

Значит, Аграмон был человеком. Она вырвалась из его хватки.

— Что ты знаешь о нем?

— Я знаю, что он придет за тобой.

Она напряглась:

— За мной? Почему я? Этот парень убил Люциуса из-за меня? Откуда ты знаешь?

Он потер шею и уставился на нее, словно пытаясь решить, сможет ли он перебросить девушку через плечо.

— Он послал своих гномов, чтобы сделать это за него. И, в основном, они действуют своим способом.

— Гномы? — она впиалась пальцами в ладони, чтобы удержаться, не схватить и не встряхнуть его, внутри нее бушевало слишком много эмоций. — Откуда ты это знаешь?

Его губы страдальчески сжались, но он не проронил более ни слова.

— Это не имеет значения, — сказала она. — Я избавлю его от необходимости собирать отряд, найду его первой.

— Не будь смешной, — резкий взгляд искажил его лицо. — Ты понятия не имеешь, с кем имеешь дело.

Она пожала плечами и отвернулась, пряча страх и отчаяние:

— Я пойму это, не так ли?

— Такая упрямая, — сказал он за ее спиной. — Это человеческая черта?

— Что? — она задохнулась и развернулась.

— Ты будешь отрицать это? — его суровый взгляд подзадоривал ее попытаться.

— Послушай, — она выяснила, что он знал правду после разговора в его доме, но как он выплюнул «человек», словно само слово оставило прогорклый вкус на его языке, — я просто собираюсь уйти. Я думаю, будет лучше, если...

Айзек встал между ней и дверью. Она видела осуждение в его жесткой стойке, настороженность в тяжелом взгляде. Казалось, он ждал, что Грета сделает что-то омерзительное и тем самым докажет, что люди именно так ужасны, как ему рассказали.

— Почему я должен тебя отпускать? — спросил он. — Ты — та причина, по которой этот мир был проклят, и ты — единственный способ освободиться от этого.

Она открыла рот:

— Стоп. Я знаю, твой народ придумал кучу параноидального дерьма про людей, но давай не будем увлекаться. Ты же, на самом деле, не веришь всем этим сумасшедшим историям?

— Люди привлекли монстра на Милену, который остается по сей день. Он впился в саму землю, на которой мы живем, в озера, из которых мы пьем, в воздух, которым мы дышим, и заразил нас всех. Только уничтожив людей на нашей земле, мы сможем снова обрести процветание.

Грете не понравился его ханжеский тон:

— Это...

— Тихо, — рявкнул он, непроницаемое выражение его лица заставило ее мышцы напрячься в готовности. — Кто ты?

Она закусила губу:

— Никто. Я не угроза тебе или кому-то еще. Я — просто девушка, а не какой-то предвестник большого зла. Правда. Пожалуйста, Айзек, просто забудь об этом. Отпусти меня.

Глаза короля сузились при звуке его имени, слетевшего с ее губ, как мольба:

— Ты никуда не пойдешь, пока мы не поговорим.

Она скрестила руки и впилась в него взглядом:

— У меня на это нет времени.

Он смеялся над ней. Смеялся. Придурок.

— По крайней мере, теперь я понимаю, откуда происходит твоя дерзость. Люди, общеизвестно, раздражающие и неприятные, не так ли?

И откуда ему знать каковы люди?

— Ты сам не такой простой, как пять копеек, — отрезала она. — Высокомерный, искусно манипулирующий умник.

Он проигнорировал ее удар:

— Собери то, что ты считаешь, может тебе понадобится и приходи к карете. У тебя две минуты. Не больше.

Айзек может и не был самым крупным, самым сильным, самым грозным — но все же потенциал в нем был. Он лучше подходил к своей новой должности, чем утверждает. Он уже разговаривал с непоколебимой уверенностью мужчины, который привык получать

желаемое, используя привилегии своего положения. Еще пара лет и он станет абсолютно невыносим.

У Греты заболела челюсть из-за очень плотно сжатых зубов, но она ничего не сказала. В этом мире его желания всегда будут преобладать над ее. Если бы он решил доказать свою власть, за нее никто бы не заступился.

Девушка нашла фонарь, который пережил бойню. В поисках нескольких спичек она направилась к шкафу в другом конце комнаты. Двойные дверцы кухонного шкафчика были открыты, одна из них криво висела на одной петле. Немногое содержимое было сметено с полки и разбросано на полу, но она смогла найти коробку спичек, чтобы зажечь фонарь.

Мягкий свет осветил маленький круг вокруг, а она достала две пустых полки из шкафа и повернула скрытую защелку. Задняя стенка полностью откинулась на скрытых петлях, открывая потайное отделение.

Она обследовала набор оружия, все еще аккуратно расположенного на своих местах на высокой полке. Ножи и кинжалы. Меч и топор. Колчан стрел и короткий лук рядом с ним, а также еще несколько интересных вещей. Она взяла то, что хотела, а затем вернулась в комнату Люка.

Он принял Грету и защищал ее, тогда как любой другой на этой проклятой планете распотрошил бы ее как свинью и насадил бы ее голову на пику. Она так и не поняла почему, хотя временами думала, что он решил убить ее усталостью. Он мучал ее уроками охоты, тренировками с оружием и уроками выживания каждый день, пока девушка не падала от усталости, но, по крайней мере, удержал от отчаяния, когда она поняла, что домой возврата нет.

Неважно, насколько суров он иногда был, Люк стал ее другом. А также отцом и учителем. Теперь он мертв. Она осталась одна. Ей нужно запомнить этот момент. Не страх или одиночество — хотя эти чувства были настолько сильны, что могли разорвать ее изнутри — но гнев. Она могла использовать его и черпать из него силу.

— Ты слишком долго собираешься, — окликнул ее снаружи Айзек.

Она скрипнула зубами и вышла из комнаты, завернув в свою небольшую зону отдыха. Это был просто альков, который Люк отгородил для нее тяжелым занавесом, чтобы у нее была какая-то приватность.

Она схватила свой крошечный золотой медальон и грецкий орех с шаткого столика рядом с постелью. Стоя там, она решила, что ей могли понадобиться расческа и сменная одежда, поэтому сложила их в сумку и вышла, не оглядываясь.

На крыльце Грета остановилась. Вся кристальная поверхность снежного покрова мерцала словно в сказке, отливая розовым в мягком свете низко расположенных лун Милены. В темноте было трудно разобрать выражение лица Айзека. Она не знала, что творилось в его голове, но ее это не волновало до тех пор, пока он давал ей возможность уйти.

Она обошла его и спустилась по ступенькам, в противоположную сторону от оставленной им кареты. Прежде чем она успела сделать два шага, он преградил ей путь.

Она устало выдохнула:

— Я не поеду с тобой.

— И куда ты пойдешь? — спросил он, свирепо глядя на нее.

Черт, если бы она знала. На нее снова накатило. Отчаяние и одиночество. Ей действительно некуда было идти. Она не могла никому доверять. Вскоре девушка сломается

от напряжения. Грета чувствовала, как это наваливается на нее, и не могла позволить случиться этому здесь, перед ним.

— Какое тебе дело?

— Как тебе известно, все что бегает, ходит или ползает в этих землях — мое дело.

Да, крутой парень из ее снов исчез, а король гоблинов вернулся.

— Под твоей пятой, ты это имеешь ввиду?

— Если я так захочу, — выдавил он с упрямым рыком. — Особенно когда мне приходится иметь дело с опрометчивым, упрямым человеком с иррациональным желанием умереть, настолько глупым, чтобы выйти против сил, с которыми никогда не сможет справиться в одиночку.

— Опрометчивый и глупый? Не удивительно, что ты живешь один — красивая лесть никогда не прекращается, — сказала она. — И нет ничего опрометчивого в моих поисках этого монстра Аграмона. Я была обучена лучшим охотником во всей этой замороженной пустоши.

— Это другое, — настаивал он. — Это не обычный упырь, который поддался лунам. Ты — человек. У тебя нет ни единого шанса против одного такого, как Аграмон.

— И что ты знаешь об этом? — она подождала, но он по-прежнему не хотел отвечать. И, фыркнув, попыталась снова его обойти.

— Смейся сколько угодно, но тебе нужна моя защита.

— Ты собираешься меня защищать? — она рассмеялась. — Разве ты не должен призвать толпу линчевать меня? — желудок Греты сжался при этой мысли. — Прежде в аду наступит самый холодный день, чем я обращусь к тебе за защитой.

— Я не сомневаюсь, что ты можешь постоять за себя против одного или двух огров, но что ты собираешься делать с армией?

— Водить хоровод?

Он усмехнулся:

— Твои вечные невоспитанные шуточки.

— Вот такая я. Низкопробный человек. Как ты вообще умудряешься выдержать разговор со мной? О, подожди, ты же не разговариваешь со мной. Ты манипулируешь. Ты командуешь мной. Ты лжешь мне...

— Достаточно! Скажи мне, где прячутся остальные человеческие отщепенцы, и возможно убедишь меня сохранить ваш секрет. Я могу помочь тебе.

Отщепенцы?

— Нет никаких отщепенцев. Вообще никаких других людей, — честно ответила она. — Насколько мне известно, я единственная.

Айзек оценивающе смотрел на нее долгое время.

— Ты не единственная.

— Ты видел других? — она слышала рассказы, но это были старые истории и всегда начинались с того, что противные людишки, появились из облака черной магии и налетели на Милену как саранча, а заканчивались тем, что ее род убивали на благо каждого, обычно через сжигание или обезглавливание. — Когда ты видел их? Где?

Айзек остался верен себе. Его лоб пересекла жесткая складка, когда он нахмурился.

— Более двух недель назад были обнаружены несколько человек, занимающихся браконьерством в округе Линдера.

Линдер был влиятельным королем гномов, в округ которого входил Разу, крупнейший

город Милены, и земли, граничащие с территорией Айзека на юге. Она не часто бралась за работу в том округе, но если бы что-то произошло, она бы услышала об этом.

— Даже если они были людьми — что сомнительно — они, скорее всего, просто пытались найти еду и кров.

Он пожал плечами:

— Я не знаю, и это не имеет значения. Мы выследили их.

— Если это произошло в землях Линдера, то почему ты участвовал в этом?

— Люди скрылись в Гоблинском Лесу. Король гномов попросил меня о помощи, поэтому я собрал группу охотников для их поимки. Первого мужчину мы нашли скрывающимся глубоко в серных пещерах. Он оказался не старше гоблинского мальчика, которого мы спасли от упыря, но был безумным существом. Он скреб стену окровавленными пальцами, словно пытался пробиться сквозь стену голыми руками.

Мог ли мальчик догадаться — как и она — что ключом к неуловимым порталам был огонь, и попытался добраться до расплавленной лавы, которая текла под пещерой?

Грета закрыла глаза. Четыре года назад, когда она проснулась на грязном полу в темноте, оказалось, что она была в серных пещерах, глубоко в горах, граничащих с землями фей. С тех пор она исследовала все эти пещеры, но не нашла пути домой.

С дрожью она подумала, что тот бедный мальчик легко мог оказаться ею. Если бы ее не нашел Люк в полном одиночестве, она могла бы быть доведена до безумия шоком от этого альтернативного мира.

— Несмотря на его преступления, мы хотели взять мальчишку без дополнительных травм. Мы хотели использовать его, чтобы выманить из подполья второго человека.

От бесстрастного описания его планов у нее по спине пробежал холодок, пока она не вспомнила обо всех Потерянных, которых она систематически выслеживала и казнила. Она была такой же? Расчетливой и беспощадной?

— Что случилось?

— Он попытался бежать и поскользнулся на скалах. Он сорвался с края обрыва. Вторым мальчик появился, как только первый упал, и напал на нас.

— Ты убил его.

Он вздрогнул:

— Он вынудил меня убить его.

— И как именно он вынудил тебя? — она усмехнулась. — Он был вооружен до зубов и угрожал твоей жизни так же, как ты его, или просто оказался неприятностью, которую ты прихлопнул как муху?

Айзек, брызгая слюной, возмущенно забормотал:

— Я бы его не убивал. Я бы ранил его, да, и отвел бы к Линдеру для вынесения приговора, но ему удалось сбежать.

— Значит, он вероятно мертв, и я единственная, — слезы жгли ее глаза, но она удержала их.

— Во время поисков наших двух преступников мы нашли в лесу еще следы присутствия людей.

Она никогда не находила даже намека на присутствие других людей на Милене. На самом деле, она до сих пор не была уверена, что поверила в историю Айзека. Она направилась напрямиком к линии деревьев на противоположном краю дороги, но он снова остановил её.

— Подумай головой, если там что-то есть, — он вздохнул, когда она попыталась протиснуться мимо него. — Прежде всего, там темно и холодно.

— Бывало и холоднее, — упрямо сказала она.

— Как король я имею полное право задержать тебя, пока ты не дашь мне желаемое. Но я нахожу, что гораздо меньше заинтересован в твоём принуждении, чем в твоём понимании, что ты можешь мне доверять.

Она резко остановилась. Доверие? Между ними? Она доверяла Айзеку примерно настолько же, насколько доверяла голодному черному волку, когда обе луны были полными. И она знала, что он тоже не доверял ей. Независимо от целей его игры, она была в ней не заинтересована.

— Если ты не удерживаешь меня против моей воли, то я уйду. Я была терпелива, потому что ты помог мне с Люциусом. Но, если у тебя есть какие-нибудь мысли, где этот демон, лучше тебе сказать мне.

— Как ты говоришь, Грета... забудь об этом.

Ее охватила волна разочарования и гнева, и, прежде чем подумать, она пнула его в голень. Гоблин отпрянул и уставился на нее.

— Почему ты, порочная, неблагодарная...

Она вдруг заметила, какими длинными и острыми стали его ногти.

Резцы Айзека тоже удлинились, торча изо рта, а его глаза тускло мерцали. Он сделал шаг прочь от нее.

Он был готов превратиться.

Нет, подожди. Его тело было напряжено, словно он едва сдерживался, но все еще контролировал ситуацию. Пока она наблюдала за ним, когти втянулись, а глаза утратили дикий блеск.

— Что за черт? — спросила она.

Он издал гортанный рык и покачал головой. Она действительно так его довела? Она сильно ухудшала ситуацию, но никогда прежде не доводила до такого.

— Затмение близко, — он все еще глубоко дышал, рубашка под распахнутым плащом туго натянулась на поднимающейся груди. На его шее вздулась вена, а квадратная челюсть была плотно сжата.

— Насколько близко?

Люк предупреждал ее всего несколько лун назад, что это скоро случится, но она как можно дольше старалась не думать об этом событии, ведь оно означало, что она будет заперта. Теперь девушка сожалела, что отгородилась от этого. Неизбежно затмение, конечно, это объясняло ее проблемы при столкновении с Потерянным.

— Семь дней, — он вытер лоб рукой.

— Ты уверен?

Выражение его лица не изменилось.

— Хорошо, хорошо. Значит, ты уверен.

Она пожала плечами. Семь дней? Тяжелый комок страха сковал ее грудь, когда она вспомнила сырую, темную яму, куда Люк закрывал ее последние два затмения.

В первый раз она охотно пошла, но крошечная тьма что-то сделала с ней. В прошлый раз она твердила, что в этом нет необходимости, что она в состоянии сама о себе позаботиться. Она даже была готова драться с ним, но он не дал ей шанса. Однажды утром она просто проснулась на земляном полу, пойманная в ловушку в темноте.

Ни в коем случае она не вернется туда. Внезапно ей в голову пришла страшная мысль.
— Ты уже достаточно взрослый, ведь так? Ты собираешься обратиться, когда наступит затмение.

Он тяжело сглотнул:

— Я не знаю.

Он лжет. Она скрестила руки на груди.

— Ладно, не говори мне.

Он простонал:

— Я думаю, да, я обращусь. Я чувствовал это в прошлый раз, шевеление под кожей, но я был слишком молод. Я думаю, это случится в этом году.

Мрачное выражение его лица заставило ее почувствовать укол сочувствия к нему. Грета ненавидела мысль об Айзеке, захваченном безумием затмения. Она могла себе представить, насколько он ненавидел потерю контроля.

Не трать свое время беспокойствами об Айзеке. Проклятье, волнуйся за себя.

Это заставило ее двигаться. Она закинула свою сумку за плечо.

— Удачи тебе с этим.

Он снова ее остановил. На этот раз он совсем не походил на опасного гоблина на грани обращения. Просто мальчишка, который уже устал от того дерьма, которое взвалили ему на плечи.

— Что если я... попрошу тебя не уходить?

Ее ноги приросли к земле.

— Ты это делаешь?

— Ну... если бы сделал? Ты бы осталась?

Грета с силой хлопнула себя ладонями по бедрам и наклонила голову.

— Я не могу. Есть кое-что, что мне нужно сделать.

С его лица исчезла уязвимость, сменившись высокомерием короля гоблинов, которое она ненавидела. Его губы сжались и, повернувшись, он пошел прочь от нее.

Это, наверное, был трюк. Он не мог просто позволить уйти человеку.

— Что ты собираешься делать? Ты собираешься рассказать...?

— Твой секрет в безопасности, — он оглянулся через плечо. Лунного света, падающего на его лицо, было достаточно, чтобы заметить как он хмурится, морща лоб. — Пока.

— Пока? Что это должно значить?

— Я не знаю, — он рассеянно провел рукой по волосам. — Иди, если это то, чего ты хочешь, но ты знаешь, что не сможешь от меня скрыться, если я решу найти тебя.

По любой информации на Милене, передающейся из поколения в поколение, или изложенной на пергаменте, она была самым ненавистным существом для Айзека, и все-таки он отпустил ее.

И это беспокоило девушку.

Хотя он сказал, что в любой момент найдет ее, и это может быть правдой, если она не обнаружит способ снова закрыть дверь в свои сны — первый вопрос в ее списке раздражающих проблем — но это все же не имело смысла. Было похоже, что девушка стала пешкой в чьей-то игре, но понятия не имела у кого следующий ход, или даже, как выглядела эта доска.

Она потратила два дня, спрашивая всех, кто встречался ей на пути о Аргамонте, пытаясь остаться незаметной. Насколько можно было судить, демон — миф или, в лучшем случае, фантом. Но она продолжала поиски. Тем более что ей все равно было некуда идти. Без Люка у нее не было дома. У нее не было ничего.

Смахивая слезы с глаз, которые только замерзли бы на щеках, если бы Грета позволила им упасть, она свернула в переулочек и потопала к единственному публичному дому, который можно было найти по эту сторону Разуа.

Чего бы она ни отдала за жуткую жару, которой Милена никогда не знала. Как-то она спросила Люка, как возможно, чтобы планета вращалась вокруг двух солнц и не имела лета, а он возразил, спросив, разве земля была раем. Она описала большое золотистое солнце, и его сияющее тепло, рассказала, как проводила долгие летние дни на пляже, где они с ее братом Дрю плескались в одних купальниках, потому что было настолько жарко, что на асфальте можно было жарить яйца.

Она засунула руку в карман и сжала в ней орех, который забрала из дома Люка. Такая глупая мелочь, но это все, что у нее было, кроме медальона. Слезы снова затуманили ей зрение. Рассердившись, Грета смахнула их и глубоко вздохнула.

Как всегда, главный вход гостиницы Маидры был закрыт от вечного холода, но сама гостиница никогда не закрывалась, разве что на период затмения.

Когда она подошла, теплый золотой луч света выплеснулся через щель под дверью и еще один через плотно занавешенное окно, рядом с ним. Сколько времени понадобится Айзеку, чтобы найти ее здесь? Она не ловила его, шпионящем за ней в ее снах. Правда, и спала не более одного-двух часов именно по этой причине.

Он искал ее или, наконец-то, решил, что она этого не стоит?

Не важно. Грете нужно было здесь не более часа, может меньше. Достаточно для того, чтобы задать несколько вопросов и получить несколько ответов. А затем она снова отправится в путь.

Монопольные поставки Маидры дешевых спиртных напитков в графстве привлекали в ее таверну самых разных посетителей и ситуация могла стать скверной в мгновение ока. Прежде чем подняться по ступенькам, Грета дважды проверила свои косы, натянула поглубже на глаза капюшон и погладила клинок на бедре. Готова, как всегда.

Дверь распахнулась раньше, чем она дошла до нее, выпустив какофонию веселых звуков в ранний вечерний воздух. Из нее вприпрыжку выбежала женщина-гоблин, за ней нетерпеливо следовал мужчина. Грета не знала его, но он, несомненно, был эльфом огня.

Долговязый и высокий, его волосы были такими яркими, что казались красными в свете, падающем из таверны позади него. И у него горели глаза. Грета пропустила его.

Гоблин — другое дело. Теперь она ее узнала.

Сиона была охотницей и — как любой другой встреченный ею гоблин, включая Айзека — занозой в заднице. Она увела прямо из-под носа Греты несколько вознаграждений, но Грета часто делала тоже самое с Сионой, так что они были квиты. На самом деле у нее не было проблем с женщиной-гоблином на личном фронте — не то, чтобы между ними было что-то личное. У Греты ни с кем не было ничего личного, за исключением, наверное, Айзека.

И вот куда тебя это привело.

Сиона была красивой для гоблина. Слишком красивой. Ей не хватало широты стати и резкости черт, которые классифицировали вид, отчего Грета подумала, что кое-где был громкий скандал. Она никогда не была достаточно близка к ней для таких вопросов, но высокий рост и худощавое телосложение женщины напоминало Грете нелюдимых фей. У нее были длинные блестящие черные волосы и большие глаза цвета аметиста. Такие, как у Айзека.

Пара уже собиралась отойти в сторону и уступить ей дорогу, но Сиона в последнюю минуту бросила на нее взгляд.

— Данем Грета, это ты? — она присмотрелась пристальнее, словно пытаясь заглянуть сквозь слои одежды Греты. — Это ты, не так ли?

Несмотря на погоду, кожаное пальто Сионы длиной до лодыжек было распахнуто настежь. Тонкая блузка и обтягивающие штаны под ним, возможно, не давали ей достаточную защиту от холода, но, по крайней мере, ее сапоги казались пушистыми и теплыми. На талии она носила длинный меч.

Грета до замирания сердца завидовала молодой женщине, которая соединила в себе сексуальность, грациозность и смертоносность так, как она никогда не могла. Они были одного роста и возраста, но у Греты никогда не было одежды, которую могли посчитать легкомысленной или декоративной, и она не могла вспомнить, каково это, делать что-то ради удовольствия.

Она шагнула в сторону, чтобы вынудить парочку пройти мимо.

— Добрый вечер, Данем Сиона. Извините.

— Я слышала о смерти Долема Люциуса, — сказала Сиона, оставаясь на месте. — Я сожалею о твоей утрате.

Гнев снова вспыхнул.

— Пожалуйста, позвольте мне пройти, — осторожно сказала она. — Я не хотела бы прерывать ваш вечер.

Сиона притянула к себе спутника и что-то прошептала ему на ухо, не отрывая взгляда от Греты. Что бы она ни сказала, кажется это было не очень хорошо. Эльф бросил на Грету яркий огненный взгляд, прежде чем проследовать мимо них к переулку.

Грета поместила руку на пояс, рядом с мечом, закрепленным на бедре.

— Что ты хочешь, Данем Сиона?

— Из профессиональной вежливости я подумала попытаться предупредить тебя, — ответила она, мрачная складка пересекла ее лоб. — Сейчас тобой заинтересованы слишком многие. Фактически, я бы заработала хороший мешок монет, если бы схватила тебя.

— Схватила меня? Ты хочешь сказать, что за меня назначена награда? За мою

голову? — Грета выдавила удивленный смех. — По чьему приказу? В чем меня обвиняют?

— Приказ подразумевает, чтобы тебя взяли живой за убийство Долема Люциуса.

У нее сжался живот.

— Зачем мне убивать собственного патера? И кто говорит такую ложь?

Она покачала головой.

— Не знаю. Анонимная награда.

— Кто-то должен иметь доказательства, чтобы выдвинуть такое обвинение. Награда никогда не бывает абсолютно анонимной.

Она кивнула.

— Ты права. Ходят слухи, что король Линдер из южных графств дает гинею за выполненный приказ.

Снова Линдер? Что ему нужно? Грета никогда не бывала в Разуа, никогда не проваливала работу и не сталкивалась с королем гномов или кем-то из его людей. По крайней мере, из того, что она могла помнить. Какое значение для него могла иметь смерть древесного эльфа из других земель?

Если только его кто-то надоумил.

— Все, что у него есть — дерьмо.

Сиона повела бедрами и запахла свое пальто, когда между ними проскользнул порыв ледяного ветра.

— Этого, кажется, было достаточно, чтобы убедить Совет. Он также приложил много усилий, чтобы сделать это предписание международным.

Грета фыркнула:

— Это не шутка, Данем. Охотники каждого графства вышли из тени, чтобы доставить тебя, — глаза женщины-гоблина блеснули, ее губы растянулись в смущенной улыбке, — и многие не только ради денег.

Грета махнула рукой.

— Мы все отбираем награды друг у друга. Я потеряла из-за тебя одну за последние две недели. Первый пришел, первый ушел, первый получил награду.

Улыбка гоблина растаяла, когда она бросила взгляд через плечо на закрытую дверь таверны.

— Но уже не секрет, что воспитанница Долема Люциуса не совсем та, за кого себя выдает, — тихо сказала она. — Для них это больше не просто победа над другим охотником...

Грета отступила назад. Айзек? Она не хотела верить, что это затеял он... но кто еще? У обещания, что ее тайна «пока» в безопасности, видимо, был очень короткий срок. Или, возможно, именно так он намеревался найти ее.

Ее плечи резко опустились, но Грета заставила себя отбросить разочарование.

— Зачем ты все это мне говоришь? У тебя был прекрасный шанс получить награду, если бы ты просто не проболталась и не предупредила меня.

— А ты считаешь, что я не могу схватить тебя? Тщедушного маленького человечка, подобного тебе?

Грета выдавила смешок:

— Не забывай, что этот тщедушный маленький человечек все еще тот самый человек, которому пришлось вытащить твою жалкую задницу из логова призрака во впадине Фоллс.

— Тебе не о чем беспокоиться, — сказала гоблин, проводя пальцами по своим длинным

черным волосам. — По крайней мере, с моей стороны.

Хватка Греты на рукоятке меча слегка расслабилась.

— Почему нет? Разве ты не должна с отвращением плевать в меня и устранить, как угрозу обществу?

— Вчера ты не была угрозой, — Сиона подняла свои словно нарисованные брови. — Ты хочешь сказать, что сегодня ты уже угроза?

— Не более чем ты, но дело не в этом, ведь так? Тебе все равно, что со мной будет, так что не притворяйся. Почему бы тебе не разжиться той наградой и одновременно не избавить Милену от нежелательного?

Она лишь пожала плечами:

— У меня другое задание.

Внезапно Грета поняла, кто дал охотнице задание:

— Значит, вот настоящая причина, почему ты здесь? Ты сидишь здесь и ждешь, когда я появлюсь, потому что тебя попросил он? Ну, можешь идти, — она махнула в ту сторону, куда ушел эльф. — Ты видела меня и теперь можешь сказать ему, что я покончила с его проклятыми играми. Скорее огры начнут носить бикини, чем он приблизится ко мне снова, и я не могу ценить его слезку за мной.

Сиона выглядела немного озадаченной:

— Я верю, что он на самом деле волнуется за тебя.

— Если он так беспокоится, то почему не пришел сам?

— Он нужен своим людям, — прозвучало ли в ее голосе осуждение? — Были какие-то неприятности с кучкой гномов. Толпы хлынули в наше графство извне, терроризируя наши деревни. Они, кажется, что-то ищут, — она сделала паузу, — или, возможно, кого-то.

К сожалению, не приходилось даже гадать, кто бы это мог быть. Она лишь задумалась, действовали ли гномы согласно заданию или работали на Аграмона, как сказал Айзек.

— По каким-то причинам король считает, что ты плохо влияешь на его чувство долга, — Сиона нахмурилась и присмотрелась к внешности Греты, выглядя не сильно впечатлённой. — Я могу только представлять, почему.

— Если ты думаешь, что я хоть на минуту поверю, что он не доверяет себе, когда находится рядом со мной...

Женщина-гоблин наклонила голову и сузила глаза:

— Согласна. Я тоже этого не понимаю.

— Ну-ну, спасибо, — сказала Грета с намеком на сарказм, прежде чем поняла, что ее голос прозвучал обиженно.

— Все усугубилось с быстро приближающимся затмением.

Грета едва сдержала вздох. Затмение. Неужели она на самом деле почти забыла о такой катастрофе? Айзек почти обратился перед ней в последний раз, когда они были вместе. Она вспомнила его взгляд и усилия, которые он приложил, чтобы прекратить обращение. Он был так силен, что это одновременно напугало и взволновало ее.

Сиона, казалось, изучала ее лицо, задержавшись глазами на вспыхнувших щеках Греты. Превосходно.

— Я передам кузену твое сообщение, — сказала женщина-гоблин, — хотя бы потому, что у меня так мало возможностей помучить его, я с удовольствием понаблюдаю, как вы двое играете друг с другом.

Кузен? Грета никогда бы не догадалась. Кроме аметистовых глаз и густых темных волос

В них не было ничего похожего.

— Очень маловероятно, что вы составите пару, и я не уверена, что понимаю, что он в тебе видит.

— Да, ты уже говорила это, — Грета не знала, согласиться с ней или пнуть ее под зад. — Поэтому, иди уже.

— В конце концов, — сказала Сиона, — как бы мне не хотелось замучить моего кузена, мой король хочет, чтобы я следила за тобой, а его воле нужно подчиняться.

— Будь он проклят, — рявкнула Грета. — Айзек не мой король, и, насколько мне известно, он не имеет права следить за мной ни сам, ни через своих лакеев.

Взгляд Сионы стал предупреждающим:

— Остерегайся использовать имя именно этого гоблина так небрежно, Данем.

Почему она не могла упомянуть об этом до того, как Грета встретила Айзека? Достигнув предела своего терпения, она застонала.

— Послушай, я ищу хоть какую-нибудь информацию о демоне по имени Аграмон. Мне нужно знать, где его искать, но пока мне никто ничего не говорит.

К ее разочарованию, Сиона уже качала головой.

— И не зря, Данем. Не ищи еще больше проблем, чем уже есть на твоём пути. Это может быть очень опасно.

— С каких это пор тебе не наплевать на мой «путь», охотница? Мы обе знаем, что я в состоянии позаботиться о себе. А если вдруг мне не удастся... ну, тогда думаю, у тебя просто будет меньше конкурентов в борьбе за следующую награду, не так ли?

Глаза Сионы наполнились чем-то, что слегка походило на печаль.

— Я понимаю твой гнев и боль, Данем Грета. Я тоже перенесла потерю, подобную твоей.

— Я сомневаюсь.

Сиона была с Милены. Она, может быть, потеряла кого-то, но у нее все еще есть семья. Грета с трудом проглотила комок, застрявший в горле:

— Мне не нужно твое сочувствие, Сиона. Мне нужны только ответы.

— Этот путь ведет лишь к катастрофе, и я не могу быть тем, кто приведет тебя туда.

— Тогда, если ты извинишь меня... — она двинулась мимо женщины к двери.

— Тебе действительно не стоит входить, — Сиона схватила Грету за руку, впившись в кожу ногтями. — Внутри два охотника. Огры из графства Флорин. Они в засаде, полагая, что ты в любом случае, когда-нибудь появишься здесь.

Она терпеть не могла быть такой предсказуемой, но это не заставит ее передумать.

— Тогда я полагаю, сегодня у них удачная ночь.

— Ты понимаешь, что если ты настаиваешь на этом, мне придется пойти с тобой.

— Нет, не должна. Ты свободна от обязательств.

Грета была обучена. Внутри не было ничего, с чем она не могла справиться. Не говоря уже о том, что она замерзла, и ей нужно было вернуть чувствительность в пальцы рук и ног.

— Кто скажет, что ты вообще меня видела?

Сиона высокомерно посмотрела на Грету и отпустила ее руку:

— Хорошая попытка, но она не сработает. Не со мной.

— Прекрасно. Поступай, как хочешь, — Грета пожала плечами и открыла дверь.

Благословенное тепло было первым, что поразило ее. Конечности Греты не помнили такого тепла, и боль, сопровождавшая их возвращение к жизни, выдавила у нее стон, который она не смогла полностью приглушить.

Правда в том, что хоть она, как идиотка, шла прямо на засаду, у нее не было другого выбора. В свете приближающегося шторма на горизонте, ей больше некуда было идти, особенно сейчас, когда каждый охотник следовал за ней по пятам, только Маидра все еще могла помочь ей.

Ей хотелось побыстрее подойти к огню и снять с себя тяжелую экипировку, но она не решилась, уже заметив двух охотников, о которых говорила Сиона. Они были заметны тем, что не отрывали от нее взгляда с момента, как открылась дверь.

Сделав вид, что не замечает этого, она расстегнула пальто, подойдя к свободному месту вдоль грязного кривого бара. Грета села, ожидая, пока Маидра закончит обслуживать клиента. Когда эльфийка увидела ее, дрожь прокатилась по лицу старой карги, прежде чем она вздохнула и ступила вперед.

— Данем Грета, — голос Маидры был лишен своей обычной теплоты, когда она рассеянно начала елозить тряпкой по мокрому пятну на стойке перед Гретой, затем туго скрутила ткань в руках, — ты не должна быть здесь.

— И тебе добрый вечер, Маидра. Немного твоего горячего чая было бы кстати, спасибо, — Грета застыла в ожидании, не выкинут ли ее. Наконец Маидра раздраженно повернулась вокруг, чтобы принести кружку.

Взгляд опущен, руки на столе, Грета знала всех присутствующих.

Уголкем глаза она заметила, как переглянулась пара гоблинов. Один из них быстро поднес ко рту кружку пива и сделал большой глоток, залпом опустошив ее, прежде чем оба встали и направились к выходу. Это было верное решение, и она надеялась, что другие последуют их примеру. Чем меньше людей стоит на пути, когда начинаются неприятности, тем лучше.

А у Греты, без сомнения, неприятности будут.

Дочь Маидры, пышная водяная эльфийка, которая любила порхать от одного мужчины к другому, неподвижно сидела на коленях своего нынешнего партнера и смотрела на Грету, не демонстрируя ни малейшего изящества, которое обычно словно сочилась из каждой ее поры.

Сиона ушла в дальний угол комнаты у камина. Возможно, там было хорошее место для наблюдения. Гоблин могла сказать ей то, что ей было нужно, но Грета сомневалась, что она будет слоняться поблизости, когда начнется заварушка.

До сих пор два клиента, привлечшие ее внимание больше всего, не предприняли никаких шагов. Она оценивающе рассматривала их в зеркале, висящем на задней стенке бара. Определенно, огры. Огромные тела с руками-молотками. Огромные носы, словно цветная капуста. Слюнявые лица.

Они выдали свою неопытность со всей очевидностью, не проявляя навыков бывалого охотника, или осторожных движений борцов, готовых вступить в бой из любого положения. Да, они были крупными физически — врата ада, только взгляните на эти стволы деревьев вместо бедер — но они просто младенцы.

Она не думала, что прежде встречала эту компанию, но бросив лишь один взгляд,

поняла, что сможет справиться с ними обоими, хотя надеялась, что до этого не дойдет. Ей было не по вкусу убивать таких молодых. Единственное, чего ей хотелось, это отправить их обратно к патеру для более профессиональной подготовки.

Вернулась Маидра с чаем. Быстро поставив кружку, она отдернула руку прежде, чем Грета успела ее коснуться. Откинувшись на своем стуле, она только вздохнула, зная, что могло быть и хуже.

Девушка обхватила кружку ладонями и поднесла к губам. Несмотря на напряжение, вибрирующее в каждом углу, она не могла не воспользоваться мгновением и насладиться терпким теплым вкусом.

— Спасибо, Маидра. Именно в этом я нуждалась, — сказала она с вежливым кивком и слабой улыбкой женщине-бармену, которая неоднократно угощала ее напитками по ночам, когда та предотвращала случайные драки в баре.

Когда Маидра не ответила, Грета наклонилась вперед:

— Во мне ничего не изменилось, ты знаешь. Я все та же, кого ты знала эти годы.

Она попыталась коснуться руки Маидры, но женщина охнула и отскочила прочь, уставившись на Грету так, словно у нее в одночасье выросла огромная бородавка на носу или вторая голова, что, вероятно, было бы более приемлемым в глазах старой эльфийки, чем в одночасье превратиться в человека.

— Все хорошо, прекрасно. Я понимаю.

Маидра бросила взгляд через плечо Греты:

— Я думаю, тебе нужно уйти, Данем, — прохрипела она.

— Послушай, я ненадолго, — запротестовала она, — но я должна задать несколько вопросов. Я ищу...

— Нет. Никаких вопросов.

— Маидра, — вкрадчиво проговорила она. — На этой неделе я видела, как умирает мой патер. Лучше поверь, что я приехала сюда не ради чая, и я не уйду, пока у меня не будет ответов, в которых нуждаюсь.

Ее глаза расширились, и с губ сорвался стон, когда Маидра взволновано покачала головой.

— Скажи мне то, что я хочу знать, и я уйду, — настаивала Грета. — Я уйду и никогда не вернусь, если это сделает тебя счастливой.

— Что ты хочешь знать?

Очевидно, Грета использовала правильный довод.

— Аграмон. Где я могу найти его?

— Никто не говорит о демоне.

— Ну, кому-то лучше начать, или я сойду с ума. Ты думаешь, что сейчас ненавидишь меня...

Испытывая разочарование и нетерпение, она отвернулась от эльфийки и медленно поднялась из-за бара, чтобы стать прямо перед компанией:

— Так кто даст мне необходимую информацию?

Если это еще было возможно, тишина стала еще тяжелее, пока не завизжало несколько табуретов, и более умная половина клиентов Маидры не поспешила покинуть таверну через ближайшую дверь. Остальные выглядели, как отделенный от стада скот, потерянные и напуганные.

Двое охотников-новичков, наконец, оторвались от своих тарелок, но она чувствовала,

что не для того, чтобы дать ответ. Грета покосилась на Сиону — чья небрежная поза у стены внезапно стала жестче — прежде чем обратить внимание на огров перед собой.

Каждый из них весил примерно как остров, а ростом был выше некоторых деревьев достойного размера. И, вероятно, такие же тугодумы, хотя ей не стоит строить предположений. Это было одно из первых правил сражения Люка. Никогда не недооценивай своего противника. Или, в данном случае, противников.

Небрежно упершись локтями в стойку бара, она перевела взгляд с одного на другого. Они выглядели не особенно страшно, но никогда не было гарантии, что выйдешь живой из драки. Случилось дерьмо. Плохое, непредсказуемое дерьмо. Недавние события были тому доказательством.

Дверь таверны позади людоедов распахнулась, впуслав порыв холодного воздуха.

Грете не нужно было видеть, кто пришел, чтобы понять, что это не сулит ничего хорошего в ее и так рискованной ситуации. Можно было бы упрекнуть арктический холод, пробежавший по ее спине, или снег, залетевший в таверну с вновь прибывшим, но она научилась доверять своим инстинктам, и в данный момент они кричали ей, что нужно опасаться не только погоды.

В открытый дверной проем шагнул фейри.

Никто не посмел заорать на него, чтобы он закрыл дверь. На самом деле никто не осмелился даже заговорить или слишком громко дышать. Боковым зрением она увидела, как Сиона отступила от стены. Ее лицо приняло взволнованное выражение, когда она откинула полу пальто, открывая свой меч.

И хотя Грета не была напугана парой огров, она не могла сказать то же самое об этом парне. У нее было сильное подозрение, что фейри зашел не для дружеского распития напитков с местными жителями. Фейри ненавидели местных жителей. На самом деле, они, в основном, ненавидели всех, даже свой собственный вид.

Значит он охотник. Но не просто какой-то охотник. Единственный охотник за головами фейри. Лазарь. Она никогда не встречалась с ним лично, но его слава превзошла даже прекрасную репутацию Люка.

По тому, как он на нее смотрел, у нее ни осталось никаких сомнений, зачем он здесь.

Лазарь не потрудился смахнуть снег с плеч и отбить лед с сапог. Он лишь откинул капюшон своего тонкого плаща.

Вставая, Грета выпрямилась во весь рост перед всеми остальными. Она смутно помнила насмешки мальчиков — вероятно потому, что им не нравилось смотреть на девушку снизу вверх — но на Милене то, что раньше заставляло ее чувствовать неловкость, быстро превратилось в преимущество. Она могла выстоять против существ, которые забили бы более мелкого и хилого по структуре представителя вида людей в замороженной тундре.

Но этот парень... Он возвышался над ней, несмотря на ее рост, по крайней мере, на один-полтора фута. Даже несмотря на то, что он с головы до пят был закутан в зимнюю одежду, она могла сказать, что он был жилистый и худой, настолько худой, что скрывал свой безжалостный стальной стержень с гладкими мышцами, которые были обманчиво опасны в своей силе. И в отличие от его бледной кожи и светло-русых волос, глаза Лазаря светились чернотой и пустотой.

Он был больше, чем охотник за головами за вознаграждение, но никто не мог сказать, сколько ему лет. Теоретически, феири могли прожить около двадцати-пяти сроков жизни гоблина, но в какой-то момент большая часть их расы ушла вглубь гор, отказавшись иметь

какие-либо дела с другими расами Милены. Никто не зал, живы ли до сих пор древние или нет.

В совокупности с тем, что их кланы всегда находились в состоянии войны, убивая друг друга по тем или иным причинам, вероятность случайно встретить тысячелетнего фейри, была довольно мизерной.

Конечно, случайность не вписывается в уравнение. Не для этого парня.

— Заведение этой ночью закрыто, — сказала она, кивая на дверь с намеком, что он мог бы сам выйти через нее. — Частная вечеринка.

Взглянув влево, она увидела, как Сиона сжала губы. Беспокойные складки пересекли лоб, когда та переместилась на более открытое место.

Лазарь продолжал молчать и, не мигая, смотрел на огров. Без сомнений, он был истинным существом Милены, характеризуя землю каждой своей чертой. Непроницаемый, как Туман Луны. Пустынный, как бесплодные равнины на западе. И ледяной, как все остальное. Он был именно таким, каким должен быть охотник, и, несомненно, большим охотником, чем Грета, если бы она избавилась от последней человеческой черты — досадной склонности к милосердию.

Девушка крепче ухватилась за меч, чтобы сдержать дрожь в руках, поскольку Лазарь повернулся лицом к ней. Оружие могло быть бесполезно против фейри его возраста и опыта. Она никогда не приблизится настолько, чтобы использовать его.

— Человек, — он ухмыльнулся, вложив столько злобы и отвращения в выражение своего лица, что Грета почувствовала себя подобной противному слизняку на дне ильной ямы в серных пещерах.

— Послушай, дружище, если ты хочешь оторвать от меня кусочек, то приходи завтра и стань в очередь. На сегодня все заказано, — она изобразила учтивое презрение, но это, кажется, было столь же эффективно, как взгляды двух огров, которые они бросали на нее несколько минут назад.

Огр номер один — Бородавочный Нос, решила она — начал беспокоиться. Определенно готов уйти. Она не могла его винить. Если он и превосходил ее, то не нужно быть гением, чтобы определить победителя в драке между ограм и фейри.

С огром номер два за спиной, Бородавочный Нос взревел и нервно двинулся, чтобы протиснуться мимо Лазаря.

Вот дерьмо.

Лазарь двигался так быстро, что она даже не увидела, что он сделал с огром номер два, но огромный парень рухнул на пол с тонким вскриком, который оборвался, когда его голова ударилась о доски.

Бородавчатый Нос вскрикнул.

Брызнула кровь.

Лазарь стал светлым пятном кожи и волос и... чего-то еще. Словно он сам воздух вокруг себя закружил в вертящемся вихре. То, что попадало в него, оказывалось в ловушке его милости, разрезаемое на ленты — и сейчас это был Бородавчатый Нос и его сторонник.

С криком Грета прыгнула вперед, чтобы вмешаться, но Сиона уже была рядом. Она плашмя хлопнула мечом по лезвию Греты и отпихнула ее назад.

— Не будь смешной. Ты не можешь помочь им. Ты должна убраться отсюда, — ее голос изменился, становясь глубже. — Спешу, Данем. Беги. Беги уже!

Грета видела луну в глазах Сионы. Она обращалась. Когти и зубы удлинились и стали

острыми. Ее кожа потемнела, профиль менялся. По тому, как Сиона обращалась, было видно, что это не первый ее раз. Поскольку миленцы менялись только во время затмения луны или при сильном эмоциональном разладе, Грета задумалась, какую трагедию перенесла женщина-гоблин — и как она не превратилась в «Потерянную».

Одним сильным толчком Сиона отпрянула прочь, ее вой отразился уверенным и жестоким эхом, и Лазарь не мог проигнорировать эту проблему. Как и ожидалось, он повернулся к ней и бросил то, что осталось от Бородавчатого Носа на пол, к своим ногам. Грета застонала. Фейри тоже начал обращаться, пыл сражение и притяжение лун превращали его глаза в ледяное серебро, когда они наполнялись темной магией.

— Сиона, нет, — закричала Грета. У нее не было шансов. Этот фейри собирался покалечить женщину-гоблина, разорвать её на части.

Это была ее вина.

Нет. Это была вина Айзека.

— Иди, — зарычала Сиона, оскалив зубы. — До того, как изменение завершится, и я забуду, что защищаю тебя, а не охочусь.

Грета не собиралась оставлять ее с ним наедине. У них мог бы быть шанс, если бы они обе сбежали отсюда и убежали глубоко в лес. Это был бы длинный марафон, потому что Лазарь не отставал бы, но у них был шанс потерять его, потому что фейри не такие хорошие следопыты, как другие виды. У них не было укоренившихся животных инстинктов.

Когда она потянулась, чтобы сдержать Сиону, женщина развернулась, и внезапно Грета перелетела через комнату. Она тяжело приземлилась, запутавшись в руках и ногах, из нее выбило воздух, и она задохнулась в болезненном изумлении.

Сиона подошла к ней прежде, чем Грета успела вскочить на ноги, рот полный безумно острых зубов, а когти потянулись прямо к ее горлу. Боже мой, в ней едва узнавалась удивительно благородная женщина-гоблин, которая дразнила ее Айзеком и обещала немного понаблюдать за ней.

Фейри двинулся вперед, атакуя сзади. Та, кем была Сиона, зарычала, когда бросилась вперед и нанесла длинную глубокую рану на груди Лазаря. Как и у остальной части Милены, лунная форма фейри была низшим проявлением его более цивилизованного «я». Обнаженный и первичный. Но может быть потому, что их вид в совершенстве владел магией задолго до проклятия Милены, даже первичная форма Лазаря выглядела цивилизованной — и разрушительно жестокой.

Как бы она ни хотела помочь Сионе, было уже слишком поздно. Грета бросилась назад. Пальцы коснулись меча, который выронила во время полета. Она схватила его прежде, чем подняться на ноги, и бросилась через бар. Захрустев по разбитому стеклу, она удивленно увидела Маидру, сжавшуюся у двери на кухню и тяжело дышащую, словно собиралась потерять сознание.

— Что ты здесь делаешь? — схватив сумасшедшую женщину за плечо, она потянула ее через дверь, но сдалась, когда старая эльфийка остановилась, отказываясь идти дальше. — Данем, поторопись.

Маидра покачала головой:

— Я с тобой не пойду.

Грета застонала, нетерпение и раздражение восстановили ее дыхание:

— Маидра. Я на самом деле похожа на такую огромную долбаную угрозу для тебя?

— Ты не понимаешь.

— Ты чертовски права, я не понимаю.

В другой комнате кто-то визжал от боли. О, Боже. Сиона. Время вышло.

— Мы должны убираться отсюда.

Руки Маидры скрестились на ее широкой груди:

— Иди, человек. Здесь не твое место.

Да ты что?

Старая эльфийка не сдвинулась с места. Сегодня Грета стала никем.

Она выругалась, но ничего не могла поделать.

— Может Великая Мать защитит тебя, Маидра, — сказала она, выскальзывая на улицу.

Грета еще долго бежала после того, как обе луны Милены зашли, а солнца начали подниматься из-за горизонта.

Страх и серьезность проблемы держали в страхе остальные ее чувства, когда ветки царапали лицо и цеплялись за волосы. Она спотыкалась о корни и камни в попытке держаться подальше от того, что издавало шум — гораздо громче звука собственного тяжелого дыхания. И, тем не менее, нечто, в конце концов, догнало ее.

Будь проклято это место.

Будь проклят Айзек.

Даже если награда за ее голову была назначена королем гномов, Линдер не мог знать, что она была человеком. Разве что его королевский друг и просто хороший сосед не сдал ее в интересах «общественной безопасности» или по какой-то другой жалкой причине.

Но зачем тогда было притворяться? Почему чуть не напрячься и не запереть ее под замок, когда у него был шанс? И к чему тогда Сиона с инструкцией охранять ее, вместо того, чтобы прибавить еще одного охотника за головами к отряду, уже следующему за ней по пятам?

Единственное объяснение, которое имело смысл, что все это какая-то часть его игры.

Грета, наконец, остановилась в небольшой рощце, упершись руками в колени и тяжело дыша. Она моргнула от мягкого утреннего солнечного света. Как бы она ни устала, но была рада, что у нее не было времени на сон. На фоне всего остального, ей еще не хватало Айзека, даже если это означало, что она падала от усталости.

— Чертов гоблин, — пробормотала девушка, глубоко вдыхая холодный воздух.

Куда дальше? Наиболее логический вариант — Разуа. Так как город гномов был полон миленцев, которые убили бы ее, едва узнав, кто она такая. Айзек точно не ожидает, что она направится туда. Возможно, у нее получится ускользнуть от него еще какое-то время.

С другой стороны, пребывание в лесу давало ей чувство контроля. Она знала эти леса и ощущала бы себя ближе к Люку.

Ни один из вариантов не обеспечивал ей безопасность дольше, чем на несколько дней, не в свете затмения, подстерегающего каждого.

Она отстегнула ножны от пояса на талии. Облокотившись на дерево, позволила ногам подогнуться и сползла по жесткой коре вниз, на землю. Она старалась ни о чем не думать, когда сжала оружие на коленях и закрыла глаза. Ни о Сионе или Маидре. Ни о Люке или Айзеке. Ни об Аграмоне или о том, что сделает с ним, когда, наконец, найдет его.

Пронзительный визг ее кроссовок на гладком желтом линолеуме отозвался эхом в пустом холле. Было абсолютно безлюдно, и это имело смысл. Потому что никто не хотел задерживаться в последний день в школе. Но тогда, почему она до сих пор здесь?

Лучше выйти на парковку. Мама сказала, что будет ждать ее там, как только прозвенит звонок, чтобы они могли закончить упаковывать вещи и отправиться в аэропорт. Они с

папой должны были провести три недели в Германии, навещая противного старика, с которым она встречалась лишь однажды, и от таких каникул должна быть в восторге каждая тринадцатилетняя девочка. Если дедушка хотел их видеть, то почему он не мог приехать сам?

Лямка рюкзака сползла. Она сжала ее и подтянула на плече. Рюкзак внезапно стал весить тонну, словно книги размножились при одной мысли о них.

И они не ощущались как книги. Скорее как шары для боулинга.

Или головы. Две. Может пара голов огров.

Она остановилась, как вкопанная. Черт побери. Нет, не здесь.

Она сбросила рюкзак с плеча, отодвинув его на расстояние вытянутой руки в ожидании крови, которая, она была уверена, должна просочиться через тонкий брезент, но ничего не было. Это был просто пестрый розово-белый рюкзак. Идеально подходящий для девочки-подростка, которая когда-то любила красивые цвета, одежду и сумки...

Это не последний день в школе, и ей больше не тринадцать лет.

Это все не по-настоящему.

Грета опустила руку, позволив рюкзаку упасть на пол, и оглядела себя. Джинсы, футболка, кроссовки. Ага, типичная одежда средней школы, но с одним существенным различием: девочка, втиснутая в эту одежду, была примерно четырьмя годами старше, и это было видно.

Обернувшись, она осмотрелась с новым осознанием.

Определенно это средняя школа Линкольн Хайтс. Шкафчики выкрашены в скучный армейский зеленый цвет, длинные флуоресцентные лампы беспорядочно мерцали. Она вспомнила, что дворник всегда стоял на своей лестнице, меняя их, но мерцание снова возвращалось.

Она посмотрела направо через маленькое квадратное оконце в двери своей старой научной аудитории.

Там находился он.

Айзек был слишком широким и высоким для средней школы. Он выглядел чужаком, одетым в свой тяжелый зимний плащ, взгромоздившись на табурет за одним из лабораторных столов и с трудом поместив под ним длинные ноги. Он, сгорбившись, щурился в окуляр микроскопа.

Рванувшись вперед со стиснутыми зубами, она толкнула дверь, открывая ее кулаком, и все еще сжимая в руках нелепый рюкзак. Она сделала шаг назад и швырнула его в гоблина. Он поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увернуться от крупногабаритной ракеты, и улыбнулся ей.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Как ты смеешь, — зашипела она, несмотря на то, что его улыбка обезоруживала. Она не была расчетливой или полной иронии, а просто честной и открытой, как в ту первую ночь, и от ее вида у нее дрогнуло сердце.

Это сон. Просто сон. Не по-настоящему.

— Как ты смеешь снова совать свой нос в мои сны после...

— Это не я сказал Линдере о твоём истинном происхождении. Ты, правда, веришь, что я на такое способен?

Да. Нет. Может быть? Его опровержение выбило почву у нее из-под ног, и она осела.

— Ты — единственный, кто знал.

— Не единственный. Линдер — давний союзник Аграмона. Вот кого ты должна бояться.

— И ты знал об этом?

Он сделал паузу:

— Да.

Снова ложь.

— Что еще ты мне не рассказал?

Он намеренно проигнорировал ее и указал на микроскоп.

— Это машина для внимательного изучения предметов, верно? Каких предметов, по-твоему? — затем он показал на что-то за ее спиной. — И что это за хитрое изобретение там?

Она взглянула на телефон, висящий на стене у дверного проема. Предполагалось, что он будет служить для связи с главным офисом, но она помнила, как учитель обществознания пользовался им, чтобы позвонить домой жене и узнать, что у них будет на ужин.

Айзек встал и подошел к одному из больших окон, открывающих вид на школьный двор и дорогу.

— А это? У него есть колеса. Как он двигается?

Она вздрогнула от вида свежего зеленого газона за окном и того, как отражалось солнце от блестящей стальной крыши городского автобуса, припаркованного через улицу. Именно этот автобус раньше каждый день забирал ее из школы домой.

На здании на противоположной стороне улицы торчала реклама крема от прыщей, а цветы в саду вдоль бульвара представляли собой смесь анютиных глазок и маргариток. Грета никогда бы не поверила, что все эти детали хранились в ее памяти. Способности Айзека определенно были пыткой, но при определенных обстоятельствах, возможно, это был подарок.

— Если ты создаешь мои сны, откуда ты знаешь...?

— Я не создаю сны, я лишь открываю нужные двери в твоей памяти, чтобы освободить то, что мне нужно увидеть.

— И почему ты решил, что должен увидеть мою старую школу?

— Меня интересует место, которое ты называешь домом. Ведь ты хочешь быть здесь, не так ли? — он показал на машины на стоянке за окном. — Это карета? В вашем мире она двигается без лошадей? Есть ли вообще в вашем мире лошади?

— Да, — ответила она, озадаченная его волнением, — у нас есть лошади, но они не такие, как на Милене.

— Когда мы с Сионой были моложе, мы были увлечены идеей, что тепло и пар могут быть использованы в качестве источника энергии. Однажды мы с ней даже спроектировали вагон, который использовал бы такую энергию, чтобы крутились колеса без лошадей. Мы были много раз покусаны злобными зверями, ты видишь, — продолжил он с усмешкой. Что-то тоскливое пробежало по его лицу. — Полагаю, теперь мне нужно оставить изобретение подобных вещей другим.

В этом была только его вина. Если бы он не боролся за трон гоблинов, возможно, он до сих пор мог бы заниматься подобным. Несмотря на это, ей стало его жалко, и она засунула руки в карманы. Время для смены темы.

— Сиона жива? Она в порядке?

Он помолчал:

— Это было близко. Она очень тяжело ранена.

Грета прижала пальцы к губам, ее желудок резко сжался.

— Но она быстро выздоравливает, — заверил он. — С ней все будет в порядке, и она с большим удовольствием терзает меня за все те неприятности, что ты доставила у Маидры.

Девушка испустила легкий вздох, но дискомфорт в животе не отпускал. Сколько еще людей пострадает из-за нее?

— Я рада, что твоя кухня мучает тебя. Должен же хоть кто-то, — она опустила взгляд и смотрела, как носок ее кроссовка ковыряет пол. — Я чувствовала вину, что бросила ее.

— Она жива, но и Лазарь тоже. Сиона пыталась выследить его до тех пор, пока совсем не ослабела от ран, но фейри по-прежнему идет по твоему следу — и не он один. Скажи мне, где ты, Грета, чтобы я мог защитить тебя.

Она рассмеялась:

— Ага, будто это может случиться.

— Я думаю, ты ей нравишься.

— Кому? Сионе? Нет. Она...

— Не все на Милене должны быть твоими врагами, — прервал ее он. — Не все хотят умертвить тебя. Несмотря на свое ворчание, Сиона выразила желание быть твоим другом.

Друг на Милене? Хоть это и маловероятно, Грета подумала, что была бы не против иметь сильную женщину-гоблина в друзьях.

— И что это нам дает?

— У короля нет друзей, — его голос стал тихим.

— Почему ты убил своих отца и дядю? Той ночью, когда мы встретились. Ты о столь многом говорил, но не о том, что ты король.

Он напрягся, вцепившись в подоконник.

— Тебя это волнует или просто любопытно?

Ее губы приоткрылись. Она колебалась, но он находился рядом с ней, когда умер Люк. Айзек заслужил правду, даже если им нужно было многое преодолеть, прежде чем она могла хотя бы подумать о том, чтобы доверять ему.

— Я, вероятно, не должна, потому что это, скорее всего, заставит меня пожалеть, но, да, это меня волнует.

Он испустил глубокий вздох и кивнул:

— Я не убивал своего отца.

— Но ты убил своего дядю? — она подняла бровь. — Почему? Что произошло?

— Произошла ты. В ночь, когда мы встретились, я вошел в твои сны и раскрыл твою тайну.

Удивленная, что он сказал ей правду, она пристально посмотрела на него:

— Сколько раз ты следил за мной без моего ведома?

— Мне не понадобилось больше одного раза, чтобы заподозрить правду, и не более двух, чтобы убедиться окончательно. Хотя, раз было больше... они были для забавы, — он усмехнулся, когда она покраснела, словно знал, что она вспомнила, как флиртowała с ним. — Твои сны не похожи ни на один из тех, что я посещал.

— Я должна чувствовать себя польщенной?

— Возможно. Они, безусловно, уникальны. Тебе не всегда снится этот мир, — он обвел рукой классную комнату, — но твоя личность проявляется в каждом движении, которое ты совершаешь. Теперь, когда я знаю, кто ты, я не понимаю, как другие могли не заметить этого.

Она зарылась рукой в распущенные волосы.

— Потому что, вероятно, я не могу вспомнить, как заплетаю волосы во сне?

— Это гораздо больше.

Он поднял руку к ее лицу. Она подумала, что он снова заправит волосы ей за ухо, чтобы проверить, но он лишь провел большим пальцем линию вверх по ее щеке.

— Истина прямо здесь, — пробормотал он.

Прежде чем она смогла отреагировать, он наклонился вперед и прижался поцелуем к каждому из ее век.

Она ахнула, но он не остановился. Его рука двинулась ниже и прижалась к ее груди, прямо над сердцем.

— И здесь, — пробормотал он.

Прочистив горло, она выпрямила подгибающиеся ноги и умерила боль в груди, но ей не удалось успокоить колотящееся сердце. Она медленно отстранилась.

— Так, гм, какое это имеет отношение к тому, что ты стал королем?

Айзек откашлялся и отступил назад:

— После разговора с тобой и посещения твоих снов, я... растерялся. И рассказал о тебе своему отцу. Мой дядя подслушал и пригрозил сдать тебя Аграмону. Я встал на твою защиту, поэтому мой отец встал на мою защиту... и был убит.

От улыбчивого, увлеченного гоблина не осталось и следа. Он раскрыл ладони и перевернул их прежде, чем сжать в кулаки.

— Мне пришлось бросить вызов своему дяде, чтобы отомстить за смерть отца, и чтобы защитить тебя. Если бы он прожил достаточно долго, чтобы стать новым королем гоблинов, ты была бы уже мертва.

Грета очень хотела заговорить, но что можно на это сказать. Она ничего не делала, но сомневалась в нем и называла манипулятором?

Ошеломленная, она моргнула и покачала головой:

— Но зачем? Зачем тебе совершать это ради меня?

Девушка резко вдохнула, когда его пальцы начали ласкать ее лицо, а большой палец коснулся нижней губы. Он наклонился, и ее сердце заколотилось, стуча в грудную клетку.

— Разве это не очевидно?

Ее веки затрепетали, когда его рот накрыл ласковым шепчущим прикосновением. Теплый и более мягкий, чем она могла представить себе. У нее даже не было времени, чтобы привыкнуть к ощущениям, как все закончилось, и все ее тело качнулось вперед, когда Айзек отпрянул от нее.

Ее протест вылился в нервное карканье, когда девушка попыталась восстановить равновесие, но он полностью не отпустил ее. Нахмутив брови, гоблин взял ее руку.

— Что Аграмону нужно от меня, чтобы Линдер и твой дядя захотели сдать меня? — спросила она, замороженная его прикосновением. — Если он в темнице, и его зло не может никого затронуть, то как он заставляет всех выполнять его указания?

Айзек опустил взгляд и посмотрел на их переплетенные пальцы. Грета подумала, что он хочет отмахнуться от ее вопросов, но он просто покачал головой.

— Вы люди — причина, по которой мой мир находится в хаосе, и вы также единственное лекарство от этого.

Она слышала это и прежде, но не понимала, и все-таки ее пронзило сочувствие, когда его плечи опустились. Он разрывался между слишком многими целями. Мог не хотеть быть

королем, но как только он взял на себя эту обязанность, он не выглядел как человек, который мог проигнорировать требования своих людей — а они все, казалось, жаждали ее крови.

Рано или поздно ему придется сделать выбор — его народ или Грета — а она была не настолько наивна, чтобы поверить, что гоблин выберет ее, даже если именно ради нее он стал королем. Она освободила руку и засунула в карман своих созданных сном джинсов.

Его взгляд исследовал Грету, медленно поднимаясь с талии на грудь, пока их глаза не встретились. Она сглотнула, промочив сухое горло, когда воздух между ними зашипел. Ей показалось, что он снова возьмет ее за руку, притянет ближе, чтобы поцеловать, надеялась, что гораздо глубже, чем в прошлый раз. Она хотела его так сильно, что это причиняло боль внизу живота.

Но Айзек этого не сделал. Его взгляд опустился, и он глубоко вздохнул, словно пытаясь восстановить равновесие, как и она. После долгого молчания мужчина сказал:

— Было время, когда Милена и все существа на ней жили в гармонии. Мы обладали связью с Великой Матерью, и взамен она дала нам все, что мы могли хотеть или в чем нуждались.

— Похоже на историю создания моего мира и, возможно, сотни других. Сейчас ты мне расскажешь о смертоносном яблоке и непокорном змие, не так ли?

Айзек нахмурился:

— Это был рай, пока демон не загрязнил наш мир своим злом.

— Как я и сказала... непокорный змий.

— Этого змия звали Аграмон. Он уничтожил все, до чего смог добраться, и тогда Великой Матери пришлось принять ответные меры, с дождем и снегом. И, тем не менее, демон наносил ущерб многие века. В конце концов, его загнали вглубь гор и магией заключили в темницу, но земля уже была испорчена, и дочери Великой Матери — эти две луны — наказали народ Милены за то, что не смогли защитить ее.

Люк когда-то рассказывал ей, что народ Милены не всегда был рабом лун, и что проклятие затмения было наказанием.

— Почему я должна поверить, что это нечто больше, чем мифология?

— В каждой мифе есть правда. Аграмон первоначально был из вашего мира. Он проник через порталы между нашими мирами.

Она подавила дрожь:

— Все это было вечность назад. Даже если изначально люди несут ответственность за освобождение этой призрачной угрозы, я не...

— Не призрачной, — сказал он. — Из плоти и крови, и очень могущественной. Говорят, что только когда люди будут привлечены к ответственности за свое предательство, демон покинет наш мир, и связь Милены с Великой Матерью будет восстановлена.

— Что? — он должен прекратить рассказывать эти сказки.

— Это ты, — сказал он. — Ты та, кто освободит Аграмона. Приспешники демона прочесывают мои земли, пока мы разговариваем, подвергая мой народ опасности только потому, что ему нужна ты. И я не могу позволить себе терять время только для того, чтобы преследовать тебя через три графства, — его голос звучал нетерпеливо. — Ты скажешь мне, где ты, чтобы я мог тебя защитить.

Гоблин так и не сказал, что и как, и почему она нужна демону. И, по-видимому, не собирался.

— Никто не просил, чтобы ты защищал меня, Айзек. Я довольно долго сама о себе заботилась.

Ее желудок сжался от боли при взгляде на его лицо, но она подавила эти чувства. Несмотря на то, что у нее болело сердце, а губы покалывало от ее самого первого поцелуя, ничто из того, что она только что узнала, ничего не меняет между ними. Ее никогда не примут в его мире, а он не сможет служить своему народу, если все силы потратит на ее защиту.

Последняя искра надежды, которую она даже не осознавала, умерла в ней, оставив ее бесчувственной и опустошенной.

— Грета.

— Забудь об этом, Айзек, — скрестив руки перед собой, она выдавила холодный смешок. — Просто оставь меня одну. Ты идешь своей дорогой, а я своей.

Он дернулся, словно она отпрянула назад и дала ему пощечину. Его рот открылся и закрылся.

— Ты не слышала ничего, что я говорил.

Она не могла смотреть ему в глаза.

— А почему я должна? Ты не сказал ничего, что я хотела услышать.

— Я не могу себе позволить тратить время на споры с тобой. Просто...

— Тогда, сделай одолжение... — она протянула руку и подняла брови. — Я уверена, ты знаешь, где выход.

Грета спросонья сперва дернулась вперед и глубоко вздохнула. Холод просочился сквозь ее одежду и причиняла боль суставам, хотя, судя по положению солнца, она спала не долго.

— Прощай, — со вздохом прошептала она. Она не хотела, чтобы так получилось — особенно после всего, что она узнала — но это было к лучшему.

Моргнув, она размяла шею и потянулась за своим мечом.

Он исчез.

Грета вскочила на ноги и покачнулась. В снегу были свежие следы, но они были проложены поверх ее и следовали за дерево, прислонившись к которому она сидела, а затем вокруг. Кто бы это ни был, он повернулся к ней лицом. Боже, неужели она действительно спала так крепко, что даже не осознавала угрозы.

— Что-то ищешь?

Она повернулась к источнику незнакомого мужского голоса. Из тени высокого жидкого куста выступила фигура. Большой капюшон скрывал его лицо, мешая определить степень угрозы, с которой она столкнулась. Он был слишком широк для фейри и слишком высок для эльфа, но низок для кого-то еще. Грета определила, что он был выше ее всего на дюйм или два.

Ее рука сжалась в кулак, когда она увидела свой меч в его руках. Как он взял его, не разбудив ее?

И она называла себя профессионалом?

Грета скривила губы от отвращения к себе, когда мужчина взмахнул ее мечом перед собой, небрежно проверяя его вес, словно рассматривая товар уличного торговца.

— Хорошее оружие. Легкое. Сбалансированное. На заказ, верно? Вероятно, стоил несколько гиней.

Что было в этом голосе...

— Это не твой настоящий облик, — сказала она. Сохраняй спокойствие.

Слегка согнувшись, девушка стряхнула с себя снег, не отрывая глаз с затемненного лица, устремленного на нее.

— Почему бы тебе не вернуть его, а я скажу тебе имя моего кузнеца, — произнесла она. — Тогда мы сможем поговорить о том, как грубо подкрадываться к людям.

Что-то в его глубоком смехе заставило ее замолчать, но она все еще не могла решить, что было в нем такое, что заставляло ее инстинкты подпрыгивать вверх-вниз в безумном предупреждении.

— Я хотел бы сказать, что шпионил за тобой, а не наткнулся на тебя случайно. Преднамеренность, несомненно, была бы лучше для моей репутации.

— И что это за репутация? — спросила она.

— О, ничего такого высокопарного, в отличие от твоей, как мне кажется.

Грета подавила дрожь. Она не знала, что ей делать с незнакомцем. Его голос был ей не знаком, и в то же время знаком. Почти. С акцентом было что-то не так, и она не узнавала его в лицо. Но то, что она смогла рассмотреть, намекало на широкий подбородок и высокие скулы, которые заставляли мужчину выглядеть так, словно он долгое время нормально не питался.

Он был еще одним охотником за вознаграждением за ее голову? Грета так не думала. Поза у него была не как у охотника, а, имея большой опыт с представителями этой профессии, она обычно могла их вычислить на расстоянии в милю.

— И что ты знаешь о моей репутации? — она подняла бровь и расправила плечи, чтобы выглядеть суровее. Ей, вероятно, придется быть благодарной за то, что Айзек прервал ее сон, иначе кто знает, что могло произойти, пока она спала и была уязвимой.

Ей не нравилось, что у него ее меч. Это заставляло девушку чувствовать себя голой.

— Ну? — спросила она. — Ты собираешься и дальше затягивать эту тупиковую ситуацию или вернешь мне мой меч и скажешь, кто ты?

— На самом деле я подумываю оставить его себе, — наблюдая, как он поднимает меч и направляет его на нее, рассматривая лезвие, Грета так сильно сжала челюсти, что начала беспокоиться, чтобы у нее не раскрошились зубы — стоматологии на Милене не существовало.

— В конце концов, он может оказаться моей единственной защитой, если между нами вдруг возникнет напряжение, — добавил он.

— Если ты вернешь его прямо сейчас, то обещаю не потрошить тебя с его помощью.

— Это действительно по-спортивному с твоей стороны, охотник за головами. Но в сложившейся ситуации, я думаю, что мои шансы будут выше, если я оставлю его, не так ли?

Значит, он кое-что о ней знал.

Но он знал не все, иначе не стоял бы там, улыбаясь.

Быстрым коротким движением кинжал Греты из ножен на ее руке скользнул в ладонь и, взвившись в воздух, полетел прямо в мужчину, в тумане лишь мелькнула сталь.

Он не мог этого предвидеть, но, на удивление, в последний момент отклонился. И вместо того, чтобы впиться ему в плечо, кинжал Греты разрезал рукав пальто.

По крайней мере, результат был именно такой, которого она добивалась. Ее меч упал в снег, и девушка прыгнула вперед, чтобы преодолеть расстояние между ними. Он потянулся, чтобы схватить его, но она была уже рядом, держа третье лезвие у его горла.

— Ты ведь не думал, что это было мое единственное оружие, не так ли?

Со вздохом, он поднял руки, сдаваясь, и она пихнула его, заставив выпрямиться, чтобы посмотреть ему в лицо.

То, что она увидела, удивило ее.

У него было худое потрепанное лицо. Коричневатые волосы. Глубокие карие глаза.

Человеческие глаза.

У нее отвисла челюсть. Грета посмотрела на тонкую полоску, которую она прорезала в его пальто и увидела тонкую полоску крови. Могло ли так случиться, что она пустила человеческую кровь?

Его взгляд скользнул над ее плечом. Широкая, великолепная улыбка, полная озорства заставила ее затаить дыхание.

— Ты ведь не думала, что я был один, не так ли?

Рывком дернув тело мужчины перед собой, как щит, она развернулась и наблюдала, как его спутники выходят из-под защиты окружающей листвы, пока их полностью не окружили.

Она не могла поверить тому, что видела.

Айзек или Сиона. Огры или гномы. Со всеми ними она могла бы справиться. Это же были просто мальчишки. И все — люди.

Но только дети.

Человеческие щечки, изможденные голодом. Человеческие глаза смотрели на нее с грязных человеческих лиц с человеческим выражением осторожности и недоверия. Человеческие руки сжимали самодельные копья и камни — все нацеленные в голову Греты. Большинство из них были одеты в потертую миленскую одежду, но на одном из младших мальчишек были настоящие джинсы, а на другом — пара теннисных туфель.

Теперь она знала, почему его акцент казался необычным, но знакомым.

— Вы — люди, — прошептала она, испытывая необходимость произнести то вслух. — Все вы. Вы на самом деле люди.

Если предположить, что в лесу больше никто не прячется, Грета насчитала шесть человек. Все мальчишки, все разного возраста, но не более двадцати лет. На самом деле самый старший — тот, кто взял ее меч — был, может, лишь на год старше ее.

— Кто вы? — требовательно спросила она, крепче обхватывая парня и плотнее прижимая лезвие к его горлу. — Откуда вы?

Мальчишки смотрели на нее со смешанным чувством страха, трепета и тем, что явно было агрессией. Здорово. Как будто ей было мало тех, кто хотел вырезать на ней интересные узоры.

— Она не одна из нас, — пропищал один из старших. Она слышала насмешку в его голосе. — Она одна из них.

Ничего себе. Он заставил их казаться столь же привлекательными, как зал, полный гномов — сборщиков налогов. Грета следила за сердитым типом. Мальчишка не угрожал ей какой-то палкой или куском камня, нацеленным на нее. Нет, этот ребенок уже ловко присвоил ее кинжал, который она бросила.

Он выглядел лет на шестнадцать, хотя трудно было сказать точно из-за большого капюшона, который скрывал его лицо.

— Я говорил тебе, что это плохая идея, — продолжил он, обращаясь к тому, у чьего горла она держала клинок. — Я не думаю, что она похожа на человека.

Было приятно осознавать, что ее маскировка все еще может кого-то обмануть.

Двое старших ребят закивали головами в знак согласия, в то время как совсем маленький мальчик, воспользовавшись возможностью, стянул изношенную рукавицу, чтобы вынуть из носа особо надоедливую козявку.

Конечно, это был не отравленный яд вурдалака, но все же... Фу.

— О, я не знаю... — ее пленник пожал плечами, словно она не была близка к тому, чтобы перерезать ему горло. — Как по мне, она выглядит как человек.

Шокированная и возмущенная его бесцеремонностью, Грета прошипела:

— Слушайте меня, все вы. Я не знаю, что тут происходит, но все, кроме меня, должны немедленно опустить оружие, — она пристально посмотрела на каждого мальчишку,

чувствуя себя учителем средней школы, с группой непослушных учеников. — Если вы не хотите остаться без конечностей.

Вор поднял руку к лезвию, которое она держала у его горла.

— Ты, правда, сможешь навредить группке маленьких детей?

Грета не знала, что будет делать. На самом деле, она могла быть слишком ошеломленной, чтобы вообще реагировать — и это значило, что ей немедленно нужно все взять под контроль.

— Маленькая группка детей, ха? Маленькие дети, которые случайно нацелили на меня копья, как Повелители мух^[2]? — фыркнула она. — Конечно, да.

— Она должна быть человеком, — обратился он к другим мальчишкам, словно она не угрожала пролить его красную кровь на чистый белый снег. — Она читала Уильяма Голдинга.

Грета тяжело перевела дыхание:

— Дружище, учитывая ситуацию, в которой ты сейчас находишься, и охотника за головами, приставившего нож к твоему горлу, мысль о том, кто что читал или не читал, должна быть последней в твоей голове. О чем ты должен думать, так это над ответами на мои вопросы.

Он вздохнул:

— Разве мы все не можем опустить оружие и поговорить, как разумные люди?

Она хотела доверять ему. Люди на Милене. Они, вероятно, могли знать, как найти портал домой?

Наконец, Грета кивнула. Она должна была рискнуть.

— Согласна, если все опустят камни и палки, я уберу кинжал.

Мальши охотно побросали свое самодельное оружие в снег. Некоторые из старших мальчишек немного поворчали, но, в итоге, сделали то же самое.

Только когда Сварливый добавил другой кинжал Греты к куче, она отпустила их лидера и оттолкнула его подальше от себя.

Вернув кинжал в ножны, Грета подбоченилась и пристально посмотрела на мальчишек. Они сгрудились за старшим, и, пока она смотрела, самый младший потянулся к его руке, проталкиваясь в его сторону, словно за защитой.

Господи, они были такими молодыми.

— Кто вы? Как вы сюда попали? — девушка наклонилась, чтобы поднять свой второй кинжал и меч с ножами, обвязав их вокруг талии, прежде чем поднять свой тяжелый взгляд на парня, который украл их прямо из-под нее. Грете пришлось признать, что это был довольно рискованный шаг.

— Я Вайат Каствл, — представился он. — Я из небольшого городка в Северной Дакоте.

Он провел рукой по маленькой царапине на шее, но Грета лишь ждала, скрестив руки. Он не получит ее симпатию после того, как вот так подкрался к ней.

— Это — Ранье, но все зовут его Рэй, — он кивнул на Сварливого. — Среди нас также Чарли, Джек и Слоэн... а этот маленький парень — Джейкоб.

Он сделал паузу, чтобы взъерошить волосы мальчика, который стоял, прижавшись к его боку, и смотрел на Грету с широкой улыбкой, с видневшейся широкой щелью, на месте которой несколько дней назад, вероятно, были два зуба.

Грете вдруг представилась фиолетовая фланелевая пижама, розовый плюшевый слон и отец, крупнее чем в жизни, который кладет ее крошечный зуб в пустую конфетную коробку

и засовывает ей под подушку, прежде, чем поцеловать ее в лоб.

Она почти не помнила его лица или запах, или какой у него был тембр голоса, но она помнила его обещание, что придет Зубная Фея и оставит ей доллар. Может, он сказал ей, что любит ее. Сказал, что крепко ее любит, но этого она тоже не помнила.

Грета отодвинула в сторону мысли о тех ночах, когда ложилась спать без него и об утрах, когда просыпалась, а его не было. Вместо этого она задумалась, сколько других матерей и отцов ждут, но, возможно, никогда не узнают, что произошло с их детьми. Этими детьми.

Смирились ли они со своей потерей и продолжили жить дальше? Или все еще ждут? Все еще ищут? Сдалась ли ее семья? Вероятно. А почему нет? Прошло четыре года. Они должны были когда-то сдаться... да и она тоже.

Ее рука потянулась к цепочке на шее. Маленькая фотография родителей внутри медальона — единственное, что у нее было. Она считала, что только по этой причине она не забыла все полностью. У нее было хотя бы это, тогда как у этих мальчишек не было ничего.

Не было никакой защиты от внезапного рывка ее сердца, когда она мигнула и снова обратила свой взгляд на детей. Как трудно, должно быть, для малышек быть внезапно отделенными от людей, которые их любили, людей, которые направляли их в сложных перипетиях детства. Потерянные зубки. Плохие сны. Уроки езды на велосипеде. Первый день в школе.

— Ну... гм... приятно познакомиться со всеми вами, — Грета поморщилась. Боже, как смешно это прозвучало из ее уст, особенно после того, как несколько коротких минут назад она угрожала Вайату ножом у горла. — Я...

— Мы знаем, кто ты, — Рэй мрачно все еще смотрел на нее так, словно у него с ней были личные счеты.

— О? — она подняла бровь. — И что же, по-вашему, вы знаете обо мне?

— Мы просто знаем о тебе, — Вайат положил руку на плечо Рэя. К удивлению Греты, ребенок владел достаточно хорошо своей враждебностью, чтобы держать рот на замке, но его голубые глаза метали молнии.

— Грета — Охотник за головами, — продолжил Вайат. — Мы знаем, что ты одна из лучших на Милене... и, очевидно, это лучше хранить в секрете.

Больше нет.

— Что касается большинства моих тайн, кот уже выбрался из мешка, — скривившись, ответила она. — Но как получается, что ни один из вас не попался? Как давно вы в лесу?

Ее внимание привлек шорох хвои в ветвях дерева. Ее инстинкты встрепенулись, и она вовремя обернулась, чтобы заметить, как древесная кошка прыгает из своего укрытия прямо на Джейкоба.

Прежде чем ее когти успели нанести маленькому мальчику даже маленькую царапину, Грета уже была между ними и свалила ее на землю.

Животное взвизгнуло, но быстро вскочило на ноги.

Вайат крикнул остальным, прижимая Джейкоба к своей груди и повернувшись к опасности спиной, сгорбился над ним. Когда Рэй попытался броситься перед ними, Вайат схватил его за руку, заставив его остановиться, несмотря на громкие и яростные возражения молодого человека.

К счастью, остальные разбежались, как блохи с умирающего огра, но Грета не думала, что они убежали далеко, чему была рада. Она не хотела, чтобы они разбежались от страха

только для того, чтобы оказаться в подобной же ситуации, а рядом никого не окажется, чтобы защитить их.

Грета стала между людьми и смертоносной кошкой. Зверь зарычал на нее, но девушка держала себя в руках.

— Сегодня не твой день, дружок, — сказала она, раскачиваясь из стороны в сторону, чтобы ее внимание продолжало фокусироваться на ней. — Почему бы тебе не смириться с поражением? Опустить хвост между ног и убраться отсюда, чтобы я не причинила тебе боль?

Зверь начал расхаживать взад-вперед перед Гретой, поглядывая на кинжал в ее руке и урча, пока искал слабое место в ее защите. Длинные струйки пенистой белой слюны свисали с челюстей.

Она взмахнула клинком по широкому кругу, заставляя кошку отступить. Та разъяренно зашипела на нее.

— Уходи, — крикнула она, с силой топая ногой о землю в попытке отшвырнуть кошку обратно в лес. — Иди! Прочь!

Это должно было сработать. Древесные кошки обычно были довольно своенравны, предпочитая скрываться высоко в ветвях, а не на земле, где были более уязвимы перед более крупными и более злыми хищниками.

По-видимому, не сегодня.

Позади нее маленький Джейкоб икнул и засопел, привлекая внимание животного. Когда глаза зверя уставились на Грету, он снова зарычал, понимая, что именно она стоит между ним и его ужином.

— О, да. Ты знаешь это, — она сделала выпад кинжалом, но кошка отскочила назад. — Ты знаешь, что нет никакого чертовского шанса, что ты сегодня пройдешь мимо меня, так что можешь даже не пытаться.

Не желая отступить, кошка пригнулась, словно заведенная пружина. Мышцы у нее на спине нервно подергивались.

Взгляд в ее глаза дал человеку лишь долю секунды, чтобы предсказать длинный прыжок к горлу девушки, прежде чем та взлетела в воздух.

Ее быстрые рефлексы избавили от неприятной раны — будто ей был нужен еще один шрам — но древесной кошке не так повезло. Стройное животное рухнуло к ее ногам с клинком в груди. Весь ее пыл и голод ушли в последний прыжок. И вышли в последнем отчаянном вдохе.

— Дерьмо, — выругалась Грета, вынужденная отобрать жизнь, когда в этом не было необходимости. С комком в горле, она медленно опустилась на колени и вытащила свой кинжал, вытерев его о снег, чтобы очистить от крови.

Маленький Джейкоб остановился рядом с ней, выглядя печальным:

— Бедная кошечка. Почему она рассердилась на нас?

Вайат взял мальчика за руку и оттянул на несколько шагов назад.

— Это не нормально, — сказал он. — Гораздо вероятнее эта кошка спряталась бы от нас, чем напала. У нее не было причин возвращаться. Этот вид обычно не дикий и питается в основном грызунами... у них нет недостатка в пище, поэтому она не могла голодать.

Грета поднялась, чтобы стать рядом с Вайатом.

— В хороший день, уверена, она бы не напала, — сказала она. — Но сейчас Луны слишком близко. Когда затмение всего через несколько дней, все может быть.

— Затмение?

Он не знал?

— Как долго ты на Милене?

— Уже два года, — он помолчал, рука на Джейкобе напряглась, оберегая, — по-моему.

Провалы в моей памяти становятся все больше, и мне трудно следить за временем.

— Провалы в памяти? У тебя тоже? Мне сложно вспоминать происходившее до... прежде... но я думала, что блокирую память, чтобы сохранить разум, понимаешь?

Он кивнул:

— Мне кажется, что это побочный эффект портала. Мы все в некоторой степени испытали это, но, похоже, младших это поражает сильнее и быстрее.

Джейкоб протянул руку и дернул ее за ладонь.

— Мне пять, — сказал он.

Она опустила взгляд и выдавила слабую улыбку для маленького мальчика, пока боль в груди не стала слишком сильной. Закрыв глаза, она вспомнила взгляд Дрю, который смотрел на нее точно также своими яркими голубыми глазами с покорной улыбкой, так удивительно похожей на Джейкоба.

— Джейкоб с нами всего несколько месяцев, — продолжил Вайат, — и говорит, что не помнит, что было прежде, но некоторые из старших мальчиков были на Милене столько же, сколько и я, даже больше, и все же у них остались какие-то воспоминания.

Это было несправедливо, что они потеряли столько много и, в конце концов, даже память о своих семьях.

Грета моргнула и быстро осмотрелась. Похоже, все мальчишки собрались, и никто не пострадал. И Рэй, по крайней мере, перестал смотреть на нее так, словно хотел проткнуть ее собственным кинжалом.

— Я здесь уже год, — ворчливо признался он. В его глазах стояла темнота, которая была слишком знакома. Грета решила, что поняла, откуда она взялась, но все равно было неприятно. Впервые она была по другую сторону этой тьмы, заглядывая в нее.

Его очевидная боль призывала человека дотронуться до него, но плотно сжатые губы предупреждали, чтобы она даже не пыталась... и Грета тоже это поняла.

Она повернулась к Вайату.

— Как? — спросила она. — Как вы все выжили?

Как их может быть так много? Она знала этот район вдоль и поперек, но никогда не ощущала даже намека на их присутствие.

— Как вы сюда попали? Это была ведьма Ламия? Вы знаете, где я могу найти ее?

Вайат повернулся к ней спиной, чтобы, понизив голос, что-то сказать ребятам. Некоторые бросали на нее быстрые взгляды через его плечо, но большинство кивали.

Наконец, он повернулся.

— Мы думаем, что ты должна пойти с нами, — сказал он. — Кажется, мы многому можем научиться друг у друга.

Пока Грета следовала за Вайатом и другими по лесу, она быстро поняла, почему никого

из них не обнаружила раньше.

Они все были долбаными ниндзя.

То, как они передвигались между деревьями — без единого звука, сливаясь с пейзажем и оставляя как можно меньше впечатков, даже когда весь мир был покрыт белым снегом. Это было потрясающе.

Вайат нес Джейкоба на плечах. Мальчик обхватил его маленькими ручками за шею и положил щеку на макушку, словно мог легко заснуть.

Другие мальчишки шли на шаг позади, бдительные и осторожные. Рэй шел за Гретой. Как призраки, скользя по скалистым участкам и между деревьев, они сформировали своеобразный поезд со старшими мальчиками по краям и младшими между ними.

Через двадцать минут, когда они снова прошли участок, который уже проходили, Грета догадалась, что происходит.

— Ты надеешься, что я достаточно запутаюсь от этих блужданий, чтобы не суметь найти вас? Может, ты беспокоишься, что я предам вас и приведу толпу других охотников к вашей двери?

Вайат остановился и обернулся. Джейкоб действительно заснул. Маленькие детские веки затрепетали, открываясь, при звуке ее голоса и тут же закрылись снова.

Он улыбнулся, не извиняясь:

— Мы должны защитить единственный дом, который у нас есть. Каждый знает, что не должен приближаться к лагерю, если нет абсолютной уверенности, что за ним не следят.

Лагерь.

— Это словно... Бойскауты Америки.

Он прижал два пальца ко лбу в насмешливом приветствии.

— Будь готов.

Грета улыбнулась.

— Я полагаю, что с этим сложно спорить, — емкий девиз был популярен не только среди людей, это также было любимое высказывание Люка. — Пожалуйста, — она с трудом сглотнула и махнула вперед, борясь с новой волной скорби. — Веди нас по следующему кругу. Я обещаю не обращать внимания, куда мы идем.

Он милостиво кивнул ей и взглянул на Рэя. Они общались молча, словно родители, привыкшие разговаривать в присутствии детей, не произнося ни слова.

Но что за история была между ними? За четыре года многие ее воспоминания стали нечеткими, но некоторые оставались еще ясными. Острыми. Глубокими. Болезненными. Как у маленького Дрю, бегущего перед нею, когда они шли через лес — Черный лес. Грета не хотела отправляться в нелепую поездку к дедушке, которого едва знала, потому что это означало целых три недели вдали от друзей прямо посреди летних каникул.

«Грета, скорей. Иди сюда. Пахнет так вкусно». Он стоял перед входом в пещеру. Затем глубоко вздохнул и хихикнул, смех маленького мальчика отозвался эхом, когда он шагнул вперед. «Пахнет как... ммм. О, как конфеты и мамина выпечка в духовке!»

Она была слишком далеко, чтобы схватить его, когда он исчез внутри, поглощенный тенями. Грета призвала маленького мерзавца остановиться. У него будут проблемы, если он упадет в темноте и порвет свои новые штаны.

Всего в нескольких футах от нее из глубины пещеры донесся ужасный гогот ведьмы. Она вспомнила, как отчаянно кричала имя Дрю, стах душил ее, когда она побежала.

Пряничный запах забил ей нос и затуманил чувства. Теперь, все что хотя бы отдаленно

напоминало запах пряной гвоздики, корицы и мускатного ореха, вызывало у нее тошноту. Но не тогда. Тогда это заставило ее чувствовать себя в радостно-приподнятом настроении и затаить дыхание от волнения.

Она вбежала в пещеру, гадая, как Дрю мог уйти так далеко от нее за столь короткое время, и чувствуя глубокую уверенность, что опоздает.

А затем она услышала испуганный крик брата.

— Вот и все. Это здесь.

Покачав головой, она остановилась позади Рея и наблюдала, как мальчишки один за другим исчезают в практически невидимом разрыве в особо густой части кустарника.

— После тебя, — он сделал жест, приглашая ее идти вперед, но у нее сложилось впечатление, что это не просто вежливость. В конце концов, идя впереди, она вряд ли могла нанести ему удар... а он мог.

Они внимательно наблюдали друг за другом, наконец, у нее дрогнули губы, и она пригнулась, чтобы проскользнуть в отверстие.

Выпрямившись с другой стороны, она оказалась у входа на большую крытую территорию с несколькими маленькими, похожими на палатки, строениями, расположенными ровным кругом вокруг холодной ямы для костра.

— Боже мой, — она в изумлении оглянулась, — я понятия не имела, что здесь может быть такое. Немного в глуши, но я уверена, что проходила мимо сто раз и ничего не замечала. Как вы нашли это место? Как вы помешали остальным найти его?

Вайат снял спящего Джейкоба с плеч, осторожно передав его одному из старших мальчиков — она решила, что его зовут Слоан — который направился в сторону большой палатки, в то время как остальные подошли к ведру и начали мыть руки.

Грета последовала за Вайатом, пока они с Рэем показывали ей местность. Она поинтересовалась, где они берут воду, потому что вид ведра вызвал у нее зуд, и вспомнила, что прошло уже много дней с тех пор, как она принимала ванну.

— Нам приходится держаться подальше от реки или рисковать быть обнаруженными, но каждое утро двое из нас отправляются, чтобы пополнить дневной запас, — Вайат окинул ее взглядом сверху вниз. — Если хочешь, можешь принять «ванну».

Застенчиво почесывая отвратительно засохшую корочку на шее, она кивнула.

— Это было бы здорово, спасибо.

Она встретила еще трех мальчиков — никаких девочек — которые остались сторожить, пока остальные отправились на охоту. Ни Картеру, ни Лео, ни Найлу не было более одиннадцати-двенадцати лет, но, как и у остальных детей, их глаза с любопытством были устремлены на нее. Неважно, насколько молоды они были, было ясно, что они многое повидали, слишком многое узнали и слишком много страдали.

— Мы называем это место — Блиндаж, — говорил Вайат, пока они продолжали углубляться в лагерь. — Конечно, оно не всегда было укрытием. Когда мы обнаружили его, поляна была естественным образом скрыта снаружи, но мы упорно трудились, чтобы убедиться, что она практически невидима для всех и вся, кто находится вне наших стен.

Рэй кивнул:

— Но мы все-таки не зажигаем огонь, пока не стемнеет. При дневном свете дым, выходящий из-под навеса, будет маячком, сообщающем о нашем местонахождении всем голодным ограм и охотникам на Милене.

Грета промолчала. Она не ошиблась. Его голос становился отрывистым и злым каждый

раз, когда он упоминал охотников.

— Что у тебя произошло с охотником, Рэй?

Его взгляд был полон блестящих голубых осколков льда, и она не очень удивилась, когда он отвернулся от нее, не говоря ни слова, и ушел, толкнув откидную створку палатки, стоящей рядом, и исчез внутри.

— Я сожалею об этом, — сказал Вайат.

Грета покачала головой. Рэй защищался, обиженный, злой, и у нее не было сомнений, что причиной было именно это место. Она не могла обижаться на того, кто так сильно напоминал ей её саму.

— Знаешь, я слышала историю о двух людях, на которых не так давно устроили охоту по приказу короля гномов. Один из них погиб в лесу, а второго, предположительно, захватили и убили, но теперь мне кажется, что второй человек ускользнул, верно?

— Да, он ушел, — пробормотал Вайат. — Но как ты и сказала, его брат — нет.

Впервые за несколько дней Грета была чистой и в тепле, и это было замечательно. Она, скрестив ноги, сидела в маленькой палатке на поддоне, покрытом теплым меховым одеялом. Девушка должна была быть благодарна тому, кто уступил его ей, потому что это было определенно более комфортно, чем сидеть задницей на снегу и спать, прислонившись к дереву.

Присмотревшись повнимательнее, Грета обнаружила, что палатка была сделана из сшитых выделанных шкур животных, растянутых на крупных ветках деревьев и закрепленных грубым шпагатом, который был пропитан воском. Это была впечатляющая работа для группы детей, брошенных на произвол судьбы.

На самом деле, несмотря на то, что она считала себя сильной, она никогда не справилась бы и с половиной того, что сделали Вайат с мальчиками для выживания. Если бы не Люк...

Она опустила голову, закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов.

Боже, как она устала. Даже больше. Она опустошена. Чистый механизм выживания — единственное, что поддерживало ее сейчас. Она нормально не ела последние два дня, толком не спала приблизительно столько же, а постоянное напряжение сохраняло ее нервы натянутыми, словно струна. Не удивительно, что она была на пределе.

По крайней мере, именно это она посчитала причиной внезапного потока слез.

На щеке под глазом пульсировала жилка, а руки дрожали. Начало сказываться напряжение. Вайат даже не потребовал от нее информацию после показа лагеря, просто сказал, что ей нужно успокоиться, прежде чем они поговорят.

Какая-то её часть хотела предупредить этих детей о затмении и уйти. Мысль о том, чтобы взять на себя даже минимальную ответственность за них лишала воздуха и вызывала дрожь. Беда в том, что она не могла смотреть на маленького Джейкоба и не представлять, как бешеный звери охотятся на него день за днем. В конце концов, она нехотя согласилась остаться только на ночь. Достаточно, чтобы рассказать о затмении и предложить несколько вариантов.

Она пожала плечами и стянула теплый шерстяной свитер, оставив только тонкую майку. Открыв сумку, Грета порылась внутри, пока не нащупала расческу. Когда она подняла руки, чтобы расчесать волосы с внешней стороны палатки раздался резкий стук.

— Войдите.

Вайат засунул голову внутрь в тот момент, когда Грета поморщилась от боли, пронзившей ее руку.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего страшного, — она скривилась. — Несколько дней назад меня оцарапал и оплевал упырь, и раны заживают гораздо дольше, чем мне хотелось бы.

Он, пригнувшись, шагнул в палатку, чтобы не удариться головой о верх. Он снял зимнюю экипировку, и все же ее присутствие заполнило пространство, делая уютное помещение слишком тесным для них двоих.

Ее рука на ручке расчески напряглась, когда Вайат, скрестив ноги, сел напротив нее. Тут она заметила, что в его каштановых волосах были светлые прядки. Она вилась за ушами и на затылке.

Его колени стукнулись о ее, и она отодвинулась. Когда он посмотрел на нее, на его щеках образовались ямочки. Она сухо закашлялась и опустила взгляд, но в ушах у нее внезапно зашумело.

— ... помочь с этим?

Она прочистила горло.

— Прости, что? — спросила она, чувствуя, что краснеет.

— Хочешь, чтобы я помог тебе расчесать волосы?

— Мои волосы? Нет, конечно, нет. Нет, все в порядке. Я справлюсь сама. Ты не должен...

— Я не против, — он жестом пригласил ее повернуться. — Прошло много времени с тех пор, как я расчесывал девушке волосы.

— Так ты делал это раньше?

— Я расчесывал волосы своей сестренке, потому что наша мама рано уходила на работу. Моей обязанностью было разбудить нас и подготовить к школе.

Она заколебалась.

— Давай, я знаю, что ты устала, — он махнул, чтобы она повернулась.

Она раздумывала об отказе — может полсекунды. Но искушение дать другому выполнить эту работу и избавить ее плечо от мучительного напряжения сломило ее. Грета передвинулась так, чтобы оказаться к нему спиной. Девушка почувствовала, как парень придвинулся, и напряглась. Он взял ее косу у основания и мягко пропустил через кулак, словно проверяя толщину.

— Мм, значит... у тебя есть сестра?

— Ее зовут Даника. Она была результатом кризиса среднего возраста моих родителей, появившись, когда я считал себя слишком взрослым для новой сестры. Я считал, что был слишком хорош, чтобы нянчиться и играть в Барби или заплетать волосы маленьким девочкам.

— Но ты все равно это делал.

— Ага, — он развязал полоску ткани, держа ее за волосы, и провел пальцами по косе, чтобы расплести ее, — кажется, ей сейчас должно быть семь.

Она слегка повернулась, чтобы посмотреть на него:

— Где именно в Северной Дакоте ты жил?

— Какая разница? — он пожал плечами. — Городок под названием Корбин. Крошечный. Просто перекресток в глуши. На одной стороне бар, а на другой — автозаправочная станция. Наша школа находилась возле церкви на следующем перекрестке, а между ними — куча старых домов. Большинство детей приезжали на автобусе с ферм и сел, но, наверное, ежегодно набиралось меньше двух сотен учеников.

— Ты скучаешь по этому, — сказала она, снова отворачиваясь.

— Держу пари, что все это уже снесено, чтобы освободить дорогу для нового шоссе или еще чего-нибудь. На месте школы, наверное, стоит торговый центр, — голос Вайата звучал, словно он смирился со своей судьбой.

— Ты, должно быть, скучаешь по своей семье.

— Ага.

Наконец, он протянул руку вокруг нее и потянул расческу из ее руки. Она отдала ее.

— Я все еще помню последний разговор с ней, — сказал он. — Это были выходные на ее пятый день рождения, и она была расстроена, потому что я уезжал со своим отрядом скаутов.

— Будь готов?

Он хихикнул:

— Ты поняла.

— Так, что же случилось?

— Мы с группой отправились на ночную пешую прогулку. Выехали в пятницу после школы и направились в заповедник. К тому времени, как мы прибыли на место и устроились, было почти темно.

Он помолчал.

— Костер приятно потрескивал, и солнце уже садилось, когда я заметил, что пропал один мальчик — Джейсон. Я был самым старшим в группе, но все же мне не следовало оставлять группу без присмотра. И посчитал, что он будет где-то возле лагеря, ищет грибы, или что-то вроде этого, так что я начал ходить вокруг, все больше отдаляясь в попытке найти его. Я не понимал, как далеко я зашел в его поисках, пока не оказался в полной темноте.

Позади нее Вайат коснулся расческой ее волос. Одно аккуратное движение с остановкой на полпути, чтобы распутать узелок, и дальше к кончикам. Он ладонью следовал за расческой, разглаживая волосы до самых кончиков. А затем повторил все снова. Это было так хорошо, так расслабляло, что она могла заснуть.

— Почему он ушел? — спросила она, думая о Дрю, как он упрямо бросился вперед в тот день, словно что-то манило его. Будто он был заколдован.

— Сначала я не понимал, что на него нашло, — сказал он. — Малыш был послушный. Я не считал его тем, кто может вот так бросить группу. Но тут я уловил тот аромат. Он был удивительным, словно мама только-только достала из духовки свой черничный пирог и поставила его на подоконник или куда-то еще, откуда ветер мог донести запах до меня.

Она вздрогнула и закрыла глаза.

— У меня это были пряники, — прошептала она. — Липкий, пряный, теплый запах свежего пряника был самой любимой вещью в мире.

— Вот как она привлекает их, — сказал Вайат, — тем, чему они не могут сопротивляться, — он с дрожью выдохнул. — И как только этот аромат проник в мой мозг, прежде чем осознал, я направлялся прямо к пролому в скале, который раньше даже не

заметил.

— Джейсон был там? — Грета знала каким будет ответ. Она уже видела яркую картинку в уме. Огонь. Клетка.

— Да, она заманила его так же, как и меня. Заперла его в клетку, стоящую у стены пещеры. Я был настолько удивлен, что прежде чем понял, что происходит, она заперла и меня.

— Что же вы делали?

— Ждали. Как только она закончила готовить заклинание, она вернулась и попыталась вытащить Джейсона из клетки, и тут я бросился на нее.

— Ты остановил ее?

Он покачал головой:

— Бог свидетель, я пытался. Но был недостаточно быстр и недостаточно силен. Она бросила Джейсона в огонь... не могу забыть, как он кричал. Я бросился вперед, пытаюсь поймать его. Он кричал. Вместо того, чтобы обхватить руками горячее горящее тело, я схватил... пустоту. Крики просто прекратились, и он исчез.

Исчез.

Грета сглотнула, так как ее собственные воспоминания быстрым и жестким каскадом проносились перед ней, фильм ужаса — проигрывается снова и снова.

— Она и тебя толкнула?

Он кивнул:

— Я не успел обернуться.

Грета, по крайней мере, спасла Дрю. Ведьма так и не получила ее брата.

Вайат зацепился за еще один узел, прежде чем распутать его пальцами и расправить волосы по ее плечам.

Его голос звучал грубее, словно ему было трудно произносить слова.

— Все произошло чертовски быстро. Я видел языки пламени вокруг себя, но они не обжигали. Одну долгую минуту казалось, что все вокруг кроме меня охвачено огнем. Словно я был внутри пузыря, пока весь мир горел.

Он потянул руку, чтобы вернуть ей расческу. Грета взяла ее и повернулась, опустившись на колени, чтобы снова оказаться лицом к нему.

— Когда пришел в себя, то был здесь, — его лицо исказилось кривой миной. — Ну, не прямо здесь, а на Милене.

— Что насчет Ламии? — спросила она. Грета бывала рядом. После стольких лет она приближалась к неуловимому созданию. Один рывок. Все, что ей нужно, это один долбаный рывок.

— Ничего. Я больше никогда не видел ведьму.

Дерьмо.

— Но я знаю, что она не единственная. Есть и другие.

— Откуда ты знаешь? Где они?

— Они скрываются в самых глубоких пещерах в горах Милены. Та, что крадет детей — личный питомец Аграмона, но есть и другие.

— Аграмон? Ты о нем знаешь? Он управляет ведьмой? Ты уверен? — Грета чувствовала, как колотится в груди сердце. — Все ведьмы имеют такое же право открывать порталы? Могут ли они помочь нам?

— Я не знаю, что ответить на все это, — сказал он. — Источник был сомнительный,

поскольку я подслушивал разговор между двумя гномами, пытаюсь убедиться, что они не заметили меня. Я не могу подтвердить или опровергнуть их слова, но с тех пор, как рассказал Рэю, он жаждет отправиться на поиски ведьм.

— Почему ты этого не жаждешь?

— Они должны быть глубоко в недрах этих гор. Местность пересечь невозможно, а с кучей детей на буксире... — он плотно сжал губы. — Я просто не могу подвергать всех такой опасности. Не раньше, чем мы соберем достаточно припасов и не будем абсолютно уверены, куда направляемся.

Крик отчаяния рвался из нее. Это заставило закрыть глаза и сделать несколько глубоких вздохов. Разочарование было сокрушительным, но она сосредоточилась на светлом моменте. Вайат дал ей кое-какую важную информацию — больше, чем она сама смогла собрать за четыре года.

— Как насчет другого пути домой? — спросила она. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы кто-нибудь нашел портал и прошел без Ламии?

Он покачал головой. Его взгляд был тяжелым, грустным.

— Нет. Мне жаль.

Стиснув на коленях кулаки, она кивнула.

— Мне тоже жаль, — прошептала она.

— Мы искали какое-то время. Прочесали каждую пещеру и дупло в лесу. Но после того, как брат Рэя был убит охотниками, я больше не мог подставлять ребят. Это было слишком опасно, — наморщив лоб, с хмурым взглядом, он стал казаться старше, чем был. Древним, как мир... Он взял на себя такую ответственность. Как он справился, не сломался? Закончатся ли когда-нибудь его силы?

Она задрожала:

— И что ты сделал?

— Тогда мы разбили здесь лагерь. Ради сохранения наших жизней, нам пришлось смириться с тем, что судьба направила нас именно сюда. Моя задача состоит в том, чтобы сохранить этих детей и обеспечить им какую-то жизнь. Какую-то стабильность, может, даже... семью.

— А как же твоя собственная семья? Разве ты не хочешь увидеть их снова? Не скучаешь по ним?

— Конечно. Каждый день. Но мне кажется, что это мое предназначение.

— Что? Почему?

Он опустил взгляд, уставившись на ее руки. Она пыталась расслабить их, удержаться от дрожи.

— Потому что им кто-то нужен. Половины из них не было бы в живых, если бы я не вытащил их оттуда и не привел сюда.

Грета поежилась, чувствуя, что внезапно похолодало.

— Вытащил их откуда?

— Ты не знаешь?

Она покачала головой. Взглянув на его лицо, она поняла, что ей не понравится то, что он сейчас скажет.

— Я, должно быть, потерял сознание по пути через портал. Когда я пришел в себя, то оказался в подземелье с тремя другими неизвестными человеческими мальчиками, запертый во тьме.

Это была первая часть истории Вайата и казалась совершенно незнакомой. Об остальном она могла догадаться, исходя из своего опыта, но не об этом.

— Где?

— Сначала я не имел понятия. Я не видел собственных ног, но слышал других. Доносились рыдания и крики множества пленников. Они все были вокруг меня. Пещеры и пещеры, наполненные ими.

У нее опустился желудок.

— Все — люди?

— Гоблины. Фейри. Упыри. Огры. И да, человеческие мальчишки. Все запертые во тьме, как и я.

У Греты перехватило горло.

— О, Господи.

Вайат кивнул.

— Логово Аграмона. Он дает указания Ламии приводить человеческих мальчиков на Милену. Для него.

— Для чего? И почему только мальчиков?

— Я провел несколько дней взаперти в той яме, запутанный и испуганный. Когда меня, наконец, выпустили из моей камеры, все стало очевидно. Мы начали работать, и я могу только предполагать, что Аграмону нужны были только мальчики, потому что он считал, что они лучше подготовлены к поднятию тяжестей. Он строит какое-то строение в горах — я думаю, оно почти закончено — и использует людей в качестве своей свободной рабочей силы.

Рука Вайата сжалась в кулак на коленях.

— У охранника-гнома, ответственного за надзор за нами, был специальный кнут. Каждый раз, когда кто-то из мальчиков спотыкался под тяжестью камня, которые мы таскали и укладывали целый день, день за днем, он хлестал его до полусмерти. Некоторые из тех мальчиков были такие юные, Грета. Я не мог... — его плечи напряглись. Она задумалась, сколько жизней он спас, подставив свою спину под кнут вместо других детей.

У нее теперь появилась еще одна причина выследить этого ублюдка Аграмона.

— Зачем все это?

— Я не уверен, но Аграмон не может использовать для строительства рабов с Милены, потому что они слишком быстро обращаются. А когда это происходит, они становятся зависимы от лун, и он больше не может их контролировать. Пробуждение необузданных состояний сделало их слишком непредсказуемыми, не говоря уже о силе.

— Как ты сбежал?

— Это случилось отчасти благодаря нашему несовершеннолетнему правонарушителю, Рэю, который, я не сомневаюсь, был не понаслышке знаком с решетками и вооруженными охранниками еще до прибытия сюда, несмотря на свои пятнадцать. Когда он с младшим братом оказались в темнице Аграмона, Рэй сразу же начал планировать побег. У него это заняло немного времени. Спустя несколько месяцев, он затеял драку с гномом, а его младший брат стянул у охраны ключи и бросил мне, чтобы я начал освобождать других.

Вайат улыбнулся, но это была натянутая улыбка, выражающая океан горечи.

— К сожалению, все пошло совсем не по плану. Между ударами по ребрам и голове Рэй посмотрел прямо на меня и умолял меня забрать оттуда его брата. Но пока он получал по упрямой заднице, охранники бросились к нам прежде, чем я успел открыть три клетки. Мы

совершили отчаянный побег, чтобы спасти жизни. Я вывел десять мальчиков, включая брата Рэя, — он покачал головой, его голос стал тише. — Нам пришлось бросить остальных.

Не сложно было заметить, что решение, которое принял Вайат, все еще беспокоит его.

— Я все еще слышу, как они кричат мне, чтобы я не бросал их, — его взгляд был устремлен в никуда. Она не знала, что сказать.

После долгой паузы он снова посмотрел на нее и пожал плечами:

— Как Рэю, упрямому дураку, удалось не только остаться в живых, но и уйти и последовать за нами из логова Аграмона в том состоянии, в котором он был... Я до сих пор понятия не имею. Но, Боже, когда он нашел нас через два дня, я никогда не забуду, как он выглядел. Этот парень добровольно принял на себя избиения, чтобы освободить своего брата... Чтобы вскоре после этого потерять его...

Она вздрогнула. Он в безопасности. Дрю в безопасности.

Грета не осознавала, что Вайат перестал говорить. Она подняла взгляд и обнаружила, что он наблюдает за ней с большим напряжением.

— Ты в порядке?

Она отшатнулась, не готовая открыть свои собственные шрамы рассказом о своем путешествии.

— Где был Джейсон, мальчик, за которым ты последовал сквозь огонь? — она с силой сжала вместе пальцы на коленях. — Что случилось с ним? — она не услышала имя Джейсона во время предыдущих представлений.

Вайат нахмурился:

— Я не знаю. Я никогда не видел его после того, как он упал через портал там, дома. Я провел больше года в темнице Аграмона прежде, чем появился Рэй, и мы сбежали. Я высматривал лицо Джейсона, но было похоже, что я придумал его себе. В конце концов, я начал говорить себе, что он дома, в безопасности, но не мог этому поверить. Видишь ли, ходили слухи. Слухи, что некоторых мальчиков Ламия доставляла Аграмону для других целей. Что их держат отдельно от остальных.

— Ты знаешь где? Зачем?

— Нет.

Между ними возникла напряженная тишина. Она провела руками по гладким волосам и отбросила их назад через плечо.

Вайат продолжал наблюдать за ней. Она внезапно почувствовала себя неловко. У нее что-то было на лице? Грязь или — о, Боже, неужели она все время ходила с кровью огра на лице? Она провела рукой по щеке, но поняла, что это бессмысленно и заставила себя остановиться.

— Гм, спасибо.

— За что?

Она скривилась, пока разделяла волосы на три пряди, чтобы снова заплести их.

— За то, что не воспользовался моей слабостью сегодня в лесу? Доверил мне местоположение своего лагеря? Предоставил мне место для отдыха...

— Не говоря уже о том, что я не держу зла за то, что ты грозила перерезать мне горло и покалечить моих мальчиков.

— Ага, — она усмехнулась, — и за это тоже.

— Без проблем.

Как ни странно, Грете было спокойнее, чем последние несколько дней. Уставшая, но в

безопасности и тепле. Она глубоко вздохнула, и внезапно реальность ее положения навалилась на нее. Не как лавина, которая разрушает все на своем пути. Больше похоже на внезапный дождь жарким августовским днем. Она помнила такие дни, когда влажность была такой высокой, что с приближением грозы они с Дрю вместе выбегали на улицу, поднимали смеющиеся лица к небу и ждали воды, которая обрушивалась на листву и смывала с них грязь.

Она больше не одна. Она была окружена людьми, которые знали, кем она была.

И они не ненавидели ее. Они, на самом деле, понимали.

Тени в уже темной палатке углубили провалы под глазами и на скулах Вайата, делая его гораздо старше и жестче, чем он был. В то же время, тонкая прядка волос упала упала и закрыла его левую бровь, и он показался таким же молодым и уязвимым, как и остальные.

Его тонкий нос мог показаться задиристым, но это ощущение смягчал персиковый пушок на щеках и искренняя быстрая улыбка.

Она отвела глаза, когда закончила заплетать первую косу и взялась за вторую.

Парень продолжал наблюдать за ней, словно молчание между ними было совершенно естественным. Внутри у нее судорожно сжимался желудок. Зашевелилось темное чувство. У этого чувства были яркие аметистовые глаза. Оно насмехалось над ней хриплым голосом, говоря ей, что она заблуждается, если думает, что у нее есть что-то общее с этим парнем только потому, что он был человеком. Человечество было не просто биологическим фактом, это было состояние бытия. И в то время, как Вайату и мальчикам удалось сохранить его, держась друг за друга, у нее не было их поддержки, за которую можно было бы держаться.

— Мне жаль, — сказал он.

Она отпрянула и отпустила косу. Грета попыталась спрятать свои трясущиеся руки под себя. Он, нахмурившись, смотрел на нее.

— За что? — она рассмеялась, совершенно не желая получить ответ.

— За все то, что заставляет тебя выглядеть такой грустной.

— Эй, я просто устала. И голодна. Как бы мне здесь немного перекусить?

Он выдохнул и отодвинулся.

— Еда. Точно, конечно. Это будет не фантастически, но я могу принести тебе что-то теплое и сытное.

Поднявшись на ноги, он вышел из палатки, согнув плечи.

— Почему бы тебе не отдохнуть какое-то время, а я попрошу Джейкоба прийти и забрать тебя, когда все будет готово.

— О, нет. Я могу помочь, — она порывалась тоже встать, но Вайат положил руку ей на плечо и насильно затолкал ее назад под груды шкур животных и толстых одеял.

— Нет, не можешь. Любой, кто способен заснуть, сидя в снегу и прислонившись спиной к дереву, и не слышать мои тяжелые шаги прямо позади себя, — Грета снова застонала и покачала головой, но он только усмехнулся, — заслуживает хотя бы час отдыха, прежде чем выйти к орде.

Она с радостью уступила.

— Хорошо, спасибо. Час это хорошо.

— Хотелось бы побольше, но я думаю, ровно столько я смогу удерживать остальных в стороне от тебя. Некоторые из них давно не видели девочек и забыли, как они выглядят. Мне кажется, младшие мальчики надеются, что ты будешь подходящей заменой для матерей и сестер, которые остались там. И, к сожалению, многие из них входят в ох-какую-веселую

стадию, которая называется пубертатный период.

Она наклонила голову, чувствуя, что ее щеки начинают пылать.

— А, ну... разве я не счастливчик?

— Я думаю, что демонстрация меча сможет отвлечь их от того, что у тебя есть грудь... по крайней мере, на время.

Она задохнулась, открыв рот от шока.

— Э-э-э, спасибо. Ты так думаешь?

Он усмехнулся и повел бровями.

— Это отвлекло меня, о... хотя бы на минуту.

Грета рассмеялась, когда поняла, что он шутит, но прежде, чем он повернулся, чтобы уйти, на его лице отразилось неуловимое напряжение. Грета сказала себе, что ей показалось.

Она проснулась под ритмичный и мягкий храп с ощущением, что маленькая голова уперлась ей под мышку. Не открывая глаз, по запаху и на ощупь убедилась, что твердым маленьким человечком, устроившимся сбоку от нее и излучающим достаточно тепла, чтобы обогреть целую деревню, был никто иной, как Джейкоб.

Чуть раньше он с грацией слоненка проскользнул в свою палатку, споткнулся об ее ноги и залез под одеяло, чтобы скрутиться сбоку от нее. Грета не смогла заставить себя сесть и сообщить маленькой козьявке, что она уже проснулась, поэтому она тихонько лежала, впитывая его тепло, вдыхая запах маленького мальчика и стараясь не думать о Дрю.

В конце концов, потом, должно быть, заснула. К счастью, она не могла вспомнить сон.

Открыв глаза, поняла, что не было никакой разницы, она все равно ничего не видела. Ее живот бурчал, напоминая, что перед сном она была голодна, и ничего не изменилось.

Она спала достаточно долго, чтобы солнца успели сесть. Грета не хотела думать о том, что именно это тьма принесет через несколько дней, когда каждое рожденное здесь существо превратится в злобного зверя, единственным инстинктом которого будет охотиться и убивать, но она должна была думать об этом, чтобы ребята могли подготовиться.

Это напомнило ей, о чем она забыла рассказать, когда они с Вайатом разговаривали.

Осторожно, чтобы не разбудить Джейкоба, вытащила руку из-под его тонких плеч и соскользнула с поддона. Вслепую потянулась влево за своим пальто и обнаружила его свернутым там, где и оставила, на своей сумке. Она похлопала вокруг в поисках меча, но у нее было подозрение, что он остался со стороны ребенка.

Решив, что одного кинжала, все еще привязанного к ее лодыжке, будет достаточно, она тихонько натянула пальто и проползла через Джейкоба, чтобы вынырнуть из палатки.

День был ясным и солнечным, а ночь — звездной и холодной. Было еще не слишком поздно, но холодный воздух щипал Грету за нос, когда она смотрела на огромные луны Милены и созвездия, окружающие их.

Ее всегда удивляло, насколько другим было небо. Иногда, когда она охотилась глубоко в лесу, где деревья выглядели так же, как дома, снег ощущался таким же и воздух пах так же... Грета могла представлять, что она дома. Пока не поднимала голову, и все ее иллюзии снова разлетались в прах.

Моргнув, скрестила руки и крепко обхватила себя. Жилье, которое предоставил ей Вайат, находилось на внешней стороне круга. Она предположила, что это было сделано для того, чтобы младшие мальчики жили ближе к центру круга, а старшие образовывали вокруг них защитную стену. Именно так она бы все организовала, если бы занималась этим.

В нескольких футах ниже горел огонь, и она направилась к нему. Три мальчика шептались, сидя с одной стороны костра, а с другой спокойно разговаривали Вайат и Рэй.

Вайат смотрел, как она приближается.

— Эй, я думал, что ты пропала на всю ночь.

Она улыбнулась.

— Кое-кто храпит.

Он усмехнулся.

— Да, и для такого малыша, он просто духовой шкаф. Держу пари, что это больше похоже на сауну, — поддвинувшись, он похлопал по месту между собой и Рэем. — Но сейчас

ты выглядишь замерзшей. Садись. Нам приходится поддерживать небольшой огонь, чтобы он был не замечен за пределами лагеря, но он все-таки дает тепло.

— Спасибо, — она покосилась на Рэя. Он сместился на несколько дюймов и повернулся к костру, сосредоточенно тыкая в него палкой. О трех мальчиках напротив нельзя было сказать то же самое, потому что они наблюдали с интересом.

Она присела, растирая руки вверх-вниз.

— Ты голодна? — спросил Вайат.

— Да, но только если это не доставит много хлопот.

Рэй поднялся на ноги.

— Мы сохранили для тебя ужин. Я принесу его.

С мрачно нахмуренным лбом он повернулся и ушел.

— Он в порядке? — спросила она Вайата.

Он помолчал, глядя на трех мальчиков, все еще наблюдающих с большим интересом.

— Время, парни. Пора в кровати.

К удивлению, никто не высказал жалоб, хотя была пара недовольно мечущихся взглядов. Грета кивнула, когда они пожелали спокойной ночи и вместе ушли. Она предположила, что мальчики будут шептаться о ней в палатке до поздней ночи.

Вайат оперся рукой о колено, наклоняясь ближе к огню.

— После того, как мы спасли Джейкоба, Рэй начал беспокоиться. Он считает, что головорезы Аграмона решили, что мы можем быть угрозой, и активно ищут нас вместо того, чтобы надеяться, что мы просто зачахнем от голода и холода.

Грета, глядя в огонь, подумала о награде за ее голову, и на нее накатила новая волна горечи.

— Это вполне возможно, — сказала она. — Как вам удалось спасти Джейкоба?

Вайат вздохнул:

— Раз в две недели Рэй пробирается к подножию крепости Аграмона для добычи информации.

Грета резко подняла голову.

— Это близко?

— Достаточно далеко, чтобы он уходил на всю ночь. Мы с Рэем обсуждали возможность переезда дальше, может под покров большого города, но Разуа — единственный разумный выбор, а это вне обсуждения.

Поскольку Грета сама отказалась от идеи идти в Разуа, она прекрасно поняла.

— Из-за влияния гномов. Проще просто попросить их вернуть вас Аграмону.

— Правильно.

— Но разве Рэю не опасно ходить туда?

— Очень.

— И ты все-таки позволяешь ему это?

Ответ прозвучал сдержанным, обороняющимся голосом из-за ее спины:

— Я не ребенок. Мне не нужно ничье разрешение.

Повернувшись, Грета ухватила самодельную миску, которую Рэй пихнул ей в грудь. Похоже, она была сделана из гладкого выдолбленного куска коры.

— Спасибо, — сказала она.

Бросив предостерегающий взгляд Рэю, Вайат продолжил:

— Да, это опасно, но несколько месяцев назад мы согласились, что независимо от

риска, мы не можем просто бросить остальных детей гнить под пятой демона. Мы пытались составить план, чтобы освободить их.

У Греты отвисла челюсть. Она переводила взгляд с одного мальчика, на другого — они, очевидно, совсем потеряли разум.

Рэй заговорил прежде, чем она смогла подобрать слова, чтобы сообщить им об этом.

— Никто из людей на Милене не пользовался такой свободой, которой наслаждалась ты, — рявкнул он. — Пока ты работала на существ, которые хотели бы видеть тебя мёртвой или в цепях...

— Это не правда. Не все они плохие и... — она замолчала. — Я не знала, что есть кто-то еще.

— И это все оправдывает?

Вайат бросил на него взгляд.

— Рэй, заткнись.

Грета не отводила глаз от Рэя.

— Нет, он имеет право злиться. Мы все делали то, что считали необходимым для выживания.

— Тебе легко говорить, когда тебя не держали в цепях как раба в самом темном и глубоком подземелье Милены. Или загоняли как животное.

Возможно, это было правдой когда-то, но не сейчас. Она убежала так же быстро, как и все. Девушка посмотрела на миску с изумительно пахнущим рагу и принялась за еду, но не смогла много съесть.

— Может ты прав, — сказала она, заставив себя проглотить. — И что же мне теперь с этим делать?

Он, глядя на нее, колебался.

— Оставайся с нами, — предложил Вайат.

— Помоги нам освободить мальчиков от Аграмона, — добавил Рэй.

Грета не могла вынести настороженную надежду, пробивающуюся из-за хмурого взгляда Рэя. Он был серьезен.

А также сумасшедшим.

Кто-то должен быть голосом разума.

Кто-то вроде тебя? То, что планируешь ты, такое же сумасшествие, а может даже и больше.

По крайней мере, она планирует идти за Аграмоном одна, не рискуя жизнями группы маленьких детей.

— Допустим, у тебя появился шанс выйти конкретно против этого засранца, хотя все, что я слышала, говорит, что ты не выстоишь и десяти минут. Что потом? — ей совершенно не хотелось выступать адвокатом дьявола, но это был единственный способ заставить Вайата и Рэя — особенно Рэя — осознать всю глубину опасности, в которую они собирались влезть.

Рэй с перекошенным от гнева лицом вскочил на ноги.

— Я знал, что она не поможет нам.

Грета поставила миску на бревно рядом с собой и тоже поднялась. Они стояли лицом к лицу. Она уперлась руками в бедра.

Не было никакого смысла рассказывать ему, что она собиралась отправиться за Аграмоном сама — он просто увяжется за ней — но кто-то должен заставить его понять, что ему понадобится нечто большее, чем гнев, решимость и дерзость, чтобы выполнить эту

работу. Ему нужен был план — то, что она еще не придумала для себя.

— Что вы собираетесь делать со всеми детьми, даже если вам удастся освободить их из темницы?

— Что ты имеешь в виду? — требовательно спросил он.

— Ты очень хорошо понимаешь, что я имею в виду. О скольких детях мы говорим, кроме тех, что уже находятся в этих палатках? — она обвела рукой лагерь?

— По крайней мере, двадцать или тридцать, — сказал Вайат, все еще сидя на бревне. — Может быть и больше к настоящему моменту.

— Какая разница сто их там или один? — Рэй повысил голос, переводя взгляд между ними. — Это не уменьшает их страдания, это ничего не меняет.

— Нет, это не уменьшает их страдания, — согласилась она. — И это не меняет твоего отношения к тому, что они остались там. Но это меняет все остальное, Рэй. Ты должен это понимать.

Он посмотрел на нее сверху вниз так, словно она превратилась во что-то, чего он не потерпит даже под подошвой своего башмака.

— Что я должен понимать?

Вайат стал рядом с ней.

— То же самое я пытался вбить в твою твердолобую башку несколько месяцев.

Он посмотрел на Вайата так, словно его предал собственный брат.

— Даже если ты сможешь освободить их, — терпеливо повторила она, пытаясь правильно расставить акценты. — Через несколько дней начнется затмение.

— Ты упоминала это ранее, — сказал Вайат. — Я полагаю, это очень важно?

— Если считать, что каждый на Милене подчинен фазе лун, то да, очень важно. Чрезвычайно.

— Что это значит? — спросил Рэй. — Ты говоришь о Потерянных?

Грета покачала головой:

— Потерянные — существа, которые поддаются влиянию нормальных лун из-за слабости духа или тела, и не достаточно сильны, чтобы обратиться назад. Но затмение — это другое. Затмение вызывает лунную фазу в каждом существе Милены. В одно и то же время.

Рэй задохнулся:

— В каждом?

Она подняла руку.

— В основном. Во всех, кто уже достиг физической зрелости.

— Так ты утверждаешь, что мы будем захвачены армией оголтелых психов, когда затмение начнется?

— Что-то вроде того. Животные, упыри, огры, эльфы, фейри... гоблины. Все обратятся. Начнется беспредел на каждом клочке этой земли.

Грета сосредоточилась на Рэе.

— Если ты считал, что охотники за головами плохие, то что ты будешь делать, когда за нами начнёт охотиться все графство?

— Они не знают, где мы.

— Они вас учуют, не сомневайся в этом. Этот маленький оазис не защитит вас. Он будет недостаточно большим, безопасным и скрытым.

Вайат зарылся руками в волосы.

— Иисусе, Рэй. Как бы нам не хотелось помочь другим, это чересчур, чтобы мы осилили.

— Будь разумным, Рэй. Используй мозги, — Грета встретила взглядом с импульсивным подростком. Она чувствовала, словно только что поделилась кусочком Люка, который постоянно тренировал ее оставлять свои эмоции в стороне от битвы, которую она хотела выиграть. Это было смешно, учитывая, что она хотела отомстить — стремление, подпитываемое, в основном, эмоциями — человеку, виновному в его смерти.

Рэй кипел довольно долго. Она почти видела, как из его ушей выходит пар, и вздохнула, понимая, что не может достучаться до него. Но, в конце концов, он резко кивнул.

— Хорошо. С разумом я могу согласиться. Я понимаю, что нам нужен план — не только для того, чтобы спасти других, но для того, чтобы вытащить потом нас всех с Милены — надеюсь до того, как затмение превратит это место в зону боевых действий. Но мы уже знаем, где остальные Ламии. Не может быть, чтобы их было трудно найти. А как только мы окажемся в горах, там будет много пещер, чтобы переждать затмение.

Черт, он не понял ни слова из того, что она сказала.

— Дело не в плане, Рэй. Чтобы совершить такое, тебе нужно чудо. Ты предлагаешь невозможное, особенно, учитывая сроки.

— Не невозможное, — защищался он. — Сложное, да. Но мне кажется, мы сможем это сделать. Мы в Вайатом не эксперты, но мы достаточно умело обращаемся с нашим оружием, а некоторые мальчики достаточно взрослые...

— Черт побери, нет. Я не позволю, — сдавленным голосом сказал Вайат.

Рэй нахмурился. Предположение вложить оружие в руки детей оставило дурной вкус у них во рту — как и должно быть. И все же через мгновение он сжал челюсть и продолжил:

— Вайат, пойдем ли мы освобождать других или будем пережидать затмение, им все равно придется учиться. Некоторые из них готовы, — настаивал он. — Это может быть наш единственный шанс. Я знаю дорогу к крепости Аграмона как никто другой. Если у меня получится провести нас внутрь, мы сможем вывести тех детей, я уверен.

— Сколько? — Вайат стоял лицом к лицу с Рэем, сжав по бокам кулаки. — Сколько умрет в процессе? Сколько снова придется оставить там?

— Я не допущу...

— Ты не допустишь что? Чтобы тебя убили? В прошлый раз это едва не случилось.

— Я смогу это сделать, Вайат. Ты знаешь, что я смогу, — ответил он.

— А остальные? — Грете не нравилось давить на Рэя, но он должен был осознать обреченность затеи. — Горы подлые и мы не знаем, что скрывается в тех пещерах, где ты предлагаешь спрятаться. И ты на самом деле думаешь, что я все еще была бы здесь, если бы Ламию было бы так легко найти, если бы порталы в земле открывались бы, как только понадобится? Как я говорила, нужно чудо, чтобы совершить это...

Его глаза горели в свете костра.

— Что же, разве нам не повезло, что мы сегодня нашли в лесу собственного охотника, чтобы уравнивать шансы?

Вайат шагнул между ними, насторожено глядя на них.

— Прекрати, Рэй. Не сейчас.

— Почему нет? — у него сорвался голос, выдавая глубину эмоций.

Вайат вздохнул:

— Становится поздно.

— Послушай, — сказала Грета. — Почему бы мне не попытаться провести тренировку с оружием со старшими мальчиками завтра? Я не могу ничего обещать, но это может дать вам больше шансов, когда наступит затмение.

Зря она это сказала. Вновь вспыхнувшая искра в глазах Рэя заставила ее живот сжаться в комок от ужаса. Она захлопнула рот, едва слова вылетели из ее рта, но было уже поздно.

— Не надейся, Рэй. Я все еще не согласился на твой план, — Вайат повернулся к ней. — Но если ты готова дать им кое-какие уроки, я завтра начну собирать лагерь, чтобы оставить поляну и найти более безопасное место, где не придется сидеть на корточках. Теперь, — повернулся Вайат к Рэю. — Почему бы тебе не поспать пару часов, а потом встать следующим на вахту.

Рэй, наконец, кивнул. Умный ход. Парень и так достаточно выводил из себя за одну ночь.

Когда он ушел, Вайат застонал и провел ладонями по лицу, прежде чем посмотреть на нее.

— Не хочешь прогуляться? Мне нужно кое-что проверить.

— Да, конечно, — она засунула руки в карманы и пожалала плечами. Было темно. Но небо оставалось ясным, а луны яркими. Они шли в ногу рядом друг с другом. Когда они проходили мимо ее палатки, девушка остановилась. — Ты не возражаешь, если я кое-что возьму? Я могла бы установить несколько ловушек. Если нам повезет, то к завтраку будет приятный сюрприз.

— Конечно, звучит неплохо.

Она нырнула в палатку, не разбудив Джейкоба, и осторожно взяла свою сумку и меч.

— Готова?

Она кивнула.

Они шли молча, время от времени останавливаясь, чтобы установить ловушку, что было довольно сложно в темноте. Грета начала испытывать неловкость, когда он за долгое время не проронил ни слова, поэтому спросила:

— Джейкоб со всеми такой музыкальный, когда спит?

Вайат рассмеялся:

— У него есть привычка заползать в постель к тому, с кем провел большую часть дня. В основном, это Слоан. Не беспокойся, я заберу его, когда мы вернемся. Он будет очень рассержен, когда утром увидит, что рядом с ним спит старый скучный Слоан.

Одна мысль об этом заставила ее улыбнуться. Он был слишком милым, этот ребенок.

— Ты очень красивая, когда улыбаешься, знаешь об этом?

Она остановилась как вкопанная и отвела взгляд, не зная, что ответить. Может он подумает, что она высматривает в лесу хорошее место для последней ловушки.

— Но, мне кажется, это не имеет большого значения для охотника за головами, не так ли?

Вайат покраснел, когда она снова подняла на него взгляд. Грета заметила золотые пятнышки в его теплых карих глазах — так отличается от более смелого аметистового взгляда Айзека. Она не могла сравнить их обоих. Они оба были сильными. Оба казались привязанными к своим обязанностям. Но там, где один был мрачен и изо всех сил пытался надавить на каждую кнопку, которую находил в ней, другой был спокоен и настолько милый, что у нее болело в груди.

— Гм, нет. Я не красивая, — ее голос был едва слышен. Она смущенно думала о

десятках шрамов, доказывающих это, пошла вперед, немного ускорившись. И более громким веселым голосом сказав: — И ты прав, это не имеет значения.

Он сделал несколько больших шагов, чтобы догнать ее, засунув руки в карманы, когда смотрел на землю между ними.

Она сделала глубокий вздох.

— Мне нельзя возвращаться в ваш лагерь, Вайат. У меня сейчас столько проблем, что я только подвергну тебя и всех остальных опасности.

— Я думаю, мы оба знаем, что над нами зависла более насущная опасность, а ты единственная надежда избежать ее.

Грета остановилась и повернулась к нему, качая головой:

— Ты даже не знаешь меня. То, что я — человек, не значит, что я хорошая, что ты можешь доверять мне.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Не можешь, — сказала она. — Я слышала истории о других людях на Милене, но никогда не искала их особо тщательно. Ты хочешь знать почему?

— Ты не обязана объяснять.

— Потому что так было проще. Даже если я и подозревала правду, я больше беспокоилась о себе, чем о ком-то из вас.

— В этом нет ничего постыдного. Ты ничего не знала наверняка. Твоей первостепенной задачей было выживание.

— Ты не понимаешь. Ничего не изменилось. Я не могу остаться. Я должна...

Он схватил ее за плечи и сжал.

— Эй. Мы прекрасно справлялись и сами. И хотя я рад, что ты сейчас здесь, я обещаю не просить у тебя больше, чем ты можешь дать. Когда тебе нужно будет уйти, просто... уходи.

Девушка не знала, что сказать. Он был воплощением терпения и чести. Она не хотела бы оказаться рядом с ним, когда подведет его, и это терпение превратится в ненависть и отвращение. Грета выдохнула и сделала вид, что отряхивает грязь со своего пальто.

Вайат сжалился над ней и отступил.

— Ты не рассказала, как оказалась здесь. Как ты стала охотником за головами?

Он имел право услышать ее историю, после того как рассказал свою. Она открыла рот, но из него не вылетело ни звука.

— Не важно, — сказал он, снимая свой вопрос. — Все хорошо, я понимаю.

От этого ей стало только хуже.

— Нет, — поспешно сказала она, хватая его за рукав. — Просто... Я не думаю, что когда-то рассказывала кому-то всю историю. То есть... Люку, но...

— Люку?

— Он нашел меня, — это было вполне неплохое начало. — Я упала через портал, когда пыталась спасти своего младшего брата от ведьмы, и, по крайней мере, мне это удалось. Я помню, что отодвинула его в сторону как раз вовремя, хотя не помню много другого. Я думаю, что потеряла сознание.

— В этом есть смысл.

— Когда я пришла в себя, было темно и холодно. Я была одна. Сперва я не заметила снега, просто выскочила из пещеры. Только когда я подняла голову и увидела две луны, лишь тогда я растерялась, — она остановилась и подняла голову. — Но я все еще была уверена, что

мне мерещится или это свет такой, словно северное сияние. Пока не наступило утро, и не взошли два солнца. Даже тогда я надеялась, что стоит мне немного пройти и, оглянувшись, я окажусь на пороге дома своего дедушки.

— Тебя приветливо не встречал Аграмон, и ты не попала в его крепость?

Теперь Грета чувствовала себя виноватой, что избежала того ужаса, когда он и все остальные так долго страдали под пятой Аграмона — и все еще страдают.

— Я даже не знала о крепости, пока ты не упомянул о ней. Я много дней блуждала по лесу — даже не знаю сколько. Я так ослабла и была дезориентирована, что едва могла идти, — она криво улыбнулась ему. — Кроссовки, джинсы и хлопчатобумажная футболка не помогли мне подготовиться к зиме Милены.

— Ты мне это говоришь?! — он улыбнулся в ответ. — К счастью, я был одет в походные ботинки и альпинистскую куртку, когда попал сюда, но мне не удалось сохранить одежду, когда ее приметили гномы Аграмона.

Она опустила взгляд на кожаные сапоги Вайата. Они были такие же, как и у большинства разумных существ Милены, хотя и были сильно изношены, подошва крепилась с помощью бечевы, обвязанной вокруг стоп.

— Да, знай я, где окажусь сегодня, я, определенно, собрала бы кое-какие вещи.

— Так что случилось?

Она скривилась.

— Случилось привидение. Я была в полубреду от голода и лихорадки, когда забрела туда, куда не должна была. Люк — тот, благодаря кому я выжила, и не только потому, что он шел по следу того привидения и добрался до него раньше, чем оно до меня, — она подождала пока волна скорби, хлынувшая на поверхность не уменьшится до управляемой боли. — После этого он забрал меня к себе домой. Вылечил меня... и затем научил меня выживать.

— Звучит так, словно ты заботилась о нем.

— Да, но... это было нелегко. Его было трудно любить. Всегда подталкивающего. Всегда говорящего, что я могла сделать лучше. Что я могла быть жестче. Что моя человеческая слабость закончится моей смертью.

— Сурово. Ты была просто ребенком.

— Именно так я и говорила. Бывало, я кричала ему, чтобы он оставил меня в покое. Но это только делало его жестче. Особенно, когда он смеялся мне в лицо и насмешливо говорил, что бы со мной было, если бы он оставил меня одну.

— Чему он тебя научил?

— Обращению с мечами и другим оружием. Быть незаметной, умной, сильной. И никогда не позволять эмоциям брать верх над собой.

И она стала настоящим профессионалом в этом, не так ли?

— Его уже нет, да? Он умер?

Она присела в сугроб и копалась с последней ловушкой, довольная, что он не может видеть ее лицо. Когда Грета поднялась, ей понадобилось несколько секунд, чтобы проглотить разочарование.

— Ты, должно быть, сердись на него, — сказал он. — Он был твоей семьей, а теперь оставил тебя здесь одну.

Семья. Какое странное слово.

— Не похоже, что у него был выбор, — внутри она кипела. Как он мог так с ней

поступить? Как он мог просто сдать и уйти?

— Не уверен, что то, что мы знаем, важно. Наши чувства часто иррациональны.

Она вздохнула:

— Как ты вообще с такой интуицией оказался здесь с кучей хулиганов и подростков с гормонами?

Он хмыкнул:

— О, не волнуйся, я тоже могу рыгать и ругаться наравне с ними, хотя первенство в сквернословии сейчас держит Слоан. Он оказался здесь, когда ему было только одиннадцать и без... гм... без какого-либо воспитания. Теперь он решил, что взросление означает как можно чаще и больше использовать наиболее вульгарные слова. К счастью, не смотря на то, что лексикон у него обширный, он не понимает значения половины слов.

— Так кто же научил его этим словам?

— А ты как думаешь?

— Рэй, — она рассмеялась в ответ на многострадальный взгляд Вайата.

— Ага. Слоан просто в рот ему заглядывает.

Они пошли назад, но на этот раз тишина прерывалась чаще приятным разговором, вопросами друг к другу на разные темы. Нормальные темы. Темы их прошлого, а также настоящего на Милене.

Разговор с Вайатом всколыхнул воспоминания Греты, и она обнаружила, что вспоминает такие вещи, которые считала забытыми.

И она думала только об Айзеке, о... каждую минуту.

Глава 12

Когда Грета с Вайтом вернулись к костру, Грета оставалась с ним, пока Рэй не пришел на смену. Он сразу снова начал ругаться с ними. Вайат все еще отказывался соглашаться на его сумасшедший план, но Грета прекратила спорить. В любом случае, она пойдет за Аграмоном. Если они настоят на том, чтобы пойти за ней, кто она такая, чтобы останавливать их?

Удастся ли им? Смогут ли они найти скрытную Ламию и заставить одну из ведьм открыть портал? Она нахмурилась во тьме своей палатки. Кто знает? Кто знает, переживут ли они вообще день, особенно, когда затмение вступит в силу?

Такая неопределенность. Люк разорвал бы ее на части, если бы она пришла к нему с такими неопределенными, ничтожными планами.

Когда она со вздохом легла на спину и закрыла глаза — Вайат забрал маленького Джейкоба с ее поддона и перенес его в свою палатку — то еще раз прокрутила ситуацию в голове, но так и не нашла решения.

Она была в своей комнате, лежа в постели под натянутым до подбородка одеялом. Маленький ночник на прикроватной тумбочке освещал небольшой круг слабым светом. На той же самой тумбе лежала открытая книга обложкой вверх. Стены комнаты вокруг были оклеены плакатами. Разного размера. Ярких цветов.

Окно было открыто, и в комнату залетал стрекот сверчков. Где-то недалеко она слышала гудок поезда. Один. Два. И еще два длинных гудка, чтобы сообщить, что он пересекает перекресток по пути через город.

Айзек. Грета всегда могла понять, когда у нее был один из таких снов. Он больше не мог ее обмануть, потому что она чувствовала гул электрического поля, которое могло поднять дыбом ее волосы.

— Что ты собираешься делать? — окликнула она. Она не могла его видеть — еще нет — но она не сомневалась, что он мог ее слышать.

Его дыхание вдруг коснулось ее шеи, теплое и мягкое, словно он лежал рядом с ней. Ее сердце заколотилось, и она сжала пальцами накрахмаленные хлопчатобумажные простыни, пахнущие лимонным смягчителем и кажущиеся такими реальными.

— Покажись, — попросила она, задерживая дыхание.

«Я думал, что ты не хотела больше меня видеть.»

Он соблазнительно шептал своим хриплым голосом.

Самоуверенный придурок.

Она отвернула голову в сторону, но не смогла ускользнуть от него, и тут же почувствовала мягкое прикосновение его пальцев, прослеживающих линию ее челюсти, шеи, плеча. Бесспорно его запах наполнил ее легкие, но он все еще был невидим.

— Прекрати, — прошипела она, вытянувшись по струнке.

Она услышала его долгий вздох, но давление ослабло, а потом исчезло.

— Сперва моя школа, теперь моя спальня. Почему? — она моргнула. — Почему здесь? «Как еще я могу быть рядом с тобой? Кроме того, мне нравится видеть тебя такой. Ты... нежная здесь.»

Рассердившись, она откинула стеганое одеяло в сине-оранжевых зигзагах и вскочила с кровати к окну, где тонкие занавески слегка развевались на ветру. Она поднесла руку к раме, поймав свое отражение в стекле.

— Ты не можешь продолжать делать это со мной. Оставь меня в покое.

Ее голосу не хватало уверенности, и каждый дюйм ее тела был напряжен от его прикосновений. Она должна была быть сильной, но ничего не могла поделать с радостью, что он был здесь. Не было никакого смысла отрицать это, как бы глупо это не было. Грета прислонилась лбом к гладкому прохладному окну. Возможно, если она закроет глаза и не будет ни на что смотреть, она проснется.

Его голос щекотал ей ухо.

«Чего на самом деле ты хочешь?»

Черт бы его побрал. Это нужно прекратить. Он не должен продолжать вот так приходить к ней, мучая ее этими воспоминаниями. Она развернулась.

— Конечно, именно этого я и хочу!

Внезапно он оказался прямо перед ней, глядя на нее.

Грета не смогла выдать ни слова. Ничего не вышло. Айзек был одет лишь в широкие штаны, без рубашки. Она не привыкла видеть его — в снах или наяву — без толстого зимнего плаща во весь рост. У нее отвисла челюсть. Когда она осознала это, то захлопнула рот с такой силой, что лязгнула зубами.

С усилием девушка перевела взгляд с его гладкой, словно изваянной из камня кожи, на его лицо. Его глаза сверкали в мягком свете, а волосы спутались, будто он и самом деле спал с ней в той постели. Понимающая улыбка играла на его губах, словно он знал, о чем она думала. Опасный. Никто не может выглядеть столь хорошо.

Он казался расслабленным и чувствующим себя комфортно, будто это его зимний плащ возлагал на него всю ответственность, которая обычно лежала на его плечах, а без него он мог быть самим собой. А каким был Айзек, когда был самим собой? Она видела проблески, но между ними было столько игр, столько недоразумений...

Дрожа, она скрестила руки на груди, чувствуя себя уязвимой в хлопковой майке и боксерках, которые он придумал, чтобы она носила, из воспоминаний в ее голове. Грета отвернулась к окну и отодвинула занавеску, чтобы посмотреть на темный бульвар. Она ждала, что он начнет задавать вопросы. Как работают светильники на столбах снаружи? Как черный ящик возле кровати мог хранить время?

Но в этот раз он ничего не сказал, и она почувствовала сильное разочарование.

Уровень детализации при создании сна был таким же, как и в прошлый раз, когда он вызвал в ее памяти среднюю школу, что на самом деле было удивительно. Тихий район ровно освещался высокими уличными фонарями. У старой ярко-синей Honda, расположившейся на дорожке возле дома ее родителей, была сбоку вмятина, после столкновения с ее велосипедом, когда ей было девять лет, а баскетбольная корзина у соседа через улицу выглядела так, словно вот-вот упадет со своего места над гаражом.

Он подошел к ней и выглянул наружу. Ее тело почти замурлыкало в ответ на его близость, а когда его рука коснулась его, по ее телу пробежали мурашки.

— Где же леса? Озера? — он посмотрел на длинный ряд городских домов, похожих друг

на друга. — Все выглядит таким твердым и серым. Как вы выдерживали быть так далеко от Великой Матери? Судя по увиденному, этот мир близок к смерти.

— Это... это... Я имею в виду... — она покачала головой. Он почти заставил ее думать, что это реальность. — Все было не так. Этот город просто... город. Такой же скучный и серый, как Рауа. В парках много зелени. — Но, кто знает. Возможно дома, который Айзек вытянул из ее головы, уже и нет на том месте. Может там был построен торговый центр или магистраль, как предположил Вайат. А может, ее семья переехала.

— Почему ты хочешь вернуться сюда, Грета? Что здесь ждет тебя? — он взял ее за руку. Она удивленно посмотрела на него, но не отстранилась. — Почему ты не можешь забыть это?

— Кто говорит, что я не отпустила это? — защищаясь сказала она. — Пока ты не начал подрабатывать по вечерам в моих снах, я годами не вспоминала это место.

По его выражению лица она поняла, что он не поверил ей.

Да и она себе не верила.

Внезапно всего этого стало слишком много. Воспоминаний, дома, его посреди всего этого. Утешительная обстановка в доме ее детства была ловушкой. Он сверкал вокруг нее, как блестящий мыльный пузырь, который мог в любой момент лопнуть.

— Я хочу убраться отсюда, — потребовала она, схватив себя за горло. Сердце у нее колотилось и ее бил озноб. — Уходи, Айзек. Выпусти меня сейчас же!

— Все в порядке, — произнес он, тоном с мягким оттенком уверенности, соответственно словам. Она закрыла глаза и судорожно сглотнула.

— Ты можешь снова открыть глаза.

Когда она это сделала, то с облегчением увидела, что спальня исчезла, словно смытый слой краски с холста. Теперь они стояли снаружи под пологом вечнозеленых растений, покрытых снегом. Это все еще был ее сон, хотя бы потому, что она все еще была в человеческой одежде.

— Что мы здесь делаем? Это не то, чего я хотела, — запротестовала она.

— Тогда чего ты хочешь? Чего ты действительно хочешь? Скажи мне, — настаивал он. — Позволь мне исполнить твое желание.

Нет. Нет. Нет.

Чего он от нее хотел? Если бы она попросила пару приличных сапог, избавило бы это ее от него, или еще теснее привязало бы его к ней?

— Я ничего не хочу. Просто оставь меня в покое.

— Мне кажется, если бы ты действительно хотела избавиться от меня, то боролась бы сильнее.

— Поверь мне, я пытаюсь, — упорствовала она. Но сейчас она была не уверена. Ее уверенность казалась шаткой.

— Ты хочешь, чтобы я тебя отпустил? — спросил он низким глубоким голосом. — Ты и так — самая свободная душа на Милене. У тебя нет никаких эмоциональных связей. Ты не связана с землей или ее людьми, и ты не подчиняешься лунам и их притяжению.

Это из-за ревности его тон стал таким резким?

— Ты заставляешь это звучать так, словно у меня есть все, хотя на самом деле ничего у меня нет.

— Если бы между нами было доверие... — он остановился и сделал глубокий вдох. — У тебя был бы я.

У нее перехватило дыхание. У тебя был бы я. Каждая мышца ее тела дрожала. Надежда. Ожидание. Страх. Эти пять слов вызвали волну противоречивых эмоций, с которыми она просто не могла сейчас справиться. Она потратила так много времени, изолируя себя от других, защищаясь... она не была готова ни к чему другому.

Трусиха. Вот кто она была. Слишком большая трусиха, чтобы открыться и рискнуть.

— Д-доверие? — ее пальцы дрожали на горле. Она говорила, что была умной. Был сложно понять, что задумал Айзек. Так трудно понимать, когда он был искренним, а когда действовал в собственных интересах. Когда он манипулировал ею, а когда на самом деле позволял видеть настоящие эмоции.

В действительности, она больше не доверяла себе или своим инстинктам. Грета совершила уже столько ошибок.

Если бы она не позволила Айзеку залезть себе в голову, никто бы не узнал ее секрет, и Люк был бы жив.

Если бы она не бросила Сиону в таверне, красавица-гоблин не была бы ранена.

Если бы она думала о ком-то, кроме себя... о, тогда... она могла бы помочь мальчикам раньше, а не сейчас, когда, вероятно, уже слишком поздно спасать их.

— Ты считаешь, я смогу доверять тебе, когда ты продолжаешь рыться в моей голове? Когда ты мучишь меня воспоминаниями о жизни, к которой я никогда не вернусь? — она подняла подбородок. — Ты только доказываешь, что я права все это время, не доверяя тебе.

Гоблин нахмурился. Было очевидно, что он видел, чем на самом деле было ее уклонение.

— После того, как я все тебе рассказал, ты должна понимать, что я не пытаюсь причинить тебе зло, — снова настойчиво повторил он, не собираясь прекращать это.

Она отказывалась встречаться с ним взглядом, вместо этого предпочитая смотреть на линию его ключицы, широкие плечи и вдоль его рельефного тела. Она задержала дыхание, чтобы удержаться от стога. Почему, в дополнение ко всему, он должен быть практически голым?

— Я просто хочу показать тебе твоё прошлое, чтобы ты смогла, наконец, оставить его позади и принять будущее, принять жизнь, которую тебе дали, принять мир, в котором ты сейчас находишься.

Он действительно заставил свои слова звучать заманчиво, но Грета не принадлежала Милене. Также как она не принадлежала той комнате маленькой девочки или своей старой школе. Она не принадлежала ни одному месту. Тем более с ним.

У тебя был бы я.

Как бы она хотела, чтобы это было правдой...

Она покачала головой. Конечно, Айзек вызывал в ней какие-то чувства. Но это была не «принадлежность». Если угодно, это было любопытство, трепет вызова. Да, это был он. Не более. За исключением, быть может, гораздо большего разочарования и раздражения.

И страх. Теперь она испытывала еще и страх. Не только за себя, но и за Вайата с мальчиками.

Она задавила все. Запихала чувства поглубже и молилась, чтобы он, черт побери, не смог прочесть то, что она сознательно скрывала от него. Она не знала, что сделал бы Айзек, узнай он о Вайате. Хотя, возможно, он попытался бы ей помочь, ведь он уже признался, что не отслеживает других людей, а она не знала, насколько близок он был к ее обнаружению.

Где он? В то время, как его разум переплелся с ее, мог ли он быть у самого их порога? Должен ли он спать, чтобы вот так встречаться с ней, или он может мучить ее и в то же время выслеживать ее?

— Знаешь ли ты о людях, которых держит в плену Аграмон — рабов, которые до смерти работают в его крепости?

Он выругался.

— Ты? Ты знал?

Его брови сошлись вместе. Он покачал головой, но она не верила ему.

— Я ничего не знал, пока Сиона не рассказала мне только сегодня. Она выпытала информацию у двух гномов, которые были задержаны в лесу гоблинов.

Где в лесу? Она не спросила, боясь, что он просто солжет ей.

— Грета, ты должна сказать мне, где ты.

— Где ты? — бросила она ему в ответ. — Прямо в данный момент, где ты?

— Мое физическое тело спит, как и ты спишь.

Она спрашивала не об этом.

— Где?

Он помолчал, и Грета поняла. Может и не точное его местоположение, но она поняла, что он приближается к ней.

— Не сомневайся, я найду тебя, — его искажившееся лицо выдало жесткую решимость. Почти незаметные морщинки собрались вокруг его глаз, исследуя ее, ища информацию, которая могла ее выдать.

— Зачем ты это делаешь?

Его сосредоточенный взгляд был похож на стремительный прилив, нахлынувший на ее чувства.

— Неважно кто ты или откуда ты, мы одинаковые. Нам суждено быть вместе, — он произнес это с такой уверенностью и категоричностью. — Это было написано в звездах и в нашей крови.

Она отпрянула и зажмурила глаза, не игнорируя ответный вздох своей души.

— Скажи мне что-то реальное, — прошептала она. — Что-то, что не является смесью безумного, поэтического дерьма.

— Тогда что насчет того, что ты бросаешь мне вызов? — сказал он. — Ты провоцируешь меня, волнуешь. Заставляешь меня думать о том, о чем я не должен думать, испытывать желания, которые я считал, будут невозможными, когда я стану королем.

Она взглянула на него. Ноющая боль поднималась и вилась в ее животе.

— И как оно — хорошо?

— Я не знаю, — признался он с печальной улыбкой. — Но ты тоже это чувствуешь. Ты знаешь, что между нами есть нечто бесспорное и мощное.

— Так ты говоришь, что хочешь быть друзьями? — спросила она, уже зная ответ. Айзек никогда не будет ей другом. Они оба легко могли сцепиться в вечной схватке ногтями и зубами. Они могли, в конечном счете, найти повод для смеха, и может быть, достигли бы определенного уровня доверия и понимания. Но это не делает их друзьями. В одном он прав: то, что происходило между ними, было слишком сильным, слишком изменчивым даже для таких простых отношений, как дружба.

Он преодолел расстояние между ними, пока она не подняла взгляд, чтобы сохранить зрительный контакт.

— Нет, — он одарил ее улыбкой, перед которой она не могла устоять. Она заставляла ее плавиться. — Дружба — не совсем то, что я имел в виду.

— Ага, — пробормотала она. — В основном, как я и думала.

Ее дыхание участилось, когда он потянулся к ней, сжимая в кулак ее волосы на затылке. Ее руки распластались на его груди прежде, чем она поняла, что прикоснулась к нему. Это было похоже на прикосновение к оголенному проводу, и она не хотела отпускать его.

Между ними оставалось еще слишком много не решенного. Слишком мало доверия, слишком мало уверенности. Но сейчас это не имело никакого значения, потому что он наклонил голову. Всего лишь в нескольких дюймах она чувствовала его дыхание на своей щеке. Сердце стучало у нее в ушах, а на языке появился острый привкус ожидания.

Она знала, что это произойдет. Ее рот приоткрылся на вдох, когда его губы, наконец, прижались к ее. Легче и мягче, чем она ожидала, учитывая напряженность в его глазах. Он колебался, словно опасался, что она двинет его коленом в пах или укусит.

Ее тело, напротив, прижалось теснее. Она слегка наклонила голову, и он воспринял это, как разрешение, глубже сливаясь с ней. Его рука обвилась вокруг ее талии, притягивая ближе. Она застонала, когда их тела соприкоснулись, все жесткие углы встречали мягкие изгибы, когда его губы скользили по ее.

Так ли она чувствовала бы это, если бы бодрствовала?

Беспокойство вклинилось между ними от этой мысли. Она оттолкнула его.

— Грета, — пробормотал он, оставляя легкие укусы губами на ее подбородке.

Она покачала головой и отступила на шаг, делая несколько глубоких вдохов, пока раздумывала, как бы им обоим вернуться на менее взрывоопасную территорию. У него дыхание тоже было прерывистым, а руки дрожали, пока он не засунул их в карманы.

— Ты не потеряешь контроль и снова начнешь отворачиваться, не так ли?

Его губы изогнулись, острые края зубов сверкнули между ними.

— Это напугало тебя?

Она сделала вид, что пристально смотрит на него, пока пыталась восстановить контроль.

— Так как ты здесь не по-настоящему, я не собираюсь переживать из-за этого.

А поскольку это не происходило на самом деле, то, вероятно, не имело значения, что его физическое «я» было на грани превращения Лунами в дикое существо, которое могло разорвать ее на части без малейших усилий.

Она не хотела смотреть ему в глаза. Вместо этого она сосредоточилась на его квадратном подбородке и сильных мускулах, подчеркивающих его подбородок. Глубокие вдохи насыщали все его тело. Она провела взглядом по его плечам, рукам и ниже, сравнивая Айзека перед собой с гоблином, которого знала в реальном мире.

— Это совершенно не похоже на сон, — размышляла она. — Ты выглядишь таким реальным. Маленький шрам над глазом. Невыносимая привычка наклонять голову, когда ты смотришь на меня. Этот поцелуй... — она осознала, что прикасается пальцами к губам и быстро опустила руку.

— Что такое реальность, в конце концов, как не создание связей, штамповка шаблонов? Где написано, что это единственный способ сделать вещи реальными?

Штамповка шаблонов? Она не могла быть формой для шаблона. Реальные вещи или нет. Теперь у нее были Вайат и другие, чтобы понимать различие. И она хотела убить Аграмона. Она хотела домой.

Он отвлек ее от этих целей, но она снова должна собраться. Впервые с тех пор, как Грета попала на Милену, возможность убраться отсюда стала казаться реальной. Разве она осмелится свернуть с этого пути, в то время как все четыре года стремилась к этому? Разве сможет, когда мальчики так надеются на ее помощь?

Качая головой, она закрыла лицо ладонями и отвернулась, пытаясь хоть немного взять себя в руки.

Когда она повернулась обратно, Айзек исчез.

— Какого...?

«Разве можно отрицать, что то, что происходит между нами, также реально, как звезды, сияющие над спящим твоим телом и падающий вокруг снег?»

И снова его голос был лишь шепотом, вплетенным в ткань ее сна.

«Ты можешь отрицать, что будешь помнить мое прикосновения, даже после того, как проснешься? Еще долго после того, как сон потускнеет?»

Она дрожала, скрестив руки на груди и закрыв глаза.

— Это не одно и то же.

Конструкция сна разваливалась вокруг нее. Как только Айзек ушел, все вокруг стало не таким реальным. Она просыпалась.

«Ты скажешь мне, где прячешься? Позволишь мне защитить тебя?»

— Нет, — как бы сильно она не хотела верить, что он не навредит ей, она не могла доверить ему жизни Вайата и мальчиков, как не могла верить, что он позволит ей охотиться на Аграмона и без помех найти Ламию.

«Грета, пожалуйста. Чем больше времени уходит на твои поиски, тем большей опасности ты подвергаешься. Зов лун все сильнее.»

— Тем больше причин для тебя держаться от меня подальше, — у нее кружилась голова, словно ее разум решил, что пришло время проснуться, но Айзей все еще пытался задержать ее во сне.

«У тебя будет больше поводов для волнения, если я не смогу увезти тебя в безопасное место до того, как луны повернут всю Милену против тебя.»

Она могла себе только представить его понимание о безопасном месте. Конечно, это место должно быть достаточно безопасным, чтобы ни одно живое существо не могло войти внутрь, что означало, что и выхода тоже не будет. А что будет с ней после того, как она снова окажется в его власти? Он был королем, да, но он был молодым королем, народ которого хотел видеть ее мертвой или в цепях. Как он мог устоять против них?

У нее по спине пробежал холодок.

— Вся Милена и так уже против меня. Я не позволю запереть меня, Айзек. И не важно по какой причине. Я сама о себе позабочусь.

«Упрямый человек. Я найду тебя.»

— Высокомерный гоблин. Попробуй.

«Тогда найди безопасное место. Потому что я буду не единственным, кто придет за тобой.»

Она проснулась, чувствуя себя на удивление отдохнувшей, несмотря на нахлынувшее раздражение, когда последние предупреждения Айзека всплыли в памяти. Она почти ожидала, оказаться лежащей в постели своего детства, но, конечно же, все это не было реальным.

Или было?

Она открыла глаза и моргнула, когда потолок палатки стал четким. Граница между сном и явью была слишком тонкой, размытой, пока она не могла быть в чем-то уверена.

Считается ли поцелуй, если тело не участвовало, даже если губы помнят изгиб его губ, его вкус? Грета не знала и не хотела думать об этом. Она позволила этому случиться. Она согласилась, чтобы это произошло, но это не должно повторяться. Вот так вот.

К счастью, хруст снега снаружи палатки отвлек ее мысли от губ Айзека, а спустя мгновение, кто-то постучал по каркасу палатки.

— Я иду, — откликнулась она, чувствуя вину. Она должна была встать гораздо раньше. Если бы больше нечего было делать, она могла бы проверить свои ловушки на предмет чего-нибудь интересного на завтрак.

Когда она вынырнула, перекинув через руку куртку и пристегнув меч на поясе, ее ждал Слоан. Он смотрел на ее оружие большими голубыми глазами.

— Доброе утро, — поздоровалась она.

— Гм, привет, — пробормотал он, скидывая голову. — Хочешь чаю? Вайат делает его из листьев и древесной коры, — его губы скривились, не оставляя сомнений в том, что он думал об этой смеси. — На вкус как дерьмо, но теплое.

У Греты перехватило дыхание от этого описания.

— Спасибо. Я попробую его после проверки ловушек, которые поставила прошлой ночью.

— Ловушек? — он выглядел так, словно хотел что-то спросить, но после секундного колебания просто кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— Эй. Может ты хотел бы пойти со мной? — приглашение прозвучало неестественно и слишком формально, что заставило ее содрогнуться. У него, наверное, были обязанности в лагере. Может он просто не хотел долго быть рядом с ней...

Его выражение лица изменилось от осторожного до взволнованного за одно сердцебиение. Он прямо руки потер — хотя это могло быть от холода, который утром был особенно силен.

— Могу я показать тебе, как делаю ловушки, и, может, ты поможешь мне выяснить, почему я никогда ничего не могу поймать?

Она выдохнула и улыбнулась.

— Да, конечно.

Он с улыбкой убежал за своим снаряжением.

— Не уходи без меня, — предупредил он.

Она надела пальто и покорно ждала, помахав Вайату, когда увидела его стоящим возле дымящейся ямы с костром. Он наклонился и что-то взял, прежде чем направиться к ней.

— Доброе утро, — сказал он, протягивая ей дымящуюся чашку.

— Это твой чай? — спросила она, поднося его к лицу и глубоко вдыхая. — Слоан

говорит, что он действительно хорош.

— Ты ужасная лгунья, — сказал он со смехом. — Но это тебя не убьет, а после прошедшей ночи, это поможет.

— Поможет в чем?

— Ты не замерзла? Даже под мехом, который я дал тебе, довольно холодно.

— О, — она покраснела и опустила голову. — Ну, я довольно крепко сплю. И, ах, я привыкла к холоду, — она не могла признаться, что свались на нее прошлой ночью снежная буря, она, вероятно, не заметила бы этого.

Девушка сделала глоток и помолчала, раздумывая, что можно сказать о чашке талого снега, листьев и коры. Она решила воспользоваться наименее резким высказыванием Слоана.

— Он... теплый.

— Так плохо?

Она рассмеялась, глядя на него поверх края помятой металлической чашки.

— Ты выглядишь раздраженным.

— Так и есть. Неважно, что я положил туда, на вкус он как...

— Дерьмо?

Он сердито посмотрел на нее, но в глазах плясали искорки.

— Не помогает.

— Прости, — она решила снова рискнуть и сделала еще один глоток. Возможно, если бы Грета задержала дыхание, все было бы не так плохо. Но после нескольких секунд полоскания во рту, она так и не смогла проглотить. Он действительно был ужасен.

— Гм, ты пробовал ягоды лин? Ты мог бы добавить их в листья и кору для аромата, — сказала она, думая о чае Маидры. — Я собираюсь пойти проверить ловушки, которые мы поставили прошлой ночью, так что, если хочешь, я могу поискать немного.

— Да, спасибо.

Она вернула ему кружку, когда Слоан подошел и встал рядом с ними.

— Я пойду с Гретой, чтобы проверить силки, — он начал уверенно, но когда посмотрел на Вайата, то сделал паузу. — Хорошо?

Испытывая чувство вины, она поспешила извиниться:

— Я надеюсь, ничего страшного, если я возьму его с собой. Я должна была сперва спросить тебя.

— Нет, все хорошо, — Вайат повернулся к ней и вместо раздражения, которое она ожидала увидеть, на его лице было что-то вроде облегчения. — Если ты сможешь научить его чему-нибудь, что поможет ему остаться в живых...

Ее рука легла на рукоять меча, плотно обхватив пальцами. Она откашлялась и кивнула, когда на нее лег груз ответственности. Не это ли чувствовали Айзек и Вайат ежедневно?

Она снова откашлялась.

— Я не знаю, о чем ты, но, по крайней мере, я могу научить его ставить ловушки.

— Право, — прервал Слоан с драматическим вздохом. — Так разве мы не должны посмотреть эти проклятые ловушки до наступления лунного цикла?

Сдерживая смех, она кивнула и обошла Вайата.

— Грета? — окликнул он.

Она остановилась и посмотрела через плечо. Беспокойство светилось на его лице.

— Все хорошо. У меня есть это, — заверила его она, надеясь, что это было правдой.

Они шли той же дорогой, что и прошлой ночью с Вайатом, но Грета была рада, что было достаточно утреннего света, чтобы осмотреться.

— О, посмотри. Это кустарник Тилла, — сказала она Слоану.

— Что это?

Грета наклонилась и отщипнула несколько плотных иголочек с тонких темных веточек. Она протянула их ему, чтобы он почувствовал запах.

— Это трава. На вкус очень похожа на шалфей... как мне кажется, — девушка честно не могла вспомнить запах шалфея или каким был на вкус, но она знала, что миленская версия была безопасной и съедобной. Люк учил ее этому, и они часто использовали его в качестве приправы в пищу.

— Круго, — Слоан сорвал несколько иголок и наполнил ими маленький мешочек. — Вайат не разрешает нам брать что-либо, в чем он не уверен.

— Хорошее правило, — она содрогнулась при мысли, что кто-то съест не то растение. — Гм, тогда держись подальше от этого. Хорошо?

Он проследил за ее пальцем, указывающим на колючку с листьями с красными кончиками.

— Ядовитое?

— Крайне.

— Я запомню это, — она видела, как он впитывает информацию. Все время Слоан схватывал все слова на лету, словно никак не мог насытиться. Ей было стыдно, учитывая то, сколько она ворчала на уроках ботаники Люка. Грета предпочитала тренировки с оружием. Но, как и во всем, чему он учил ее, в этих уроках был смысл. Возможно, он знал, что придет время, когда его не будет рядом, и Грете придется самой противостоять враждебной среде.

Они со Слоаном продолжали идти. Время от времени, она показывала ему еще кое-что съедобное. Они даже нашли три крошечных клубня, что было почти чудом, поскольку в вечно промерзлой земле ничего не росло в изобилии и не выросло большим, а то, что выросло в дикой природе, обычно собирали животные задолго до того, как кто-то мог это обнаружить.

Первая ловушка, которую они обнаружили, была пустой, но она сработала, и Грета показала Слоану, как поставить ее в двух-трех дюймах над землей в узких защищенных местах леса. Она научила его легкому скользящему узлу и показала, как правильно удерживать петлю несколькими тонкими ветками, воткнутыми в землю.

После этого парень самостоятельно установил ловушку. Она улыбнулась, когда он посмотрел на неё, ища одобрения.

— Отлично.

Но ни один из них не улыбался, когда позже они снова вошли в лагерь, несмотря на то, что они несли двух зайцев для готовки.

У них была бы и третья тушка для приготовления, но животное, пойманное в последнюю ловушку, совсем не выглядело съедобным. Уже поддавшийся близкому затмению, похожий раньше на белку зверек затвердел в высохшей смеси крови и грязи. мех

у него был тусклый и неоднородный, мертвые глаза широко расставлены, а рот застыл в безмолвном пилообразном оскале — такими зубами обычное существо не обладало.

Осталось не так много времени, как она считала. Притяжение затмения становилось сильнее. Сколько обычно разумных существ Милены уже превратились и бродили вокруг дикие, голодные и отчаявшиеся? Насколько больше их будет, когда наступит ночь? А завтра?

Грета показала и рассказала Вайату, что они обнаружили, а Слоан передал их добычу Найлу и Картеру. Нетрудно было заметить, что каждый человек знал свои обязанности в группе и выполнял работу без каких-либо жалоб. Найл и Картер, видимо, отвечали за питание, Джек и Чарли собирали дрова. Лео приносил воду, убирал мусор и не давал маленькому Джейкобу попасть в неприятности.

Её отвели к месту у костра, а мальчики занялись своей домашней работой, как хорошо слаженный часовой механизм. Ее предложение помочь было отвергнуто, поэтому она просто наблюдала. Найл, которому было тринадцать, и Картер двенадцати лет спорили по поводу того, что делать с утренней добычей.

— Ты всегда хочешь готовить рагу. Но, забудь об этом, — волосы Картера упали ниже подбородка, когда он скривился Найлу. Вчера она не заметила, какой светлой была у него шевелюра, потому что на нем был капюшон, который скрывал это, но сегодня в ярком солнечном свете, он напомнил ей Дрю. Волосы ее брата были такими же светлыми, как у него.

— Я сыт этим по горло, — сказал он. — В твоём рагу только кипяченая вода и грязь — и такой же вкус.

— Консервация мяса займет слишком много времени, — Нейл от негодования повысил голос. Он был полной противоположностью Картера — темнокожий с темными волосами. И было похоже, что кто-то пытался стричь его тупым лезвием ножа. Его волосы торчали вокруг его головы короткими неровными пучками.

— И как, по-твоему, я могу сделать вкус лучше, если внутрь нечего положить, кроме воды и грязи?

— Ты не можешь хотя бы попытаться...

— Успокойтесь, болваны, — вмешался Слоан. Он шагнул между ними, мотая небольшим мешочком с иглами и травами, которые они собрали в лесу. — Попробуйте что-нибудь из этого. Грета говорит, что это съедобно и сможет придать еде вкус... может быть, как у настоящей еды.

Нэйл оказался проворнее Картера, выхватывая мешочек из рук Слоана и с триумфом глядя на второго мальчишку. Картер толкнул его в плечо, но потом они встали друг рядом с другом, каждый пытался заглянуть в мешочек.

Картер поднял на нее взгляд, и выражение удивления на его лице заставило Грету покраснеть.

— О, как хорошо пахнет. Если бы у нас было немного картофеля, мы могли бы сделать настоящее тушеное мясо!

— Тебе стоило увидеть этого ребенка, когда он только попал на Милену. Вылитая маленькая обезьянка. Думаю, он скучает по маминой готовке больше, чем по самой маме.

Грета вздрогнула от жесткой бесчувственности Слоана. Он рассмеялся, но потом обнял мальчика за плечи и потрепал по волосам, как ребенок, мучающий раздражающего его младшего брата.

Грета вспомнила о клубнях и встала так, чтобы было удобнее их достать. Она передала

овощи Картеру.

— Вот, это должно помочь.

И Картер и Нэйл начали тархтеть со скоростью пулемета и, в конце концов, сама не зная каким образом, Грета пообещала взять их с собой в следующий раз, когда пойдет в лес.

После краткого завтрака с зайцами, приятно кипящими в котле на слабом огне костра, Рэй, не теряя времени, собрал всех, чтобы рассказать о своем плане проникнуть в крепость Аграмона и спасти остальных. Грета тихо устроилась позади маленькой группы, прислонившись к толстому стволу дерева.

— Никто не останется позади, — сказал он. — Но всем придется действительно тяжело трудиться, чтобы у нас была хотя бы надежда на выполнение этого плана, — его глаза выражали холодную решимость. — Грета подумала, что он мог быть воплощением безжалостного военачальника, если бы его рука не сжимала крошечную ладошку Джека.

Джек и Чарли испуганно перешептывались, и она не могла их винить за это. Им было всего по девять лет, а от них требовали принятия решения о жизни и смерти.

Вайат выступил вперед, и шепот полностью прекратился. Пока все ждали, что он скажет, воцарилась абсолютная тишина.

Их уважение к нему было очевидным. В то время, как Рэй был старшим братом, Вайат — всего на два года старше — стал воплощением отца, которого им так не хватало. Они поклонялись ему. За его силу. За его мудрое руководство. За то, что сохраняет им жизни и дает надежду. За ним было последнее слово в любом плане вытащить их из удобного жилья, которое они с таким трудом построили. Грета не завидовала ему из-за такой ответственности.

— Послушайте, — начал он, встречая каждый их широко открытый взгляд со спокойной уверенностью, — я знаю, Рэй хочет сделать это, и я не говорю, что мне нравится идея оставить кого-нибудь страдать в тех подземельях, но это может быть очень опасно.

Никто не мог с этим спорить.

— Правда в том, что каждое наше решение может быть опасным, но это... — он замолчал. — В принципе, есть два варианта. Каждый из них подразумевает как можно скорее покинуть Блиндаж. Здесь будет небезопасно, как только затмение вступит в полную силу.

Найл прервал его:

— Как мы узнаем, что затмение действительно произойдет, и как мы поймем, что все попали под действие лун? Слоан здесь три года, и он никогда прежде не слышал об этом.

— Это потому, что я был заперт в темнице, тупица, — бросил тот. — Я не знал, что сумасшедшее дерьмо, происходящее вокруг меня, имеет какое-то отношение к лунам. Но, на самом деле, я помню, что было время, когда все стали жуткими, — он нахмурился и покачал головой. — Намного хуже. Те, кто не был заперт за решеткой, умерли.

— Грета говорит, что оно приближается, — продолжил Вайат. — Она пережила два затмения, и я верю ей, когда она говорит, что это проходит ужасно, — он помолчал, чтобы посмотреть, не хочет ли кто-нибудь еще высказаться. — Поэтому, либо мы пытаемся найти другое место, что-нибудь более безопасное, чтобы отсидеться, пока оно не закончится. Либо...

Она знала, что он не хотел этого говорить. Он не хотел заставлять их выбирать. Не тогда, когда выбор был между их собственными жизнями и жизнями таких же, как они, которые останутся во власти фаворитов Аграмона в то время, как мир опустится в хаос.

У Рэя не было такого конфликта совести. Кажется, для него не было проблемы в том, чтобы вынуждать их взять на себя ответственности за эти жизни.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Или что? — рывкнул он. — Как мы можем скрываться в кустах, когда в тех темных пещерах умирают дети, пока мы говорим? Когда придет затмение, им будет только хуже. Что, если бы там были мы? Как мы можем сидеть сложа руки и думать только о себе, когда есть шанс спасти других и, наконец, вернуться домой?

Слоан встал и посмотрел на Рэя.

— И как мы должны это сделать, черт возьми? — сказал он. — Ты просишь, чтобы группа детей встала против легиона гномов, огров и худших демонов этой стороны ада, вооруженный чем? Палками и камнями? И когда это кто-нибудь из нас хоть раз наткнулся на портал домой? На самом деле, если вы собираетесь домой, что было бы просто волшебным вариантом, то кто-то забыл нам всем об этом рассказать.

Ей понравился выбор слов. Возможно, если бы она использовала именно их прошлой ночью, Рэй послушал бы, когда она сказала, что он не своем уме.

Еще несколько мальчишек кивнули в знак согласия и впились взглядами в Рэя.

— Послушайте меня, — повторил он. — Мы можем не знать, где портал, но все же мы знаем, что то существо, которое притащило нас сюда, было не единственным в своем роде. Все, что мы должны сделать, это найти другую Ламию. У нас есть основания предполагать, что они где-то в горах. Но, — продолжал он, поднимая голос над шелестевшими претензиями и возражениями, — Вайат прав. С наступлением затмения нам придется уйти отсюда. Как только мы освободим других, мы отправимся в горы и пересидим шторм, — его голос стал умоляющим. — Мы должны, по крайней мере, попробовать. Пришло время взять судьбу в свои руки, вам не кажется?

Словно ловкий политик, он представил это так просто, будто они собирались прогуляться по парку в немного дождливый день. Они могли немного промокнуть, но хороший зонтик сделает все как нельзя лучше.

Она поняла. Отчаяние Рэя воевало с его чувством ответственности. Дело не в том, что он не видел рисков. Когда она заметила, как Рэй бросил взгляд на маленького Джейкоба, Грета поняла, что он прекрасно их видит, но его гнев был, очевидно, сильнее страха или чувства вины.

Вайат отступил, чтобы успокоить их. Наступило долгое молчание, пока они все переваривали вопрос Рэя. Наконец, Картер посмотрел на Вайата большими глазами, в которых светилось столько надежды.

— Действительно, есть шанс, что мы все можем вернуться домой?

Ее сердце дрогнуло. Она скорее почувствовала, чем увидела колебание Вайата, и задалась вопросом, ответит ли он им прямо или воспользуется своей ролью защитника, чтобы повлиять на их решение. Он на долю секунды поднял взгляд над их головами на нее, но она никак не могла ему в этом помочь. Она подняла плечи и сжала губы. Он снова опустил взгляд, встретив выжидающий серьезный взгляд Картера.

— Если мы попробуем осуществить это сейчас, это будет очень опасно. Это заставит нас работать всех вместе и даже в этом случае, у нас может не получиться. Не у всех, — его взгляд остановился на каждом из мальчиков по очереди. — Поэтому скажите мне, что вы не хотите делать это сейчас, и мы просто упакуем все, что нам необходимо, и найдем безопасное место, чтобы переждать затмение. Я не позволю ничему с вами случиться,

ребята, и обещаю, что мы по-прежнему планируем освободить других и найти дорогу домой, как только снова станет безопасно — по крайней мере, безопаснее.

Рэй открыл было рот, чтобы возразить, но Вайат схватил его за руку. Они тихо спорили в течение долгого времени, но Рэй, наконец, кивнул. Не допускалось никакого давления на чувство вины.

Чарли ответил первым.

— Я думаю, мы должны дать ему шанс. Это затмение поразит всех на Милене, верно? Слоан считает, что оно затронет и охрану в крепости Аграмона, правильно? Потому что мы не можем бросить остальных там. Кто знает, сколько умрет?

Джек, Картер и, в конце концов, Найл тоже согласились.

Рэй обратился к Слоану, но мальчик повернулся и посмотрел на нее:

— Ты собираешься остаться и помочь нам?

Вайат прочистил горло.

— Слоан...

— Нет. Если мы действительно обдумываем это, нам понадобится любая помощь, которую мы можем получить, не так ли?

И Вайат, и Рэй ловко обходили роль, которую она могла сыграть в обсуждении вплоть до этого момента, но сейчас все остальные мальчики тоже повернулись к ней.

Люк посоветовал бы ей не принимать решение, основанное на эмоциях. Ее сердце колотилось. Она хотела сказать «нет». Как она могла посмотреть им в лицо и согласиться повести их на смерть.

Как могла она отпустить их одних?

Она застонала и выругалась. Еще вчера, даже несколько часов назад, она бы смогла. Но сейчас...

— Я сделаю все, что смогу.

Слоан кивнул.

— Тогда, я полагаю, что нам лучше осуществить некоторые планы.

После того, как они обсудили план действий на день, Слоан подошел и сел рядом с ней. Грета все еще дрожала внутри, задаваясь вопросом, как она могла позволить втянуть себя в этот хаос. Он молчал несколько долгих минут, но, наконец, выпалил:

— Итак, я предполагаю, ты знаешь, как использовать эту вещь?

Она проследила за его взглядом и улыбнулась. Несколько минут он смотрел на ее меч, и у нее появились догадки, к чему он ведет.

— Мне повезло. По какой-то причине, эльф, который нашел меня, когда я попала сюда, решил сохранить мне жизнь и обучить меня, — она рассмеялась, но память о Люке все еще причиняла много боли. — Боже, как я его ненавидела сначала. Он постоянно тренировал меня. Самооборона, владение оружием и куча информации о Милене. Я не думаю, что полноценно спала ночами в первые два года.

— Почему же?

— Он мог напасть на меня, когда спала. Я никогда не знала, когда это произойдет.

Иногда этого не случалось целую неделю, а потом он мог поднимать меня три ночи подряд, поэтому я всегда была начеку, — она пожала плечами. — Но, думаю, в этом и был смысл.

— Сколько Потерянных ты устранила?

Она заколебалась.

— Достаточно, чтобы понять, что с ними не хочется сталкиваться, если в этом нет необходимости.

— Думаешь, у нас есть такая необходимость?

На ум пришло воспоминание о чудовищно обезображенной белке, и она осознала, что это не было даже вершиной айсберга того, что должно было произойти. Это была лишь снежинка на вершине айсберга.

— Да, думаю, да.

После этого Вайат собрал всех вместе и предоставил ей слово. Остаток дня она провела, пробудив своего внутреннего Луциуса и тренируя каждого из них также жестко и беспощадно, как делал он.

К ее удивлению мальчики уже вполне профессионально натягивали свои самодельные луки. Они научились использовать более гибкие и эластичные ветви дерева, подобного тису, и разбивали тонкий сланец, лежащий повсюду, на части, которые можно было привязать наконечниками к тонким веткам. А еще они собирали перья с каждой птицы, которую им удавалось поймать, чтобы прикрепить их на концах стрел.

Картер был их лучшим стрелком. Он попал в десятку — кусок ткани прикрепленный к стволу дерева на расстоянии примерно в шестьдесят футов — девять раз из десяти, но затем начал промазывать.

— Что происходит? — спросила она, после того, как он промазал три раза подряд, останавливаясь на безопасном от него расстоянии, пока он психовал и ругался.

Он переступил с ноги на ногу, держа лук и стрелу в одной руке, пока встряхивал вторую.

— Ничего.

Она сразу же поняла в чем проблема.

— Тебе нужно что-то для защиты твоего пальца и руки от порезов струной. При натяжении она становится острой, и это причиняет боль.

— Я не ребенок, — защищаясь, огрызнулся он. — Я могу с этим справиться.

— Дело не в том, насколько ты крут, — быстро сказала она. — Ты лучший стрелок в группе, поэтому мы собираемся обеспечить тебя всем необходимым для того, чтобы быть уверенным, что ты попадешь в цель именно тогда, когда это будет нужно.

Он покраснел и обратился к Рэю, который, как оказалось, отвечал за сбор палаток и целостность их вещей.

— Уверен, я смогу сделать это для тебя сегодня вечером, — Рэй усмехнулся. — Эй, может это значит, что сегодня ты сможешь поймать для нас еще больше этих скверных сволочей, похожих на голубей-переростков. Теперь, когда мы знаем съедобные травы, они могут оказаться получше на вкус.

Взгляд, который он бросил на нее, все еще пылал, но, возможно, уже не так. Грета решила, что пришло время заставить его работать.

— Ты готов?

— Ну же, охотник, — его улыбка была слишком уверенной.

Поэтому она использовала его в качестве груши для бокса в течение следующих нескольких часов, чтобы показать свои методы борьбы другим. Его угрюмый взгляд исчез в

мановение ока, когда он провел большую часть дня на спине, с выбитым из груди воздухом.

На самом деле, было весело провести с кем-нибудь спарринг. Грета усмехнулась, когда они кружили друг напротив друга. Она легко подпрыгнула, кровь все быстрее и быстрее двигалась по ее венам.

Это было хорошо и для нее. Чувства обострились. Да и с Рэем было не так уж и легко. Он просто так не сдавался. Он стремился научиться и все схватывал на лету, а, когда она переключилась на остальных, помогал другим мальчикам, которым было необходимо руководство.

День уже близился к концу, когда к ним подошел Вайат. Он приходил и уходил, собирая лагерь с небольшой группой, пока она обучала остальных, а затем прервал их.

Тишина охватила маленький круг, сформировавшийся вокруг нее. Рэй был в ее захвате и, когда он напрягся в ее руках, она подняла глаза и улыбнулась, увидев Вайата с мечом в руках.

— Где ты его взял? — спросила она.

Он улыбнулся.

— Я способен проскальзывать незамеченным и, гм... избавлять людей от вещей.

Она рассмеялась.

— Мне ли не знать. Ты готов бросить мне вызов?

— Только если ты сразишься на мечах.

Она пожала плечами и отпустила Рэя, мягко подтолкнув его. Она сделала несколько шагов, споткнулся и бросил на нее через плечо раздраженный угрюмый взгляд, но даже он, казалось, жаждал боя.

— Слоан, дай мне мой меч, — он украдкой касался ее меча каждый раз, когда она не тренировала его, и девушка знала, что он получит удовольствие от того, что сможет вытащить его из ножен.

Она протянула руку и поймала аккуратно брошенный Слоаном меч. Несколько раз быстро взмахнув мечом, она отступила, предоставив Вайату пространство для сближения.

Они начали кружить друг напротив друга. Мальчишки отступили, предоставив им больше места. Вайат снял свое пальто и бросил его маленькому Джейкобу. Грета сняла свое еще несколько часов назад.

Она оценивала его, размышляя, насколько он силен. Она уже знала, что он был скрытным и быстрым.

— Ты уверен, что можешь обращаться с этим? — она кивнула на тяжелое оружие в его руке.

Он усмехнулся:

— Разве ты не хотела бы знать?

Быстрым взглядом она окинула заинтересованные лица вокруг. Как далеко может зайти этот урок? Она не хотела потрошить парня на глазах у всех и рисковала навредить их уверенности в его способности позаботиться о них. Но ему нужно было бросить вызов и усовершенствоваться, если он хотел иметь шанс защитить этих детей, когда придет время.

— Хорошо, — она жестом указала ему идти вперед. — Нападай.

К его чести, он не торопил ее, а продолжал двигаться медленно. Земля вокруг за целый день обучения превратилась в жидкую грязь и испачкала их ноги.

Она была уверена, что он изучал ее так же, как и она его. Через очень долгое мгновение он посмотрел мимо нее и кивнул так слабо, что она могла бы подумать, что ей показалось,

если бы Рэй в этот момент не прокашлялся.

Как раз когда ее тело инстинктивно начало поворачиваться, чтобы глянуть через плечо, она поняла, что ее обманули. Она свернула с пути как раз вовремя, чтобы избежать удара клинка Вайата.

— О, значит, ты хочешь драться грязно, боец, — сказала она с усмешкой, словно в танце, уворачиваясь от него, когда он снова шагнул вперед и сделал выпад в ее сторону.

— И горжусь этим, — он шагнул в сторону и поднял меч. Она была впечатлена его уловками, но, к сожалению, он скоро поймет, что он уже потерял шанс застать ее врасплох.

Она продолжила наступление ловким маневром, резко наклонившись, нанесла удар снизу, подняв его оружие. Он едва ускользнул от клинка у подбородка, быстро отскочив, и бросил на нее резкий взгляд.

Уже всерьез они по очереди нападали и отступали. Она расчетливо продвигалась вперед, мечи снова и снова скрещивались. Она вынуждала Вайата продолжать отступать, пока он не понял, что направляется прямо к линии тел, составляющих край круга. С напряженным рыком, он отпрянул назад, чтобы получить свободное пространство для маневра и возврата снова в центр круга.

Ей приходилось признать, что он боролся с упорством. И все же она поддавалась ему. Он это тоже понимал. Понимание светилось в его глазах, заполняющихся сталью решительности.

— Давай, охотник, — проворчал он. — Ты можешь гораздо больше.

Их мечи сцепились. Он схватил ее руку и дернул вперед, чтобы лишить равновесия. Внезапно лицо Греты оказалось в нескольких дюймах от него, отделенное лишь двумя лезвиями, вибрирующими от силы столкновения.

Ее тело напряглось. Они тяжело дышали, глядя в глаза друг другу. Его дыхание попало в такт с ее.

В этот застывший момент поднялся ветер. Она почувствовала озноб, словно привидение коснулось ее кожи, и это привело ее в чувство. Она выкрутила свое запястье и подсунула лодыжку за его левую ногу.

Парень предвидел ее движение и едва избежал броска на землю, но в попытке совершить маневр и зайти к ней со стороны незащищенной спины, он поскользнулся и упал.

Прежде чем Вайат успел пошевелиться, кончик ее меча был у его горла. Позади нее Слоан протянул Рэю раскрытую ладонь, по которой тот, сняв меховую рукавицу, хлопнул в ответ. Они делали ставки?

— Ты — мертв, — она протянула Вайату руку.

Он проигнорировал ее руку, поднявшись на ноги без чьей-либо помощи, прежде чем наклониться и поднять свой меч. Молодой человек провел пальцами по грязным штанам, но не встретился с ней взглядом, яркие пятна окрасили его щеки.

Он расстроился, что она победила его? Или была какая-то другая причина, чтобы он испытал внезапную неловкость? Она почувствовала, как загорелись ее щеки от этих мыслей.

— Кажется, как-то так, — пробормотал он.

В ту ночь Грета упала на свой поддон, терзаемая самыми разнообразными чувствами. Истощение боролось с неутомимостью. Оптимизм — со страхом.

Они больше не сталкивались с бешеными лесными животными, но это не слишком ее успокаивало. Лес весь день был тихим. Слишком тихим. Смертельно тихим.

По словам Айзека до затмения было еще около двух дней, но все уже начало разваливаться.

Им требовалось больше времени. Прямо сейчас они даже близко не подошли к тому, чтобы быть готовыми. Готовыми выдвигаться, не говоря уже о том, чтобы взять на себя демона, подобного Аграмону.

Ее беспокойство нарастало весь день, несмотря на относительно беспрецедентный день. Несколько раз она пыталась убедить Вайата отказаться от этого сумасшедшего плана, но после того, как вся группа проголосовала «за», они не собирались отступить.

Как могла она согласиться отвести их прямо к Аграмону, когда мир вот-вот был готов взорваться? Если бы только она не была уверена, что, оставив их здесь, она обрекла бы их на смерть, она бы отшвырнула прочь то, что осталось от ее души.

Старая Грета взвесила бы все за и против и выбрала бы самый безопасный вариант, но слишком многое изменилось за столько короткое время. Она изменилась.

Со вздохом девушка перевернулась на другой бок, надеясь заставить замолчать шепот в своей голове. Голос Люка говорил, что она взвалила на себя ношу, к которой не была готова, и подвергла себя опасности, которой не осознавала.

А другой голос в ее голове говорил, что она справится с этим. Что она сильная. Голос говорил ей, что она была создана для этого и должна была использовать свои навыки для чего-то хорошего. Он говорил ей, что теперь это ее мальчишки, и она несла за них ответственность, которой у нее никогда раньше не было, и она не могла подвести их. Это был не голос Люка. И даже не ее собственный, и не Айзека.

Она подумала, что это мог быть голос ее отца.

Она закрыла глаза. Завтра будет новый день. На один день ближе к затмению, но и на один день ближе к событию, на которое она не отваживалась надеяться четыре года — она сможет вернуться домой.

Почему от этой мысли у нее щипало глаза?

Это не из-за Айзека. Грета не могла из-за этого расстраиваться, ведь возвращение домой освобождало ее от дальнейших споров с ним. Сердце не сжималось от мысли, что она больше никогда не увидит глубокого взгляда его глаз или не услышит его голос. Она не собиралась объяснять свою тревогу мыслью, что покидает его. Он принадлежал этому месту, а она нет.

Правда?

Если не здесь было ее место, то где? Могла ли она просто вернуться домой по прошествии стольких лет? Имела ли она на это право? После того, что сделала с ней Милена, разве не принадлежала она этому месту, как он пытался ей доказать?

Под щекой сжался кулак, когда она отчаянно пыталась изгнать его лицо, но усилия лишь заставили ее слышать тихий шум за пределами палатки. Слабые движения тел, храп и тихий шепот в палатках. Сон не шел к ней сегодня и это, скорее всего, было благословением,

чем проклятием.

Решив поддаться бессоннице — и в результате помешать Айзеку — она встала и оделась, схватив меч и кинжалы, прежде чем покинуть палатку и выйти в холодную ночь. Она могла бы сделать полезное дело и освободить Рэя и Слоана от вахты.

Луны были почти полными. К завтрашней ночи они станут похожими на большие розовые снежинки в небе — одна чуть больше других — и никто даже не заметит группу звезд, светящихся вокруг них жестоким, холодным сиянием. Она вдруг задумалась, сколько еще миров находится там? Достаточно ли, чтобы заполнить это небо?

Обойдя внешний периметр палаток, она обнаружила Слоана, стоящего на краю поляны, облокотившись на ствол дерева. Он не спал, но был близок к этому, вызвав в ней кратковременную вспышку вины. Сегодня она заставила всех много потрудиться, кроме Джейкоба, который занял почетную должность водоноса-болельщика. Слоан особенно старался на тренировках по владению оружием.

Молодой человек поднял глаза, когда она приблизилась. Усталая поза исчезла, он расправил плечи и прищурился, чтобы рассмотреть, кто подошел.

— Почему бы тебе не пойти спать, — предложила она, обматывая шею шарфом в попытке защититься от холода.

Проклятый холод. Она сжала руки в кулаки и засунула их под мышки. Иногда ей очень хотелось иметь пару толстых рукавиц. Они сохраняли бы ее пальцы в тепле, но тогда она не смогла бы так быстро выхватывать свой кинжал. Она смирилась с тонкими перчатками без пальцев.

— Тебе необходимо поспать, если ты собираешься пережить то, что я запланировала на завтра.

Он шутливо застонал.

— Я не знаю, смогу ли я завтра хотя бы пошевелиться, но я выполню все, что ты придумаешь. Особенно, если удастся понаблюдать, как ты снова пинаешь задницу Рэя.

Она усмехнулась, услышав за своей спиной мягкие шаги Рэя.

— Что вы двое делаете?

Грета развернулась.

— Я подумывала о том, чтобы начать свою ночную смену немного раньше, — как бы сильно она не раздражала Рэя с момента своего появления — вольно или невольно — Грета начала уважать его за преданность, лояльность и чувство собственного достоинства. Последнее, чего она хотела — это подорвать его позицию в качестве заместителя Вайата перед другими. — Если ты не против.

Пар от его дыхания поднимался маленькими облачками в холодном воздухе.

— Хорошо, — сказал он, поворачиваясь к Слоану с коварной улыбкой. — Воспользуйся дополнительной возможностью отдохнуть, потому что завтра ты мой спарринг-партнер.

Слоан, казалось, испугался.

— Ну, тогда, полагаю, увидимся с вами обоими утром.

Грета было пожалела его, но всего через несколько дней Слоану предстояло столкнуться с кое-чем похуже Рэя. И забота, что он переживет это, стало ее обязанностью. Никаких послаблений.

— Ясным и ранним, — добавила она.

Она смотрела, как храбрый мальчишка бежал в сторону своей палатки. Всего четырнадцать лет, подумала она, а он был так далеко от самого младшего из них.

Контакт с людьми давал странный опыт. В отличие от видов Милены, человечество было слишком эмоциональным. Грета почти забыла об этом. Она слишком привыкла отодвигать эмоции на задний план, давая дорогу рассудительности, практичности, выживания. Это была небольшая пёстрая группа, каждый из которой был полон кишок и обладал силой характера, на которую она могла только надеяться, и они поверили в ее возможности.

— Почему бы мне не обойти периметр?

Рэй шагнул к ней, когда она пыталась пройти мимо.

— Ответь мне кое-что, — сказал он тихим голосом, чтобы никого не разбудить.

Она удивилась, что он захотел поговорить. Даже если его холодное презрение растаяло в течение длинного дня, пока они боролись друг с другом, они все же не стали друзьями. Она ждала, пока он, казалось, подбирает правильные слова.

— Как ты смогла так долго выжить здесь?

Грета чувствовала охватившее Рэя тревожное отчаяние. Потеряв здесь брата, он должен был ненавидеть это место больше, чем другие. Они все мечтали увидеться с семьями, но, по крайней мере, младшие мальчики были благословлены забвением. И они могли быть уверены, что их любимые были в безопасности дома, и, возможно, все еще ждали, что они когда-нибудь вернутся. Рэй же знал, что даже если ему каким-то образом удастся вернуться, его брат все равно будет навсегда потерян, умерев на Милене.

— Я предполагаю, что у меня не было особого выбора, но мне очень повезло, — она вздохнула, осознавая, насколько это было правдиво... хотя, возможно, ее удача заканчивалась. — Я не дала брату упасть в тот огонь, хоть и не смогла спастись сама. И это была просто удача, что я не оказалась в заключении у Аграмона, как вы. Удача, что встретила кого-то, готового защитить меня и научить, как выжить здесь.

— Но ты все же хочешь вернуться, не так ли?

Пораженная вопросом, она судорожно сглотнула.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты построила свою жизнь здесь, вот и все. Я просто подумал, что, может, ты оставила мысль о возвращении домой. Может, тебе здесь уже нравится, или ты считаешь, что не к чему возвращаться.

— Я не сдалась, — ты так и сделала. Грета нахмурилась. — Я искала. Много лет я искала портал. Но в то же время была обязана эльфу, который принял меня. Я не могла просто бросить его, — впервые эти доводы звучали как оправдание. Она покачала головой. — Теперь это не имеет значения.

— Тебя ничего здесь не держит, верно?

Отвернувшись от испытывающего взгляда Рэя в темноту окружающих кустов, она удивилась, что сердитое выражение лица Айзека стояло на пути простого согласия. Она сжала руки в кулаки по бокам.

— Почему ты спрашиваешь, Рэй?

— Ты смогла бы остаться? Я имею в виду, если у нас не получится, и ты поймешь, что кому-то придется застрять здесь, ты все равно пошла бы, или ты... осталась бы?

Грета подумала о своем брате Дрю, о том, как бы она чувствовала себя, если бы он прошел с ней через портал и умер здесь. Если бы у нее появилась возможность вернуться к семье, которая казалась потерянной, и объяснить, что только один из детей смог вернуться назад? Как она объяснила бы, почему Дрю умер, а она выжила? Смогла бы она взглянуть в

глаза родителей и стать причиной их горя и разочарования?

У нее сжалось в груди. Юное лицо Рэя было скрыто в тени ночи, но она узнала муку в его сверкающих глазах.

— Это сложный вопрос. Возможно, на него нет ответа, — прошептала она. — Я не уверена, что кто-то смог бы сделать выбор, если бы он у него был, — она положила руку ему на плечо и мягко сжала. — И тебе не придется принимать это решение прямо сейчас. Давай решать одну проблему за раз, хорошо?

— Просто... Я подумал... — он помолчал. — Если дойдет до дела, и мы не сможем всех провести через портал, у меня ведь никого нет. Вайат был бы против этого, потому что считает, что он должен всех защищать, но я думаю, что, может быть, я должен быть тем, кто останется, чтобы позаботиться о ребятах, которые не смогут спастись.

Грета применила метод Люка, стирая с лица мягкое выражение и выбирая тон, лишенный сочувствия, которое сейчас никому бы не помогло.

— Это самая глупая из твоих идей, Рэй. Ты смеешь обрекать нас на провал еще до того, как мы начали. Мы еще даже не нашли портал, но если мы сделаем это, ты чертовски хорошо пройдешь через него, — она ни за что не позволила бы ему выбрать другой путь.

Он не выглядел переубежденным и долго смотрел на нее. Он искал доказательств на ее лице? Не подведет ли она его, так же, как подвела Люка?

— Почему бы тебе не пойти спать.

Он покачал головой.

— Я должен...

— Забудь. Вайат заступит через час. До тех пор я была бы не прочь побыть в одиночестве.

Он подумал и кивнул.

— Тогда, ладно. Я и в самом деле довольно избит.

Грета в этом не сомневалась. Мальчишка целый день получал удары, нападая на нее. Его вздох был гораздо менее враждебным, словно у него не было сил, чтобы ненавидеть ее только из принципа.

Он повернулся, чтобы уйти, но остановился и обернулся через плечо.

— Спасибо.

Грета покачала головой и махнула ему рукой. Она не могла принять благодарность за разговор о бодрости духа или за что-то, что делала сегодня в лагере, потому что понимала, что ее слова бессмысленны, а действия бесполезны.

Неважно насколько сильным было их желание, чтобы этот план преуспел, или сколь многому она обучит их за следующие двадцать четыре часа. У нее было ощущение, что этого слишком мало и уже поздно, слишком поздно. Был риск, что люди погибнут еще до того, как возникнет дилемма — уходить или оставаться.

Девушка сглотнула комок, словно металлической стружкой дравший её горло. Из глаз хлынули слёзы, и она никак не могла остановить их. Они были горячими и быстро сбегали по щекам, уже холодными падая с подбородка. Она устремила взгляд в иссиня-черное небо и прокляла Бога и Великую Мать — и всех, кто мог презрительно взирать на них сверху.

Что, черт возьми, случилось с бойцом, на которого Люк потратил годы тренировок? Если и был момент, когда ей нужно было быть сильной и поддержать свой отчаянный момент, так это сейчас.

— Грета? С тобой все в порядке?

Быстро вытерев лицо ладонями, она не стала поворачиваться, чтобы Вайат не видел, что она плачет.

— Ага, я в порядке.

Снег захрустел под его ногами, когда он подошел к ней и развернул ее за плечи, чтобы увидеть ее лицо.

— Не похоже, что ты в порядке. Может, поговорим?

Она застонала.

— Ты что, теперь мой советник? — он разочарованно отвел глаза, и она испытала чувство вины. — Прости. Просто я не привыкла к этому, понимаешь?

— Не привыкла к чему?

— Ко всему этому. Раньше я сталкивалась с опасностью. По типу — из боя выйдет живым только один. В качестве человека, выступающего в роли охотника за головами — был только такой вариант — и остается только он. Единственный способ выжить, — она фыркнула. — Но, Боже. Недавно я... я не знаю, что со мной происходит. Я разваливаюсь на части.

Его пальцы были холодными, а прикосновение осторожным и нежным, когда он взял ее за руку. Она моргнула, глядя на него сквозь блеск жалостливых слез.

— Возможно, ты только что осознала, что тебе есть что терять. На твоём месте я бы, наверное, испугался.

Она всматривалась в его лицо, удивляясь, что его черты так быстро стали для нее так дороги. Вдруг она подумала обо всех тех людях, которые рассчитывали на нее. Эти новые привязанности могли принести ей боль.

В голову пришла одна конкретная привязанность. Она не хотела думать, что Айзек был настолько важен, чтобы причинить ей боль, или признавать, что между ними есть что-то, что она может потерять. Но пришло время перестать лгать самой себе. Он был частью этого. Что бы ни было между ними, оно было шатким и тонким... но это был не просто сон.

И к ее удивлению, это было ей дорого.

Очень жаль, что все это предстояло разрушить. Если с этим не справится затмение, то решения и обещания, которые она приняла и дала сегодня — обязательно. У нее в груди болело так, словно она уже что-то потеряла.

Она не видела лица Вайата, когда его губы прижались к ее лбу. Она почувствовала ритм его дыхания, вздымающего грудь и тепло его рук, когда они укрыли ее, словно широкое одеяло.

Его объятие было почти робким. Он не сокрушал ее, как это делал Айзек. Он не потреблял ее чувства, угрожая поглотить ее всю. Он обращался с ней так, словно она была сделана из чего-то драгоценного и хрупкого.

Грета открыла глаза и посмотрела в горячий шоколад его глаз.

— Вайат, я не думаю...

— Ш-ш-ш. Ты слишком много думаешь, — упрекнул он, проводя по ее виску согнутым указательным пальцем.

По-своему Вайат подобрался к ней так же скрытно и умышленно, как и Айзек. Она была удивлена и смущена чувствами, которые он всколыхнул в ней. Словно одни невозможные отношения уже не усложняли ей жизнь.

Лунный свет играл с тенями, делая щеки более впалыми и скрывая его глаза. Он легонько провел большим пальцем по ее губе и продолжил по изгибу ее подбородка. Его

рука подрагивала, но прикосновение заставило ее почувствовать, словно она вернулась домой после долгого отсутствия, словно в нем заключалась все лучшие воспоминания о том, каково быть человеком.

Айзек был совершенно другим. Жестким, смелым, с задатками лидера. Призывающим ее смотреть в будущее и забыть прошлое. Но она напомнила себе, что половина всего, что между ними происходило — было в ее голове. А та часть, что была реальной, была такой же опасной и самоубийственной. Это же было реальным. Вайат был настоящим, и он стоял рядом с ней во плоти.

Близость с ним не проявлялась в сильном взрыве, охватывающем все чувства сразу, но истинная близость — та, которой она могла бы доверять — требовала время для пробуждения.

Не так ли?

Кашель в одной из палаток привел ее в чувства, и она отшатнулась.

— Кажется, мне нужно сделать обход.

— Вайат? Грета?

Встревоженная криком Джейкоба, она повернулась и бросилась к откинутой створке его палатки. Он стоял, дрожа, но улыбался ей.

Вайат приблизился не так поспешно.

— Что случилось, Джейк?

Джейкоб посмотрел на нее и опустился на землю, его лицо исказилось гримасой нескрываемой тоски.

— Я... Я не могу спать.

Чувствуя неуверенность в занимаемом ею месте в этой, по сути, семье, она опустилась на одно колено так, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и начала растирать его руки движениями вверх-вниз, чтобы согреть от резкого ночного воздуха.

— Я тоже не могла заснуть, — призналась она, глядя на Вайата с приподнятой бровью. Он кивнул, поняв, о чем она спрашивала. — Сейчас довольно темно, и мне кажется, что, возможно, мне не помешала бы компания. Ты не хотел бы разделить со мной мою палатку?

— Да. Да, конечно!

Маленький мальчик ухватил ее за руку так быстро, что Вайат тихонько хихикнул за ее спиной.

— Ну, тогда давай, хитрый дьяволенок. Завтра тяжелый день, и вам обоим нужно поспать.

Джейкоб помахал Вайту и начал тащить ее прочь.

— Спокойной ночи, Вайат.

Грета обернулась через плечо и на нее нахлынула теплота.

— Спокойной ночи, Вайат, — прошептала она.

Уложив Джейкоба на одеяло рядом с собой, Грета еще несколько минут слушала его взволнованную болтовню. У мальчика было слишком много энергии. Возможно, он воспринимал Грету как некое развлечение, поэтому болтал без умолку, рассказывая истории о других мальчиках.

На прошлой неделе Джек, видимо, поймал своего первого зайца, но Джейкоб считал, что вкус у него противный. Однажды Чарли и Найл заболели, покрывшись ужасными красными точками по всему лицу, и чуть не умерли. Рэй всегда отдавал ему все ядра, когда они находили орехи. А Слоан иногда плакал во сне, но не хотел, чтобы кто-то об этом узнал.

Даже когда поток слов начал уменьшаться, он не хотел закрывать глаза, словно боялся, что она исчезнет, когда он проснется.

— О, а...

— Сорока, ш-ш-ш, — прошептала она, накручивая на кончик пальца волоски на его виске. — Теперь засыпай. Остальное можешь рассказать мне утром, я обещаю.

Как только Джейкоб перестал болтать, он широко зевнул. Мальчик пытался бороться с зевотой, но еще через несколько минут его глаза закрылись, и он крепко заснул. Грета, лежа на спине, слушала, как его дыхание выровнялось, а тело обмякло на ее руке.

После переосмысления всех предстоящих завтра рисков и придумывания все более новых осложнений и ни одной альтернативы, Грета под утро, наконец, заснула, чувствуя себя гораздо более растерянной, испуганной и беспокойной, чем когда-либо.

Сон начался почти мгновенно, перенеся ее глубоко в темный лес. На этот раз не было никакого предисловия, никакой путаницы, и Грета не была удивлена. Она ждала его и точно знала, где все происходит — у волшебного круга возле дома Люка.

Падал тяжелый мокрый снег, хотя ей было ни капельки не холодно. Две луны Милены выглядывали из-за тяжелых облаков. Она заметила, что они были почти на одной линии, доказывая, что она волновалась о затмении все время, даже во сне.

Он шагнул из темноты прямо перед ней, одетый в черное, и Грета не смогла подавить острые чувства, всколыхнувшиеся в ней. Едва их глаза встретились, она подумала о том поцелуе. С силой прижаться спиной к стволу дерева — только так она смогла удержаться и не побежать к нему.

Удивленное выражение мелькнуло на его лице, когда он заметил ее колебания, но оно исчезло так быстро, что она, наверное, вообразила это.

— Почему мы здесь? — нетерпеливо спросила она, не обращая внимания на трепет в животе. — Что ты теперь от меня хочешь? — ее голос был гораздо резче, чем она хотела, но так было лучше. Меньше вероятность, что они начнут целоваться, если оба будут заняты защитой.

— Скажи мне, где ты прячешься, Грета. Я сузил круг, но не могу найти тебя.

Благодарная за помощь она подумала о маленьком тельце, прижавшемся к ее боку в реальном мире, и покачала головой.

— Ты знаешь, я не могу.

— Ты все еще не доверяешь мне.

— А должна?

Его губы скривились.

— Если бы ты знала, через что мне пришлось пройти, чтобы удержать гномов Аграмона и легион охотников за головами за пределами моего графства и подальше от твоего следа...

Грета шагнула вперед. Если честно, она доверяла ему, в определенной степени. И она верила, что он что-то чувствует к ней. Но как бы она не дорожила этим, теперь она должна была учитывать жизни Вайата, Рэя, Слоана, Джейкоба и остальных.

— Зачем ты продолжаешь подвергать себя и своих людей риску ради меня?

Его пристальный взгляд опустил к ее губам.

— Ты знаешь почему.

Она спрятала дрожащие руки за спиной. Черт бы его побрал. Он вел грязную игру. Еще несколько дней назад она бы все отдала, чтобы найти кого-то, кто знал бы, что она человек и продолжал бы желать ее, но сейчас слишком поздно. Теперь же, даже если она выживет, они с Айзеком никогда не смогут преодолеть пропасть реального мира. У них никогда ничего не могло бы быть, кроме этих снов.

— Я не одна из вас. Я не принадлежу этому миру.

— Кто сказал, что ты не одна из нас?

— Пожалуйста, — произнесла она. — Я человек, хоть ты и решил проигнорировать этот факт. Ты ненавидишь людей.

— Я ничего не игнорировал. Я знаю, и кем являешься, — в его голосе проскользнуло раздражение. — И я уже говорил тебе, что это не имеет значения. Почему ты не можешь признать, что твой дом здесь?

Дом. Нет, Грета была не согласна. Будь она проклята, если когда-нибудь назовет эту замороженную дикую местность домом, даже если бы она прожила здесь остаток своих дней. Это ее тюрьма, а не дом.

— Если я миленинка, то почему все хотят убить меня?

— Из-за твоей личной любезности?

Она бросила на него убийственный взгляд.

Его дразнящая улыбка растаяла.

— Грета, будь разумна. Если ты отбросишь свое монументальное упрямство, я смогу позаботиться о цене за твою голову. А если ты скажешь мне, где ты, я смогу сохранить тебя в безопасности от беспорядков затмения.

— Даже если бы я смогла доверять твоим словам, мне не нужна твоя помощь.

— Только потому, что ты не хочешь, не значит, что она тебе не нужна.

Грета расправила плечи.

— Ты проникаешь в мое сознание, только для того, чтобы оказаться спорящей властной задницей? Потому что у меня есть более приятные вещи, которые я хотела бы увидеть во сне...

— Ты можешь не притворяться со мной. Больше нет, — он остановился перед ней с затуманенным взглядом. — Мы оба знаем, что я могу приходить в твои сны, не зависимо от того, звала ты меня сюда или нет.

Айзек будет участником ее снов до конца ее дней, и она никогда не сможет запретить ему этого.

— Звала? — девушка задохнулась. — Может, мы пересмотрим процесс, с помощью которого ты проник сюда через, так называемое, «приглашение»?

Он отшатнулся, вскинул в воздух руки, прежде чем снова с рычанием повернуться к ней.

— Не отказывайся от того, что я могу тебе дать. Не отвергай мою защиту. Не пытайся

заставить меня уйти. Ставки сейчас слишком высоки.

— Я больше не могу, — прошептала она.

Его чувство разочарования завибрировало между ними.

— Даже если бы я мог покинуть тебя, то должен был бы пообещать оставаться вдалеке от твоего разума, если это единственный способ для меня знать, что с тобой всё в порядке.

— С каких это пор ты беспокоишься о моей безопасности, а?

— Примерно с тех, когда ты избрала дорогу самоуничтожения.

Его голос был теперь наполнен безрассудством, будто он боролся за свою жизнь... или её.

Неужели это было так очевидно, что она выбрала миссию самоуничтожения.

Это не из-за своей человеческой природы она пережила последние четыре года, но благодаря другой части себя, части, которая наслаждалась каждой охотой, каждым убийством. Часть, которая родилась здесь, на Милене. Она ненавидела то, что он так хорошо знал её, что мог видеть тьму внутри ее.

Грета уже поняла, что эта задача, к которой она хотела приступить, приносила опасность того, что она никогда больше не увидит настоящего Айзека. То, что ещё несколько дней назад казалось благословением, ранило её сердце.

Она поняла, что хотела бы, чтобы дела обстояли иначе, чтобы она никогда не встретила Вайата и Джейкоба, и Рэя. Не узнала бы о человеческих рабах, и не знала бы, какой ужас настигнет их, если они попадут в темницы Аргамона.

Потому что единственный выбор, который у неё теперь был, — это убить себя изнутри.

— Какой бы путь я не выбрала, это не имеет к тебе никакого отношения. Ты не имеешь права вмешиваться. Я найду способ изгнать тебя из моих снов, даже если это означает, что мне нужно будет вырезать твоё проклятое имя из глубин моей души, — предупредила она. — Всё закончено.

Он вздрогнул, прежде чем остановиться, свет в его глазах погас. Грета смахнула слёзы до того, как он смог увидеть их.

Она отступила назад.

— Говорю тебе, Айсек. Лучше держись от моих снов подальше и не трать своё время, говоря, что то, что я говорю, это не то, что я имею в виду. И не пытайся найти меня, потому что ты лишь зря потратишь свое время.

Внезапно выражение его лица сузилось.

— Грета, Великая Мать, во что ты впуталась?

Её желудок сжался.

— Просто уйди отсюда. Это не имеет к тебе никакого отношения. Я не допущу, чтобы ты стоял у меня на пути.

— Это из-за смерти Люциуса? Месть — это удел ду...

— Теперь это больше, чем месть, — она выдавила горький смешок, понимая, насколько правдивы были эти слова. — Месть это слишком просто.

Его челюсти напряглись:

— Независимо от того, что это, оно не может стоять твоей жизни.

— Знаешь, ты не прав насчёт этого. На самом деле, это может быть единственной вещью, которая придаёт ценность моей жизни, и если мне придется сдаться, чтобы довести дело до конца, то так тому и быть.

Его губы скривились, и поддельный лес вокруг них замерцал. Он терял контроль?

Неужели он, наконец, подтолкнул себя к точке предела?

— То, что между нами, слишком сильно для тебя, чтобы просто уйти.

Будет лучше, если он ошибается, иначе они оба оказались бы в мире страданий.

— Теперь уже между нами никогда ничего не будет.

Грета.

— Врунья, — рыча, сказал он. — Я впечатлен, что ты способна сказать мне это прямо в лицо.

Грета...

В её голове застучало так, будто кто-то начал долбить её виски киркой.

Пожалуйста... ты должна...

Лёгкое головокружение. Она закрыла глаза и помотала головой, пытаясь избавиться от этого чувства, но оно лишь увеличилось настолько, что всё закружилось.

...ох...пожалуйста.

— Что происходит? — спросила она. — Ты слышишь...?

Кто-то пытался разбудить её. По ту сторону что-то случилось.

Пожалуйста, Грета. Пожалуйста, проснись.

Она откинула голову назад.

— Айзек, вытащи меня отсюда.

— Где ты? С кем ты?

— Сейчас не время для этого. Просто отпусти меня.

Сердца застряло у неё в горле, она развернулась, рассеяно ища выход, трещину в полотне сна. Черт, сгодились бы и хорошая старомодная дверь — всё, что угодно.

Поддельный лес, поддельные деревья, поддельные луны — все это искажалось вокруг нее, как волны на поверхности глубокого черного озера.

— Айзек! Я должна немедленно проснуться. Прямо сейчас!

Он схватил её за плечи, сильно трясся.

— Скажи мне, где ты находишься.

Она оттолкнулась от его груди, отчаяние обезумевшего звука в её голове говорило ей спешить, спешить, спешить.

Взглянув в его темные, жесткие глаза, она пыталась не думать о том, что он мог вытянуть из её разума. Ни о чём, кроме постоянно повторяющегося стука «проснись, проснись, проснись.»

— Я не играю, гоблин. Выпусти меня из сна, пока я не...

Пожалуйста, Грета... мне страшно. Пожалуйста.

Джейкоб.

О Боже. Она опоздает. Она пошатнулась.

— Айзек, пожалуйста. Я умоляю тебя. Пожалуйста, отпусти меня.

Ее пальцы впились в его рукава. В ее голосе слушалось рыдание.

— Я нужна им.

— Люди, — выплюнул он. Его взгляд похолодел, когда он встал над ней, его лицо окаменело под ее взглядом. — Таково твое желание?

— Мое желание?

Ее голова откинулась назад, словно ее ударили.

— Ах, ты ж, сын...

Грета!

Она кивнула.

— Да чтоб тебя. Это мое желание. Просто сделай это. Вытащи меня отсюда.

Её зрение затуманилось, болезненное чувство в области желудка затягивало всё дальше и дальше в темноту.

— Хорошо. Иди, — сказал он. — Просыпайся.

Грета поднялась с тяжелым вдохом, настолько быстро стряхивая мучительную паутину сна, насколько могла.

Джейкоб находился возле неё, стоя на коленях. Он отпрыгнул назад с неммым криком. Грета положила руки ему на плечи и притянула к себе. Мальчик дрожал, и она пыталась успокоить его несколькими неловкими хлопками по узкой спине. Она почувствовала теплую влагу его слез на своей щеке.

— Тише, Джейкоб. Эй, всё в порядке.

Он кивнул и икнул, продолжая тесно прижиматься носом к изгибу её шеи. Что же он чувствовал, когда пытался разбудить её, а она не двигалась?

— Что такое? Что случилось?

Он с трудом сглотнул, но, прежде чем он смог заговорить, резкий крик разорвал тишину снаружи. Джейкоб дернулся, его ногти впились в её руку.

— Джейкоб, я хочу, чтобы ты остался здесь, пока меня не будет, хорошо?

Она с трудом оторвала от себя его маленькую ручку и отодвинула подальше. Грета взяла меч и повесила на перевязь. Так как она планировала подремать ожиданиями, пока Джейкоб не заснет, и затем пойти в ночной патруль с Вайатом, то не стала прятать свои кинжалы, и быстро проверила, все ли из них были на месте.

— Грета, я боюсь, — прошептал мальчик. Он сгорбился под шкурами. — Ты вернёшься?

Она опустилась перед ним на колени и взяла за руку. Поцеловав ладошку, девушка согнула маленькие пальчики.

— Конечно же, я вернусь, болтун. Ты сохранишь это и вернешь мне, когда я вернусь, хорошо?

Он кивнул и, приложив руку к груди, склонил голову. Ещё один крик, последовавший после треска чего-то громко раздробленного и сломанного, заставил его взвизгнуть и громко заплакать.

— Тише. Не бойся, — успокаивала она. — С тобой всё будет в порядке, пока ты будешь тихо себя вести и не вылезешь из этой палатки. Не выходи, пока кто-нибудь из нас не придет за тобой. Я сейчас пойду к Вайату и Рэю. А ты будешь ждать здесь, прямо под одеялом, как я тебе сказала, хорошо? Это приказ.

Грета не хотела оставлять его, но напредила себе, что Джейкоб будет в большей безопасности, чем кто-либо из них, если останется здесь и будет тихо себя вести. Поднявшись, она с трудом вздохнула и приказала сердцу успокоиться. Грета на корточках выбралась из палатки и плотно закрыла вход откидным одеялом, не оглядываясь, зная, что если она даст слаbinу, то не сможет уйти.

Она не была уверена, чего стоит ожидать — ещё более сумасшедших лесных кошек Милены? Грета остановилась вместо того, чтобы бежать прямо к источнику шума. Но звук ударов стали толкнул идти дальше. Ни одна лесная кошка не будет драться мечом.

Слоэн бежал из своего укрытия с клинком в руке как раз тогда, когда она пронеслась мимо. Грета указала назад.

— Иди и забери Джейкоба из моей палатки. Затем сделай все, что в твоих силах, чтобы собрать мальчиков вместе и держать их в безопасности.

Она не могла остановиться, чтобы удостовериться, что он ее услышал, но, несмотря на

молодость, Слоэн был умен, силен и быстро учился. Они все были такими. Она должна верить в то, что у них есть план на случай подобной экстренной ситуации.

Когда она приблизилась к месту сражения, то всмотрелась в темноту, пытаясь различить детали. Грета смогла распознать очертания тяжелых теней, крутящихся взад и вперед со странным отсветом лунного света от клинка меча, разрывающего воздух. В ее горле встал ледяной комок ужаса. У нее появилось плохое предчувствие, что она знала атакующего.

— Вайат! Рэй!

Пожалуйста, не дай мне опоздать.

Она перепрыгнула через кострище. Должно быть, его затоптали час назад, но пару угольков продолжали слабо гореть, и их тепло коснулось ее бедра, когда она приземлилась на другой стороне между двумя увлеченными битвой фигурами.

Одним из них был Вайат, с левой стороны от неё. Другой...

Лазарь.

Он снова нашел её... и, судя по виду этих темных глаз и длинных клыков, луны влияли на него теперь ещё больше, чем в прошлый раз. Фейри не полностью обратился, но наступление затмения было бы для этого парня лишь формальностью.

Успокоившись от осознания того, что, по крайней мере, их противником не был Айзек, Грета повернулась спиной к Вайату и повернулась к смертельному фейри. Она блокировала быстрый удар клинком, но атаки на этом не остановились. Он настолько сильно ударил ее в нос, что голова девушки крутанулась назад, и она прикусила язык, потеряв равновесие.

— Вот, дерьмо.

Девушка поморщилась. Кровь хлынула из носа, и она с отвращением нетерпеливо вытерла её. Черт возьми. Почему они всегда бьют по лицу?

Грета заставила себя оставаться на ногах, продолжая находиться между Вайатом и Лазарем.

Вайат пытался отодвинуть её назад.

— Грета, что ты делаешь? Отойди!

Она отмахнулась от него. Лазарь зарычал, занесся меч над их головами для смертельного удара.

— Уходи отсюда, Вайат. Отведи других в безопасное место.

Вайат выпрыгнул вперед, чтобы помочь ей.

— Рэй справится. Тебе нужна моя помощь.

— Эти дети нуждаются в тебе больше, — крикнула она, бросившись в ответную на Лазаря, сделав пару шагов и нанося сильный удар в грудь. — Ты думаешь, что если умрешь сегодня ночью, то Рэй сможет сам позаботиться о других?

— Если я умру сегодня ночью, то надеюсь, это будет означать, что ты останешься в живых, — ответил он с маской твердой решимости на лице. — А я доверяю тебе заботу о Рэе и ребятах.

Парень бредил, если думал, что они справятся без него, или что она была бы приемлемой заменой его заботе и лидерства. Возможно, Грета и являлась мускулами данной операции, а Рэй, определённо, выдержкой, но Вайат был сердцем и душой, и каждый мальчик станет потерян без него. Вся группа распадется.

Но у нее не было времени спорить. Она снова атаковала, когда Лазарь двинулся к ней, и крепко схватила его за лодыжки. Фейри споткнулся, а Грета продолжала наступать, двигаясь

прямо вперед с клинком наготове, но он упал и откатился на несколько шагов назад, прежде чем снова подняться.

Рёв оказался наполнен такой ненавистью и яростью, что она подумала, что эта охота стала для него личной мстью. Только этого ей не хватало: самый беспощадный охотник за головами во всей Милене желал ее крови вместо денег, которые он мог бы выручить за нее, живую.

Лазарь так быстро подскочил к ней, что Грета даже не успела подобрать меч. Его руки сжали ее шею. Сжимаясь.

Ее рот раскрылся, но не стало воздуха, чтобы закричать. Девушка не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть, ее легкие лопались под его железной хваткой.

— Грета!

Крик Вайата звучал приглушенно и будто издалека.

Меч выпал у нее из пальцев, и она подняла руки, отчаянно вцепившись в запястья феяри. Она пинала каждую часть тела, до которой была в состоянии дотянуться сапогами, но ничего не помогало.

Её сила быстро уходила, и каждое движение замедлялось, будто она устало тащилась сквозь густую тину, которая затягивала ее вниз настолько глубоко, насколько сильно она боролась.

Её зрение затуманилось, и в глазах потемнело. Такими темпами она так потеряет сознание.

Грета скорее почувствовала, а не увидела, как Вайат бросился с ножом на спину Лазарю. Ее резко откинуло в сторону, как только Лазарь завертелся, пытаясь сбросить Вайата, не отпуская ее горло. Боль, пронзившая ее, была настолько сильной, что ей показалось, будто шея вот-вот оторвется от позвоночника.

Определенно с ней было покончено, она закрыла глаза. Но феяри внезапно завыл и уронил ее в снег.

Хватая ртом воздух, Грета быстро и глубоко задышала, несмотря на то, что это причиняло ей боль, будто ножи раздирали горло. Отталкиваясь пятками, девушка отползла назад, создавая пространство между ней и двумя борющимися. Заставив кулаки разжаться, она наклонилась над коленом и приподняла штанину, вытаскивая из сапога кинжал с длинной ручкой.

Грета боролась с головокружением, в то время как битва перед ней продолжалась.

Лазарь завыл.

— Давай же, монстр. Потанцуем, — сказал Вайат с насмешкой.

Глупый, глупый мальчик.

Она моргнула, пытаясь найти его среди передвигающихся теней. Ее зрение все ещё было затуманено. Грета поднялась на ноги и смогла остаться в вертикальном положении, но не могла двигать шеей. О, да, завтра будет весело.

Лазарь с рычанием развернул свою руку с длинными когтями на Вайата. Тот наклонился вправо и едва увернулся, иначе его голова оторвалась бы от тела.

— Вайат, отойди!

Ее голос прозвучал болезненным, бесшумным шепотом, который никто из них не услышал. Лучше не встречать. Упертый идиот все равно не послушается.

Она заставила себя вернуться в бой с кинжалом в руке, собрав всю волю в кулак — если уж нет силы тела. Но даже два человека против одного тяжеловесного агрессивного феяри

были подобны паре пчел, которые назойливо жужжат возле тираннозавра. Они просто раздражали его. Она могла чувствовать это в воздухе, то же самое скопление энергии, холода и силы, как в прошлый раз.

— Мы должны бежать, — прохрипела она, протягивая Вайату руку.

— Он разворачивается! — крикнул ей Вайат в тот же момент.

Молодой человек схватил ее за руку, и они оба споткнулись, когда вокруг Лазаря начал образовываться вихрь льда.

Грета знала, что они не уйдут далеко, по крайней мере, если она попытается уйти вместе в Вайатом. Хотя она могла бы остаться и задержать фейри достаточно долго, чтобы Вайат смог отвести мальчиков в безопасное место. В конце концов, охотник за головами был здесь по ее душу и мог бы перестать досаждать другим, если бы она больше не была частью группы.

Грета оттолкнула Вайата с дороги.

— Это не сработает. Иди без меня. Ты отвечаешь за этих мальчиков, не за меня... со мной все будет в порядке, — соврала она.

Обнаружив свой меч в снегу, Грета прыгнула за ним как раз тогда, когда Лазарь бросился за ребятами с искривленным от злости лицом. Она уклонилась от удара и метнулась позади него, схватив за руку, и скрутив так, чтобы фейри встал спиной к Вайату, а единственным моментом, на котором он должен был сконцентрироваться, стала она.

Вдали раздался звериный крик. Он был наполнен такой чудовищной яростью, что все останавливались, услышав эхо, доносившееся к ним сквозь ночь.

Оно было ещё достаточно далеко, может, пару километров, но следующий громовой вой засвидетельствовал то, что это что-то быстро двигалось, приближаясь с каждой секундой, и что бы это ни было, оно не несло радости.

Ее надежда на то, чтобы выбраться отсюда, рассыпалась на кусочки. Также стало ясно, что бы она ни сказала, Вайат никуда без нее не уйдет. Он вернулся, когда они снова столкнулись с Лазарем, который, казалось, оживился перспективой увеличения гостей на вечеринке.

Так и быть. Она пыталась. Она не могла быть виноватой в его смерти, если он не позволял ей спасти его.

Проглотив свою злость, она сосредоточилась на битве. Грета делала все возможное, чтобы взять отражать наиболее тяжелые удары Лазаря самой, но она не могла так долго продержаться. Они защищались настолько хорошо, насколько могли. Девушка пыталась не думать о другом приближающемся существе, которое хотело принять участие в битве, но разъяренный вой каждые пару минут ранил ее до глубины души.

Внезапно она осознала, что скоро пройдет. Знала, что это означает.

— Вайат, ты должен уйти отсюда!

— Достаточно.

Голос фейри отозвался рыком, усиленный фазой лун. Он выпрямился и посмотрел на нее ледяным взглядом.

Когда Грета посмотрела на него, то заметила, что его зрачки потемнели, и она снова почувствовала напряжение в воздухе. Оно усилилось, внезапно заточая ее внутри круга из тумана. Она пыталась пробиться, но коснуться этого тумана было подобно погружению руки в самый неистовый и холодный шторм, который когда-либо видела Милена. Она никогда не чувствовала ничего такого же холодного. Если она попробует пройти сквозь это, то, скорее

всего, ее сердце перестанет биться.

Он только что перевел их битву в разряд боя в клетке.

Откуда-то издалека, как будто за несколько километров, Вайат позвал ее по имени. Она подумала о том, что, возможно, он оказался в такой же ловушке.

В водовороте, созданном силой Лазаря, воздуха оставалось все меньше и меньше, а туман стал таким густым, что Грета не могла увидеть свою руку возле лица. Она понимала, что фейри перемещается вокруг нее сначала впереди, потом внезапно сзади, но ничего не слышала. Казалось, что все ее чувства замерзли до такой степени, что у нее больше не осталось сил, чтобы опереться на что-то или сохранить равновесие. Ни зрения, ни слуха, ни осязания.

Грета почувствовала на груди удар когтей Лазаря, даже не видя его приближения. Почувствовала, как каждый из острых когтей проникает сквозь ее одежду и рвет тело.

Она подавила крик боли, стиснув зубы. Лазарь толкнул ее сзади и дул ледяным ветром в лицо до тех пор, пока она не задохнулась. Он укусил ее за плечо, а следующий удар оставил глубокую рану на бедре. В этот раз Грета не смогла остановить вырвавшийся резкий стон, но не решилась сдвинуться с места. Оставаясь абсолютно неподвижной, она сконцентрировалась, чтобы очистить свой разум от неуверенности, сомнения, боли, и отбросила все мысли о Вайате, Джейкобе, Айзеке и обо всем том, что могло сделать ее слабее.

Грета закрыла глаза, это помогло ей сконцентрироваться. Когда он снова направился к ней, на этот раз заходя с левой стороны, девушка была готова.

Она нанесла резкий удар и попала ему в челюсть. Острые зубы оцарапали кожу на костяшках пальцев, прежде чем Лазарь отпрянул назад, но она едва ли осознала это; удовлетворение от того, что она усыпила его бдительность в его же собственной игре, превысило ощущение боли.

— Я вижу тебя, — пробормотала девушка. Не глазами, с помощью других чувств. Она поняла, что он не стал невидимым, как она сначала думала. Грета всего лишь должна была пробиться сквозь его трюк с туманом и отражениями и прислушаться там, где была пустота.

Он взревел и бросился на нее. Теперь у нее было преимущество, и она избежать удара, но фейри просто развернулся и снова пошел на нее. Стало ясно, что Лазарь мог в любой момент перерезать ей горло, но не делал этого.

Он игрался с ней.

— Я ценю твою волю бороться с неизбежным, — прорычал он в тумане.

Она удивилась, что он сохранил достаточно контроля, чтобы сформулировать основные местоимения, фактически более-менее предложение. Большинство Потерянных, на которых она охотилась, утратили вежливость, чтобы ответить на притяжение лун.

— Да? Это ничто. Давай посмотрим, какого мнения ты будешь о моей воле, когда я вырву твое сердце.

— У тебя больше шансов сохранить свои конечности, если ты сдашься, — его рука внезапно появилась из тумана; эти смертельные когти едва не задели ее, когда она зашипела и отпрыгнула назад. — Но я не собираюсь нажать на тебе, поэтому мне неважно насколько поврежденной ты будешь, когда я заберу тебя отсюда.

Она продолжала смотреть вперед, напрягая все другие чувства, чтобы выявить его местоположение.

— Если не ради денег, то ради чего тогда ты это делаешь?

— Ради безопасности всех миров ты не можешь быть принесена в жертву демону. Ты предстанешь перед королевой Минеттой, чтобы ответить за преступления твоей расы.

Она нахмурилась, ещё больше смущенная. Да, ладно. Ещё один монарх Милены, который хотел от нее что-то. И какое же преступление она якобы совершила на этот раз.

— Прости, что разочаровываю, но мне нужно будет провести проверку, что касается этого случая, — она судорожно закашляла, раны на груди болезненно ныли с каждым движением. — Хотя было приятно пообщаться с тобой.

Они продолжали кружить друг напротив друга. Требовалось много сил, чтобы не обращать внимания на боль в груди и кровь, стекающую по голени. Фактически, она по-прежнему сражалась вслепую, но не собиралась облегчать работу Лазарю, стоя смиренно, в ожидании удара. Поэтому девушка ориентировалась на слух и делала выпад на любой шорох впереди и позади неё.

Стало очевидным то, что она оказалась слабым противником. Он слишком легко избегал ее, но, по крайней мере, не мог одновременно следить за следующим ударом и разрезать ей горло.

Грета начала улавливать звуки извне — приглушенные звуки другого сражения. Либо сила Лазаря ослабевала, и его вращающаяся клетка стала истончаться, либо Вайат начал делать в ней вмятины.

Ослабление концентрации дорого стоило Грете. Лазарь внезапно появился со спины, вцепившись в нее сзади. Если бы он хотел видеть ее мертвой, то у нее оставалось меньше секунды, прежде чем он сломал бы ей шею, как весенней жирной курице.

Согнув ноги, она толкнулась спиной вперед ему в грудь и направила их обоих в густой туман, который продолжал удерживать в ловушке. Грета прикусила язык при внезапной вспышке льда, атакующей ее. Лазарь не сильно удерживал девушку, когда попытался подняться. Рука Греты провалилась в стену тумана. Она закричала и отдернула ее назад, но руку словно обожгло холодом.

Внезапно крик разрушил стену. Это звучало будто гром, из тех, что грохотали через все небо и сотрясали землю, предвещая приближение ливня, который мог бы поднять маленьких детей и смыть их вниз по улице.

Грета знала, что это не было громом. Она знала, что это был и не Вайат.

Айзек.

Девушка вздохнула, и тепло охватило ее, несмотря на то, что она умышленно хотела сохранять холодное спокойствие, за которое она боролась, чтобы удержаться. Она была по-глупому рада тому, что он нашел ее, и по-глупому напугана.

Она начала вставать, но Лазарь оказался быстрее, и тяжело набросился ей на спину, прежде чем она смогла восстановить равновесие. Его глаза сверкнули, когда он был над ней. Грета подтянула колено к груди и ударила его по лицу. Его голова ушла в сторону, но в любом случае, ее атака произвела небольшой результат.

Она могла только надеяться, что Вайат оказался достаточно умен, чтобы убежать, забрав мальчиков с линии огня и доставив их в безопасное место, где они могли переждать затмение.

— Айзек, — прошептала она, желая, чтобы у нее была сила отослать и его в безопасное место.

Круг тумана внезапно распался, быстро рассеиваясь.

Никаких сомнений, потому что длинная рука прошла сквозь него, схватив горло Лазаря.

Фейри задыхался, борясь за воздух так же, как это недавно делала Грета. Она застонала, когда его оттащили от нее и перекинули через лагерь. Он приземлился на остатках костра, разбросав при этом несколько пылающих угольков во все стороны.

Когда она осмелилась посмотреть вверх, то увидела Айзека, смотрящего вниз на нее, его лицо исказила маска чистой свирепости.

Это не был парень мечты, или даже приводящий в ярость король гоблинов, который без конца гонялся за ней. Она больше не знала, кем он был, но она не могла отвести взгляд.

Лежа на холодной земле, она захныкала. Он стоял над ней, их взгляды были направлены друг на друга. От его глаз сочилась сила затмения, но помимо этого было еще что-то более непреодолимое. Абсолютная одержимость исходила из его темных глаз, даже сейчас, когда луны были очень сильны, и инстинкт крови должен был перевешивать все остальное.

Ее эмоции были приглушены болью, она смотрела, как завитки зимнего воздуха выходили из его ноздрей. Его грудь быстро поднималась и опускалась. Его руки по бокам, сжатые в тяжелые кулаки. Все в его позе говорило о желании крови и обещанной смерти.

Но это была не Грета, кто разбудил в нем такую ярость.

Когда Лазарь поднялся на ноги, Айзек отвернулся от нее и направил все это бурление на фейри, его яростный крик был чистым предупреждением о том, что минуты жизни для охотника были сочтены.

Она отпрянула, когда Лазарь вырвался из мучительной хватки Айзека и снова потянулся к ней, но Айзек перепрыгнул через нее и бросил Лазаря о землю на расстоянии в несколько шагов.

— Грета!

Вайат.

Повернувшись на бок, она подложила под себя ногу и встала на колени. Вайат сгорбился над бревном недалеко от нее. Он поднялся на ноги и, шатаясь, сделал шаг вперед. Поперек его лица был длинный порез, кровь размазалась по щеке и лбу, и он преимущественно использовал правую сторону.

Ее грудь застыла от страха.

— Что ты все еще здесь делаешь?

— Заткнись, — огрызнулся он резким шепотом. — Я бы не оставил кого-либо из других, и я не уйду без тебя. А теперь вставай. Мы должны уйти, пока эти двое тяжеловесов заняты друг другом.

Она покачала головой.

— Это бесполезно. Независимо от того, кто из них останется в живых, ни один из них не остановится. Они придут за мной.

— Значит, мы все должны пойти туда, куда они за нами не последуют, — он протянул ей руку. — Пошли. Они не единственные, о ком нам стоит беспокоиться. Ты слышишь это? — он посмотрел поверх ее головы. — Весь лес трясется. У нас мало времени. Мы должны поторопиться.

Он был прав. Даже не смотря на то, что до затмения был, по крайней мере, один день, его эффект уже широко распространился. Она могла понять это по звукам шелеста, скрипа, эхо рычания, исходящим ото всюду вокруг них.

Мир переворачивался. У Греты и Вайата теперь не было иного выбора, кроме как бежать и прятаться, или стать легкой добычей.

Она обнаружила, что с тревогой смотрит на внушающую страх фигуру Айзека и вздрогнула, когда его задело одним из взрывов ледяного торнадо Лазаря. Он отшатнулся, давая фейри возможность для открытого удара этими смертельными когтями.

Когда они воткнулись в плечо Айзека, и он упал на колени, ее крик был заглушен его болезненным выкриком.

Она бросилась вперед, но Вайат отдернул ее назад.

— Грета, клянусь, если мне придется перекинуть тебя через плечо и унести отсюда, я буду очень зол.

Лазарь бил Айзека снова и снова. Грета вздрогнула и прикусила язык, высасывая свою же кровь, чтобы не кричать. Она знала, что должна идти. Она не могла помочь ему. Если она попробует, то они все будут мертвы, а она ведь обещала Вайату, своей расе. Она нужна была им, чтобы пройти через это.

— Я в порядке, — сказала она. — Иди, я с тобой.

Грета нашла свой меч в нескольких шагах от себя и наклонилась, чтобы поднять его. Она развернулась в ответ на рев Айзека, но прежде чем могла поспешить на помощь, Вайат отдернул ее назад.

— Пошли уже!

Хорошенько внутренне встряхнув себя, она последовала за Вайатом, больше не оглядываясь назад. Острый осколок боли разрезал ее сердце пополам, когда она пыталась определить бежала ли она к чему-то... или от чего-то другого...

Грета и Вайат выскочили на поляну, но вскоре она поняла, что они просто попали из огня да в полымя.

Ее интуиция подсказывала, что это было лишь благодаря наводящему страх присутствию Айзека, которое так долго отпугивало от них других существ, а теперь, когда они ушли очень далеко от него, люди стали легкой добычей.

Что она наделала? Айзек. О, Боже. Айзек. Прости.

— Они быстро приближаются, — крикнула она Вайату.

Влага раннего утра повисла в воздухе, но было все еще очень темно, слишком темно, чтобы видеть. Но это не означало, что они не могли ничего слышать. Хруст снега и треск веток, и чем больше угрожающего фырканья, хрюканья и рычания исходило со всех сторон, тем больше и больше обитателей Милены перевоплощались один за другим, превращая лес в поле битвы.

Она надеялась на Бога, что Рэй смог найти безопасное место для мальчиков.

Что-то зарычало рядом, и длинная, по форме существа, тень вылетела из мрака слева от Вайата.

Молодой человек упал. Существо, приземлившееся на него, было огромным и нацеливалось прямо на его горло.

— Вайат!

Было невозможно определить, какое животное это было до того, как луны превратили его в бешеное существо, но, к счастью, Грете не надо было знать, что это было, чтобы убить его. Игнорируя ноющую боль своих ран, она прыгнула на спину существу и провела лезвием по горлу. Вой существа превратился в задыхающееся бульканье.

Она отбросила мертвую тушу с Вайата и подала руку, чтобы помочь подняться.

— Спасибо, — пробормотал он.

Вытерев лезвие о свою и так уже грязную штанину, она перевернула его и протянула ему.

— Возьми. У меня есть ещё.

Он кивнул и принял оружие.

Вой раздался эхом, звуча несколько отдаленно, но не достаточно далеко.

Не Айзек.

Другой монстр перекрыл им путь, глаза светились желтым. Она думала, что узнала животное по длине морды, но этим заканчивалось сходство волка с миленской его версией. Вайат встал, защищая ее спину, когда монстр присел на корточки перед ней, но вместо того, чтобы атаковать, он потянулся к мертвому существу, лежащему между ними, разрывая ему глотку.

— Иди, — прошептала она, отходя от волка на пару шагов назад. Тот поднял голову, не обращая внимания на них двоих, шерсть существа стояла дыбом.

Похоже, собирались прийти другие. Скорее всего, притянутые запахом крови.

— Следуй за мной, — сказал Вайат.

Они продолжили путь. Волк не последовал за ними, но Грета продолжала следить за звуками резни вокруг них.

— Куда мы идем?

Ни одно место не будет безопасным, не от этих существ, которые уже взяли след.

— У нас есть запасное место. Рэй и мальчики знают, как туда добежать, если что-то случится с лагерем.

Мучительный вой эхом пронесся в ночи. Грета, наконец, обернулась, свет глаз Айзека преследовал ее.

— Давай же!

Она рванула вперед, как только Вайат побежал. Ее зрение затуманилось от слез и боли, и она изо всех сил пыталась держать его в поле зрения.

Она надеялась, что он знал где, черт возьми, они были, потому что Грета быстро сбилась с курса. Лес стал лабиринтом из белого снега и темных теней, которые дезориентировали ее. Чувствуя головокружение и слабость, она быстро терпела неудачу. Когда на них напала ещё одна пара сумасшедших волков, ей было бы лучше среагировать. Вайат отпихнул ее себе за спину, выхватил меч из ее ослабевшей руки, и повернулся лицом к ним обоим.

Затем он держал девушку в своих объятиях. Они оба сидели на коленях на холодной земле. Грета с удивлением увидела пару тварей, лежавших мертвыми в нескольких шагах от них. Откуда они взялись? Она не помнила удара, который убил бы их.

— Что случилось? Где мальчики? Он нашел их? Они... — она всхлипнула, внезапно представив, что никогда их больше не увидит. Она потеряет Джейкоба и Рэя, Слоэна и других, также как потеряла остальных. Ее брата. Люка.

Айзек.

— Мы должны продолжать идти.

Вайат пытался поставить ее на ноги, но она помотала головой, истекая кровью.

Шум обрушился на них со всех сторон. Звуки воя. Звуки клацанья клыков. Звуки чавканья. Даже деревья дрожали. Весь лес выл, вызывая мурашки по спине.

Что-то завизжало и набросилось на них сверху. Вайат отпустил ее, и что-то яростно ударило по лицам и головам. Летучие мыши. Преображенные затмением и с клыками длиннее, чем у какого-либо вампира.

Одна из них вонзила клыки в ее запястье. Грета зашипела и помотала рукой, пытаясь сбросить тварь. Вайат оттащил летучую мышь и сильно ударил о ствол дерева. Он обхватил и накрыл ее голову своей грудью, крепко держа до тех пор, пока безумные взмахи крыльев не прекратились.

Что-то другое спугнуло их? Что же набросится на них следующим?

— Давай, поднимайся. Мы должны продолжать идти. Ты сможешь. Я помогу тебе.

Он перебросил ее руку через свое плечо и помог подняться. Она застонала, как только рана на груди болезненно растянулась.

Молодой человек потащил ее за собой.

— Это не далеко, девочка. Просто побудь со мной ещё немного.

Она теряла сознание и снова приходила в себя, когда они замедляли ход. Грета знала об этом только потому, что однажды она слышала, как Вайат звал ее, и чувствовала, как его руки крепче сжимали ее талию и запястье, когда он подтягивал ее поближе, пытаясь удержать на ногах.

Как только начало рассветать, она прищурилась в преддверии начала нового дня — дня, который только усилит нестабильность каждого из живых существ, уже охотившихся на них. Вайат опустил ее вниз перед странным красноватым камнем, торчащем в земле. По форме

он напоминал длинный конус.

Что-то зашевелилось в деревьях позади них. Грета открыла рот, чтобы закричать, но она была слишком медлительной и слабой, для того, чтобы сделать что-то с рычащим гномом, летящим на нее с веток.

Мимо ее лица пронеслась стрела. Она попала в толстую грудь гнома, издав чавкающий звук, но существо, похоже, не заметило, что деревянный стержень, торчащий из его груди, означал конец атаки. Гном откатился, как колобок на ножках, крича и тряся головой. Вайат встал перед Гретой, держа ее меч в руках.

— Слоэн, сейчас!

Голос Рэя призвал к началу атаки со всех сторон. И как только Слоэн выпустил заряд, четыре мальчика атаковали незваного гостя кинжалами, камнями и стрелами.

На этот раз гном замер. Рэй метко выпустил последнюю стрелу в налитый кровью глаз, но существо было уже мертво.

Все складывалось очень успешно, если бы она сама не упала в обморок.

Грета внезапно пришла в себя, чувствуя тяжесть в груди.

Ей ничего не снилось. Вообще.

Он действительно ушел.

Ее желудок взбунтовался. Грета открыла глаза, но ничего не увидела и слепо протянула руку, чтобы ухватиться хоть за что-нибудь.

Ее рука наткнулась лишь на камень, а с другой стороны нащупала пустоту.

Ее легкие сжались. Она не могла дышать.

Просто закрылись изнутри.

Затмение началось, и она снова была заточена во тьме.

— Нет, — простонала она. — О, нет.

Она осознавала, что ее голос звучал, как болезненный шепот, что сырость просочилась в ее кости, а воздух, который она пыталась впихнуть в легкие, был черствым и грубым.

Они принесли ее под землю. Они похоронили ее и оставили в темной могиле.

«Мне надо выбраться отсюда. Выбраться. Выбраться. Отсюда».

Ее голова моталась туда-сюда, пальцы вцепились в землю. Часть сознания понимала, что ее страх — просто детская реакция, но это не изменило того, что она чувствовала.

Беспомощна. Одинока. Похороненная заживо.

Ее наболевшие мышцы запротестовали, когда она попыталась подняться. Раны заныли от движения. Грета со всхлипом упала обратно.

«Выйти. Выйти. Выйти. Выйти отсюда».

— Я не могу, — пробормотала она. — Я не могу оставаться здесь. Выпустите меня. Пожалуйста, выпустите меня.

— Она проснулась.

Она вздохнула и повернула голову в направлении шепота. Боль разнеслась через грудь, но это было не важно. Она узнала этот голос. Это был голос Рэя.

Не одна.

Она с облегчением вздохнула. Грета закрыла глаза, сфокусировалась на внутреннем и внешнем, и на какой-то момент прежде, чем повернуться на сторону и притянуть ноги к груди, ударила лбом о колени.

Суматоха. Движение. Рука коснулась ее плеча. Она знала, что это был Вайат. Она бы всегда узнала его уверенное, крепкое прикосновение. Это помогло ей обрести спокойствие, вернуть часть ее обратно из страшного места в ее собственном разуме, словно маленькая птичка все ещё продолжала отчаянно трепетать внутри банки.

— Тише, с тобой все в порядке, — сказал он.

Когда кошмар об ее окружении ушел, и она стала лучше осознавать реальность, то начала впитывать теплоту тел других, наполняя ближайшее пространство своей теплотой. У скольких из них получилось?

— Где мы?

Ее голос был хриплым, а горло сухим и болезненным — без сомнения это результат того, что она чуть ли не задохнулась до смерти. Ещё раз, дрожа, она попробовала принять сидячее положение, с одной стороны ей помогали маленькие ручки. Картер?

— Грета?

Тонкий голос эхом разнесся в темноте. Ощутимый страх Джейкоба пронзил завесу ее паники. Она собралась с силами настолько, насколько могла и протянула руку, но рука, до которой она дотронулась, была больше, чем у Джейкоба. Вайат взял ее пальцы и поднес к своим губам. Она вздохнула, прежде чем мягко убрать их.

— Я здесь, Джейкоб, — ответила она так спокойно насколько могла. — Всё хорошо.

Такая ужасная врунья.

— Я не могу тебя увидеть, — прошептал он. — Могу я посидеть у тебя на коленях?

— Джейкоб, не сейчас.

Острое нетерпение Слоэна едва ли скрывало его собственный страх.

Теперь, когда она появилась из кокона самопарализующего ужаса, Грета могла чувствовать такое же чувство, исходящее от других. Должно быть, для мальчиков этот страх был сильнее из-за ее недееспособности. Все же, они полагались на силу Греты, охотницы за головами, и до сих пор она хорошо справлялась с задачей об их защите, разве нет?

— Все хорошо, Слоэн. Джейкоб, конечно же, ты можешь прийти посидеть со мной. Мне нужен кто-то, кто поможет мне снова согреться.

Возникла небольшая суматоха, а затем Вайат передал ей маленького мальчика. Она усадила его себе на колени и крепко обняла, не обращая внимания на боль в груди и бедре.

Она почувствовала, как его крошечные плечи расслабились в ее объятиях, и желала, чтобы ей было также легко найти утешение, но образы избитого и кровоточащего лица гоблина преследовали ее.

Грета посмотрела в темноту поверх головы Джейкоба, где, как она думала, сидел Вайат. Не то, что бы она могла его видеть. Даже слабое очертание его фигуры. Если бы в ее руках не было Джейкоба, она бы подумала, что спит и слышит голоса в своей голове. Разве это был не первый раз, когда она смешивала фантазию с реальностью?

— Где мы? — снова спросила она.

— Очень маленький бункер, который мы выкопали именно на случай крайней необходимости такого типа, — сказал Рэй.

— Мы под землей? Как в могиле! Мне казалось, что я дотронулась до... камня, — она снова вздрогнула. Джейкоб отреагировал на ее беспокойство, мягко погладив тыльную

сторону ее руки своей крошечной ручкой, будто гладил пугливого котенка.

— Да, мы использовали камень, чтобы укрепить стены.

Это не помогло ей почувствовать себя лучше. Теперь все, о чем она могла думать, было то, как они задохнутся и умрут, если стены и крыша обрушатся на них.

Она сглотнула и сделала глубокий вздох.

— Насколько большой?

— Не очень, — ответил Вайат. — Может, десять на шесть, укрепленный каждые несколько футов. Достаточно, чтобы лежать, но нет места для провизии. Мы не сможем долго продержаться.

Вайат что-то умалчивал.

— Насколько хорошо защищен вход?

Он ответил ей не сразу.

— Мы спустили довольно приличную плиту известняка, закрыв вход, и еще он скрыт густой листвой.

— О, Боже.

К ее горлу подкрался страх так близко, что она хотела разбить стену, чтобы выбраться. Единственная вещь, удержавшая ее от того, чтобы закричать, была отчетливое осознание того, что маленькая рука Джейкоба мягко гладила ее руку.

Если она начнет вести себя, как баллистическая ракета, разбивая стену, перед этими мальчиками, то это никому ничего хорошего не принесёт. Хотя, это может недолго продлиться, пока ее не остановят. Внутренности горели из-за чувства нехватки в чистом воздухе, хотя и осознавала, что технически проблем дышать не было.

— Откуда идет кислород?

На этот раз ответил Найл откуда-то позади нее.

— Я закопал с нами в землю пустотелое бревно. Один его конец здесь, а другой выходит наружу. Таким образом, мы не останемся без воздуха.

— Как гениально, — пробормотала она.

Рука Вайата снова легла на ее плечо. Больше, чем поддержка, на этот раз это было требование держать себя в руках. Грета сглотнула и кивнула.

— Так что теперь? — спросила она.

— Ну, хорошая новость в том, что никто не был серьезно ранен во время набега, и что мы все здесь, — ответил он.

Набег? Это то, чем оно было? Грета назвала бы это чем-то другим, если бы не маленькие сосредоточенно слушающие ушки.

— Что у нас есть из оружия?

— Не много, — сказал Найл. — Пара ножей. У меня и Слоэна остались несколько стрел. И у нас есть твой меч.

Грета обеспокоенно покусывала губу, обдумывая в голове возможности. Печально, как бы она не смотрела на ситуацию, она не могла найти выход. Они были в разгаре затмения без снаряжения и пропитания.

— Ничего не изменилось. Мы бы все равно покинули лагерь сегодня. Теперь мы просто должны передвигаться более осторожно. План по сути такой же, -

оборонительный тон Рэя терзал ее нервы.

— План был с самого начала ошибочным, Рэй, — сказала она, прикусив язык, чтобы не сказать более красочных слов, которые она не должна была использовать в присутствии

маленьких мальчиков. — И он был сделан до того, как мы узнали, что у затмения так рано наступит настолько сильный эффект.

Она даже не потрудилась упомянуть проблему с Лазарем. Он все еще мог быть там, все еще идя за ней. Эта конкретная личность была только ее заботой. И насколько возможно она будет пытаться держать его подальше от остальных.

— Мы не можем здесь долго оставаться. Что ты предлагаешь делать? — огрызнулся Рэй. — Ты же охотница за головами, прославленная вдоль и поперек этой чертовой дыры, но все, что мы делали с тех пор, как ты появилась, это спасали тебя. Почему, черт возьми, ты здесь, если не можешь быть полезной?

— Рэй, — предостерег Вайат.

— Есть много чего, что я делаю, кроме придираний, — огрызнулась Грета. — И похоже на то, что я здесь, чтобы быть голосом разума перед лицом вашего безрассудного, импульсивного...

— Эй, не то, чтобы я не находил два ваших бесплотных голоса очень занимательными и всё такое... но вы действительно думаете, что это помогает в теперешней ситуации? — вмешался Слоуэн. — Мы можем попробовать сконцентрироваться на чем-то более конструктивном на пять минут?

— Прости.

— Прости.

Оба извинения Рэя и Греты разнеслись по помещению во внезапно наступившем за этим молчании.

— Отлично, тогда, — продолжил Слоэн, — я объявляю первое собрание Потерянных Мальчиков открытым.

Грета чувствовала ухмылку на его лице и покачала головой. Теперешняя ситуация принуждала их сидеть в темноте... почти терпимо. И обсуждение помогло бы ей помочь не думать об Айзеке. Задаваясь вопросом, был ли он ещё где-то там снаружи, или же...

— Мы поняли, Слоэн, — сказал Вайат с многострадальным вздохом. — Но он прав. Грета. Рэй. Попытайтесь направить эту энергию на то, чтобы помочь нам придумать план, который работает.

— Эта дыра не сможет надолго приютить нас, — изрек Рэй. — Для начала, нам надо выбраться отсюда, а затем можем отправиться в крепость Аргамона.

Грета могла согласиться, по крайней мере, с частью этого.

— Позвольте мне пойти назад, наверх, — сказала она. — Я проверю, как обстоят дела снаружи, чтобы убедиться, что путь безопасен.

— И что потом? — оборвал Картер, звуча настороженно. — Как мы выживем с этими... существами, бродящими по лесу? У нас будет достаточно тяжелое время, стараясь оставаться в живых. Я не знаю, как мы ещё можем кого-то спасти.

Действительно. Грета не забыла, что ребенку всего тринадцать лет. Что они все слишком молоды, чтобы даже вести подобную дискуссию, не говоря уже о том, что слишком молоды для всего того, что было связано с ней.

— Я думаю, нам надо сконцентрироваться сначала на одной вещи, — сказал Вайат. — Я больше не уверен, что еще реально думать о том, что мы можем добраться до замка Аргамона со всей Миленой воющей на луны.

— Мы должны попробовать!

Крик Рэя заставил Джейкоба съежиться у нее на коленях, но он прижал руку ко рту,

чтобы не заплакать, и она подумала, что кроме нее этого никто не услышал.

— Нет. Извини, Рэй, но я, в первую очередь, несу ответственность за всех здесь, а это значит, поддерживать нас в живых. Когда затмение пройдет.

— Когда затмение пройдет, половина других будет мертва и будет поздно, разве не понимаешь?

— А если мы попробуем пойти туда сейчас, тогда мы все умрем.

Грета вытянула руку вперед, чтобы остановить их спор прежде, чем вспомнила, что они не смогут ее увидеть.

— Я пойду.

— Что?

— Даже не думай, — сказал Вайат.

— Я знаю место, где ты и мальчики могли бы укрыться на пару дней. Когда я вас туда благополучно доведу, я проберусь к этой крепости Аргамона и осмотрюсь. Я не обещаю, что смогу спасти всех, но если предоставится шанс... я это сделаю.

— Тогда я пойду с ней.

Она ни за что не возьмет с собой Рэя. Зачем ей, ко всему прочему, брать с собой абсолютно непредсказуемого человека со взрывным характером.

К счастью, Вайат был того же мнения.

— Забудь об этом, — сказал он. — Я не хочу, чтобы кто-либо из вас был снаружи в центре этого сумасшествия.

— Честно говоря, так лучше, — вздохнула она. — У меня будет намного меньше шансов на гибель, попавшись на чей-то радар, если я не потащу всех вас за собой. И Рэй в одном прав: если мы оставим остальных детей гнить там во время затмения, то они станут подсадными утками. По крайней мере, если мне удастся вытащить их в лес, то у всех у нас будут шансы на ответный бой.

Вайат долгое время молчал, но Грета знала, что он согласится.

— Сколько времени тебе понадобится? — спросил он.

— Скажи мне ещё раз, где это место.

— На севере. Крепость выдолблена в горе, а ее уровни проникают глубоко в скалу, — сказал Рэй. — Но тебе не надо знать, потому что я отведу тебя.

— Нет, ты этого не сделаешь, — голос Вайата ожесточился, отбив у молодого человека желание спорить дальше. — Позволь Грете сделать ее работу, Рэй. Я верю в то, что когда она доберется туда и увидит возможность спасти других, то так и сделает. Чему я не доверяю, так это то, что ты будешь использовать то же разумное суждение, а я не могу пойти на риск и так безрассудно потерять тебя. Я нуждаюсь в тебе.

Рэй не ответил. Грета надеялась, что он смог понять мудрость решения Вайата, но враждебность, исходившая из его местоположения в темноте, была ощутима.

Все остальные притихли, когда Грета и Вайат продолжили планировать.

— Потребуется три часа, чтобы пройти к месту, где находится Люк, и это если сократить дорогу. Когда ты будешь там, ты сможешь найти достаточно еды и одеял, чтобы спустить их вниз.

— Вниз — это куда?

— Под коттедж. Это своего рода бомбоубежище, с настоящей стальной дверью, которую можно замуровать изнутри, — она не упомянула, что ее также можно было замуровать снаружи, как делал Люк, когда закрывал ее там. — Оно защитило меня во время прошлого

затмения, — она сглотнула. — Но оно достаточно большое для всех вас, если вы не имеете ничего против того, чтобы провести под замком пару дней.

Они обсудили еще несколько деталей, чтобы убедиться, что каждый знает, в чем состоит его работа, чтобы не было никакой путаницы, когда они столкнут камень с вершины горы. Грета использовала несколько упражнений, чтобы снять напряжение с мышц. Она чувствовала себя жесткой и болезненной, будто была сделана из механических деталей, которые заржавели, но она привыкла работать, игнорируя боль.

Наконец-то пришло время. Вайат и Рэй встали и оттолкнули тяжелую каменную плиту, пока свет не начал просачиваться внутрь, и они смогли увидеть друг друга впервые за несколько часов. Грета глубоко, облегченно вздохнула.

Все были запачканными и выглядели усталыми, но, казалось, никто не был ранен...

Обернувшись к Вайату, она вздохнула. Как она могла забыть о том, что он был ранен прошлой ночью?

— Вот черт. Вайат, почему ты ничего не сказал?

— Я в порядке, — возразил он. Две рваные царапины на его лице, прорезавшие насквозь бровь, скользили вниз по щеке, но были не достаточно глубоки, чтобы он лишился глаза. Другой глаз выглядел не лучше, веки опухли и приобрели глубокий оттенок фиолетового.

— Что случилось?

— Безумный гоблин.

Он остановился и посмотрел на нее исподлобья, затем помотал головой.

— Сейчас это не имеет значения. Давай, надо начать выдвигаться.

Когда Грета засомневалась, он с нетерпением повторил:

— Иди. У нас не будет много времени.

Она посмотрела поверх плеча Вайата на Рэя. Тот кивнул и пошел вперед, вставив самодельную стрелу в свой короткий лук.

— Я вернусь через пять минут, — сказала она, — а если нет, то этот камень закроется над дырой со всеми внутри.

Глава 18

Когда Грета вернулась к остальным, у неё появилась новая рана в предплечье и одышка.

Лес был не безопасен. Не для долгого путешествия. А доставить всех в бункер Люциуса не было простым делом... не то, чтобы на Милене хоть что-то было просто.

— Мы можем отправляться?

Рэй выступил из густого тумана перед входом в укрытие.

Она кивнула.

— Но это должно произойти сейчас, и мы должны быть быстрыми.

Они оба встали на колени по разные стороны огромного камня, который закрывал вход в пещеру. Рэй пять раз быстро ударил по камню, подождал немного, затем Вайат начал толкать камень изнутри, и все трое отодвинули плиту так быстро, насколько это было возможно.

— Быстрее, — прошептала она, помогая Джейкобу выбраться из дыры и передавая его Слоэну, который отвечал за него во время пути.

Грета руководила. Когда они шли, она сохраняла бдительность. Первые двадцать минут полной тишины могли бы дать ей ложное ощущение безопасности, если бы она не чувствовала беспорядочную слежку, даже не видя ее.

Небо было темным, тучи закрывали оба солнца и любой признак увеличивающегося затмения, но она могла видеть иголки, сорванные с деревьев и разбросанные на снегу. Она видела разорванные останки маленьких животных — слишком много — разбросанных по дороге, которую она выбрала.

Рэй подпрыгнул сбоку от нее.

— Что это было?

Она покачала головой и показала следовать за ней.

— Это не важно. Не важно, что ты слышишь... намного хуже остановиться. Продолжай идти.

Ее беспокойство и раздражительность усиливались по мере того, как долго они находились на открытой местности.

Грета вздрогнула от хруста в кустах справа, затем слева. Ее сердце стучало тяжело и быстро. Ночь кишела звуками, все они были ужасающими.

Она оглянулась. Вайат и Слоэн держали Джейкоба между собой. Лицо Вайата стало похоже на маску затененных углов. Слоэн скрывал свой страх. Он морщился и вздрагивал при каждом свисте и треске.

Кто-то позади нее споткнулся и резко заворчал.

Грета со вздохом обернулась. Найл помогал Джеку подняться на ноги.

— Он просто споткнулся.

— Ты в порядке? — спросила она, смотря поверх плеча Джека. Ее голос оставался сдержанным, но внутри она кричала им всем поторопиться.

Джек кивнул и смахнул снег со своих штанов.

— Я в порядке, пойдёмте дальше, — сказал он.

Что-то огромное вырвалось из корчащейся листвы. Оно сбило Найла, как кеглю, и приземлилось на Джека, отбрасывая остальных с дороги в кусты. Было трудно догадаться, чем оно было до затмения; но теперь, покрытый матовым черным мехом, как и все

остальное, оно имело набор очень длинных зубов и клыков, которые оно как раз уже использовало, чтобы разорвать Джека на части.

Крики других мальчиков разнеслись, как только Грета выругалась и побежала вперед. Она ударила существо ножом и засадила лезвие так глубоко, как только смогла. Существо упало на спину и зарычало. Кровь Джека покрывала его подбородок, а глаза сверкнули красным, как только оно бросилось к ней.

Грета ударилась спиной о землю и выронила меч, когда пыталась удержать яростное клещанье подальше от своего лица. Ее руки дрожали от напряжения. Эти зубы были в миллиметре от ее носа.

Вайат тут же пришел на помощь. Он схватил ее оружие и снова ударил существо в то же самое время, как одна из стрел Картера пронзила голову чудовища.

Оно плюхнулось на нее. Грета отбросила мертвое тело в сторону, не обращая внимания на кровь, струящуюся по рукам и одежде. Она встала, сердце билось в горле.

— Джек. Он...?

Найл держал плачущего Джейкоба, а остальные мальчики собрались вокруг тела убитого. Грету пробила дрожь, как только Слоэн повернулся к ней с заплаканным лицом и покачал головой.

Вайат пытался успокоить всех, но Грета смотрела вниз. Она не могла отвести глаз от безжизненного тела.

Еще один резкий звук раздался из густого леса.

Не было времени на предупреждение. Она схватила Найла и Джейкоба, отталкивая их за себя, как раз в тот момент, когда гном спрыгнул с деревьев. Он изменился, обычно они едва доставали ей до плеча, но этот был, по крайней мере, на два фута выше ее. Луковицообразная, деформированная голова размещалась между массивными, сгорбленными плечами. Коренастая фигура гнома опиралась на длинные мускулистые руки, которые ни один гном не смог бы выдержать без влияния затмения.

Костяшки его пальцев зарылись в землю, когда он увидел ребят, то поднял кулаки в воздух и взревел.

Вайат, Рэй и Слоэн образовали круг с малышами внутри, согласно плану по экстренным ситуациям. Она сомневалась, сказать ли им бежать или нет, но, в конечном итоге, решила, что если они столкнутся с неприятностями, то от разделения не будет ничего хорошего, в любом случае, мальчики окажутся в больших или огромных неприятностях.

Гном зарычал и прыгнул на мальчиков. Она метнулась между ними и подняла меч, и тот остановился. Глядя на нее, он сделал движение, которое, как она полагала, должно было означать ухмылку. Гном пробормотал что-то невразумительное, что звучало похоже на «Убить. Убить. Убить.»

- Это чувство взаимно, — пробормотала она, прежде чем разогреться, только чтобы остановить его от издевательства своим произношением. Но он просто приготовился, и, как только она наотмашь ударила его в грудь, то поняла, что это существо произносило не «убить».

Гном потянулся к ней.

— Ключ, ключ, ключ. Мастер хочет. Мастер требует.

Ключ?

Теперь гном привел ее в ужас. Она достаточно долго имела дело с Потерянными, чтобы такие резкие движения и рык перестали ее беспокоить... Но мысль о том, что это создание

смогло сохранить какой-то умысел вопреки действию затмения, которое превращает всех в безумных монстров; эта мысль говорила о мотивации более сильной, чем природа, более могущественной, чем луны.

Аграмон. Этот гном был одним из дьявольских созданий.

Он пришел за ней, но его тактика заметно изменилась. Гном больше хаотично не раскачивался в попытке уничтожить, он, в самом деле, пытался схватить ее.

Грета не теряла ни секунды. Ей не надо было знать, что, черт возьми, за ключ такой, и что делало ее такой важной для этого существа, раз он пытался побороть свои собственные мощные инстинкты. Не было времени для расследования, только смерть. Быстрая и окончательная.

Вайат бросил меч, она схватила его и отрубила вытянутую руку гнома одним махом. Прежде чем искривленный обрубок упал в снег, она вонзила лезвие в грудь и существо, испустив последний вздох, упало на землю.

Вся схватка была неприятной, а убийство, в конечном счете, слишком легким, но все остальное достаточно тяжелым. Выйти из битвы без лишней потери собственной крови стало благословением.

Почему же она была напугана?

Грета обернулась и увидела, что Вайат наблюдает за ней.

— Мы должны убраться отсюда прежде, чем кровь притянет ещё кого-либо из них, — сказал он, смотря вниз на тело Джека. В его горле стоял ком, но голос отдавал твердые команды.

Все запротестовали. Вайат был прав, но Грета не могла сдвинуться, не могла отвернуться от этого молодого лица покрытого кровью, невидящих глаз, уставившихся на нее. Все эти мальчики доверяли ей, а она подвела. Люди умирали. А она не могла гарантировать того, что больше не будет смертей, пока все не закончится.

— Грета, — Вайат схватил ее за руку и потряс. — Приди в себя. Ты нужна нам.

Она заставила себя отвести взгляд и кивнула Вайату, глубоко вдохнув. Никто не хотел оставлять Джека, но шум усиливался. Приближалось ещё больше существ. Не было выбора.

— Поспешим, — сказала она, наконец-то выдвинувшись вперед. Рэй встал впереди нее, а Вайат прикрыл тыл.

Прежде чем группа достигла границ владений Люка, Грета сразилась с ещё двумя гномами — ни один из них не был особо разговорчивым — и на них напало три существа, похожих на медведей. Она и Вайат стояли бок о бок против них, в то время пока Рэй и Картер держали луки наготове.

К счастью, никто больше не пострадал от серьезных травм... или потерь. К тому времени, как они достигли коттеджа, все были молчаливыми, усталыми и потрясенными.

Грета первой поднялась по ступенькам на крыльцо, чтобы убедиться, что здесь никто не поселился, с тех пор как она ушла. Девушка открыла дверь и остановилась, всматриваясь внутрь, но ничего не видя.

Вайат нашел ее там, рукой крепко прижимаясь к ее руке, выражая поддержку и мягкую настойчивость.

Она настороженно посмотрела на него, осознавая, что ее собственное лицо напоминало о каждом болезненном моменте, на которое она пыталась не обращать внимания в течение последней недели. Грета больше не могла сдерживаться.

Неделя. Боже, уже прошло сколько времени? Неужели прошла всего одна неделя?

— Не думаю, что могу войти внутрь. Последний раз, когда я здесь была..., - она качнула головой. — Вся та кровь, Вайат. Она все еще здесь, — прошептала она.

Он поднес руку к ее щеке и наклонился вперед. Отстранившись, Грета выразительно взглянула поверх плеча на мальчиков.

— Хочешь, я первым пойду внутрь?

Грета покачала головой.

— Нет, все нормально. У нас нет времени для моей слабости, — она посмотрела обратно на дом. — Если здесь никого не было, чтобы обыскать это место с тех пор... что ж, там, в шкафах, должен быть склад долгопортящихся продуктов и немного соленой кабанятины, и ты можешь взять столько одеял и всего, чего тебе понадобится для комфорта, сколько сможешь, пока меня не будет, — сказала она.

Когда они вошли внутрь, она заставила себя не закрывать глаза и все увидеть.

Дом был таким же как всегда. Заброшенным, но аккуратным и... чистым.

— Что за...?

Когда она последний раз выходила из этой двери с Айзеком, думая, что это будет в последний раз, здесь была катастрофа. Теперь же было так, будто неистовство, которое произошло здесь, было лишь ее воображением.

Сломанная мебель была убрана, пол вычищен. Грета бросилась через весь коттедж к двери спальни Люка. Ее не было. Ничего не было. Вся кровь была смыта, и как бы она ни приглядывалась, она не могла найти ни пятна на недавно отреставрированном полу.

— Айзек, — прошептала она. Проглотив комок в горле, она прижала ладонь к груди. Должно быть, он это устроил.

— Все в порядке?

Она открыла рот, но не смогла сказать, поэтому просто кивнула и сделала шаг назад. Вайат выглядел так, будто хотел что-то спросить, но не решался. Лишь его глаза говорили, выражая озабоченность и понимание, и в них было что-то темное... похожее на смирение.

— Я в порядке, — наконец сказала она. — Я лишь заберу несколько вещей. Потайная дверь находится под большим столом перед печкой. Иди и открой ее. Я скоро буду.

Губы Вайата сжались прежде, чем он повернулся и оставил ее одну в комнате Люка. Грета пыталась не думать об этом, когда спешила достать одеяла, которые нужны будут мальчикам и пыталась не смотреть на стены, которые были забрызганы кровью Люка. Хотя пятна были полностью смыты, в воспоминаниях она все еще могла видеть их следы.

Десять минут спустя они были готовы, настолько готовы, насколько когда-либо могли бы быть.

Она провела пальцем по ручке люка.

— Его можно держать закрытым изнутри, — сказала она.

— С нами все будет в порядке, — успокоил ее Вайат, очевидно заметив беспокойство на ее лице. — Каждый из нас был в местах и похуже, чем это. Сегодня днем затмение достигнет своего пика, так что еще лишь два дня, максимум три, если мы предположим, что на то, чтобы все снова улеглось потребуется столько же, сколько потребовалось и для начала.

— Мне очень жаль, — голос Греты задрожал. — Ты же знаешь... что это больше не...

— Если мы здесь будем в безопасности, то это все, что нам нужно.

Он выглядел настойчивым и уже говорил Грете не беспокоится; по крайней мере, темнота не доставит ему или мальчикам неудобств. Она боялась, что воспоминания о том, кто не выжил, будут мучить каждого из них.

Она восхищалась его силой. Даже если он ей врал, она никогда не узнает об этом. Ей важно, что он на самом деле думает о перспективе на два дня быть закрытым в подземной гробнице без света, он никак не проявлял это, а соблюдал достаточное спокойное перед другими, и она очень уважала его за это.

— Грета.

Она дернула головой.

— Прости.

— Иди.

Да. Она должна идти. Она уже вооружилась большим количеством оружия, сменила одежду, обработала свои раны. Ее нога и грудь горели от порезов оставленных когтями Лазаря, но как только кровь была смыта, она с облегчением обнаружила, что они были не так глубоки, как она сначала думала.

Она больше ничего не могла здесь сделать, и она должна была с пользой потратить время, пока ещё было светло.

Сделав глубокий вдох, она отложила куртку и засунула руку в карман.

— Что ты делаешь?

Ее пальцы сомкнулись на грецком орехе. Она вытащила его и передала Вайату, а затем потянулась к цепочке, висящей на ее шее, сняла и передала ему также и медальон.

— Что это? — спросил он, приподняв бровь и крутя грецкий орех в руке. Грета не могла это видеть, но помнила каждый гладкий контур ореха и знала наизусть ощущение бороздок. Он был в ее кармане, когда она прошла через портал. Дрю нашел его и дал ей в тот день, прежде чем побежать к ведьминой пещере.

— Ничего, правда, — она пожала плечами.

Он пальцами поймал цепочку и высоко поднял, прежде чем сжать медальон в руке и посмотреть на картинку внутри.

— Почему ты даешь это мне?

— Если я не вернусь...

— Не говори так, — рявкнул он, опустив медальон и протягивая ей.

Грета покачала головой, отказываясь забирать его.

— Эти две вещи — единственное, что у меня осталось из дома. Я хочу, чтобы ты сохранил их для меня.

Вайат посмотрел на нее, будто видел то, в чем она сама себе не могла признаться.

— Рэй, отведи мальчиков вниз в укрытие, — распорядился он. — Мне нужна минута, чтобы попрощаться с Гретой прежде, чем она уйдет.

Картер обнимал Найла. Они оба тихо плакали. По сути, все мальчики выглядели так, будто достигли своего предела терпения боли, смерти и переживаний.

Она не хотела покидать их.

Джейкоб подбежал к ней и обхватил руками ее ноги.

— Не уходи, — заплакал он.

— Прости, болтун. Я должна. Но ты будешь в безопасности здесь, с Вайатом, а я вернусь так, скоро, как смогу, — пообещала она, наклонившись, чтобы обнять его в ответ.

— Слоэн сказал, что Джек не вернется, — прошептал он, с трудом сглотнув и прижавшись лицом к ее животу. — Что если они схватят тебя, как схватили его?

Она сглотнула, вспомнив кровавое тело Джека, его крики.

— Я буду осторожна, обещаю.

Он повернулся с заплаканным лицом.

— Я буду скучать по тебе. Ты не забудешь обо мне?

— Как я смогу когда-либо забыть о тебе?

Его пальцы ухватились за складки ее куртки, будто страхась отпустить.

— Есть много вещей, о которых я не могу вспомнить, с тех пор как попал сюда, и если ты не вернёшься, то боюсь, что забуду и тебя.

Ее сердце болезненно сжалось, и она посмотрела на Вайата, чьи глаза все еще были неистовыми и темными. Он сжал руки по бокам в кулаки.

Вновь посмотрев на Джейкоба, она сказала:

— Я не буду долго отсутствовать, поэтому ты не успеешь меня забыть.

Боже, она надеялась, что это правда.

— И в то же время мне необходимо, чтобы ты был сильным и храбрым, хорошо?

Он кивнул и икнул, обняв ее снова.

Рэй взял Джейкоба за руку и мягко увел его прочь. Его голос был хриплым и взволнованным, но она была поражена тем, как он держался.

— Давай же, большой парень. Шевели булками. Слоэну понадобится твоя помощь в организации снабжения.

Улыбка Джейкоба сквозь слезы растопила ее сердце.

— Возвращайся скорее, хорошо?

Грета встала и осмотрела их всех. Слоэн кивнул. Чарли стоял ближе к Найлу и Картеру. Они все выглядели напуганными.

Наконец, Вайат взял ее за руку и провел к выходу.

— Это не прощание, — проворчал он. — Так что не смей говорить им «прощай».

Она напряглась.

— Вайат, будь реалистом...

— Я должен был бы пойти с тобой. Или ты должна была бы остаться здесь.

— Мне надо идти. Рэй прав. Эти дети в крепости Аграмона заслуживают шанс на борьбу, — она вздохнула и указала позади себя внутрь здания. — А кто-то должен защищать их. Я не могу потащить всех за собой и в то же время заботиться об их безопасности. Они будут в большей безопасности здесь, но им нужен ты.

— Просто сделай все, чтобы вернуться, потому что ты им тоже нужна, — он остановился, его взгляд стал угрюмым и пронизательным. — Ты нужна мне.

Ее рот раскрылся от шока.

Он нервно засунул руки в карманы своих штанов.

— Я знаю, это сложно, но я не могу перестать думать о тебе.

— Только потому, что я первая девушка, которую ты увидел после стольких лет, — твердо сказала, отодвигаясь.

Он взял ее за руку.

— Это намного больше, чем это. И я думаю, что ты тоже это чувствуешь.

— Вайат, я не думаю, что сейчас...

Он притянул ее ближе и наклонился. Она знала, к чему это вело, и сделала резкий вдох. Его губы дотронулись до уголка ее рта, теплые и нежные.

И настоящие.

Сначала он был неуверенным, и она почти смогла убедить себя в том, что это был лишь платонический, «возвращайся-целой-и-невредимой» поцелуй. Но затем он передвинулся,

полностью закрыв ее губы, больше не было никаких сомнений о том, что он имел в виду.

Ее рука дрожала, пока она наконец-то не дотронулась пальцами до его руки. Грета пыталась не сравнивать его с Айзеком, но это было так трудно.

Айзек был напористым, приводящим в ярость и уверенным. Настоящий или нет, его взрывной поцелуй вспенивал и так уже бурные чувства, бушевавшие между ними, в то время, как Вайат был милым и нежным, и немного неловким. Он заставил ее желать зарыться в нем и позволить увести прочь от всего остального.

Грета знала, что если остановит его сейчас, то все закончится. Он будет уважать ее и никогда не сделает другой попытки, если только она не сделает первый шаг. Но она не остановила его, и он обхватил ее за талию, его поцелуй углублялся по мере того, как он набирался уверенности. Вайат прижался телом и губами к ней, будто хотел удостовериться, что она не забудет о том, что он будет ждать ее возвращения.

Этот поцелуй стал обещанием, которое Грета не была уверена, что сможет когда-либо принять, даже если они оба выберутся из этого затмения на другую сторону живыми.

Она со вздохом выпуталась из объятий, прижав пальцы к губам. Он смотрел на нее на протяжении долгой минуты, прежде чем кивнул и отошел назад, чтобы прислониться спиной к дверной рамке коттеджа.

Она собралась с силами.

— Я должна идти.

— Прежде, чем ты уйдешь, мне надо спросить тебя, — медленно сказал он. — Кем этот гоблин был... для тебя?

— Что? — она запинаясь, пальцы дрожали от волнения у шеи. — Я не понимаю, о чем ты?

— Гоблин, — повторил он, — он появился в нашем лагере из ниоткуда в поисках крови. Он уже был готов забрать мою жизнь. Я думал, что умру, пока он не услышал твой крик. А затем он отбросил меня, будто плохую привычку, чтобы пойти за тобой. Не хочешь рассказать мне почему?

Она вздрогнула, когда посмотрела на тонкие красные полосы от удара на его лице.

— Нет. Вообще-то не хочу.

— Что между вами обоими?

Она посмотрела в сторону. Ее рот открывался и закрывался, но не выходило ни звука.

— Я видел, как он смотрит на тебя, Грета. Это сильнее затмения. Он смотрел на тебя так, будто бросал вызов закону, лунам и самой Великой Матери...

— Это сумасшествие, — прервала она его. — Как ты вообще мог увидеть все это? Во-первых, было темно, хоть глаз выколи, и...

— Я увидел это, потому что чувствую то же самое. И потому, что я знал еще до того, как он появился, что было что-то, о чем ты мне не рассказывала.

Ее грудь сжалась.

— Ты прав, я не все рассказала тебе о себе. Но кто сказал, что я обязана открывать душу перед каждым, с кем только познакомилась?

Он посмотрел на нее.

— Это не честно.

— Похоже, что нет, — согласилась она, — но таковы многие вещи. У меня сейчас нет на это времени, Вайат.

— Нет, думаю, нет. Просто скажи мне, что он больше не преследует тебя, а я

постараюсь поверить.

— Он не придет за мной, не после той битвы, — Грета опустила глаза и тяжело сглотнула. — И даже если... он теперь Потерянный. Что означает, что если мы пересечемся, то я отнесусь к нему так же, как и к остальным.

Он взмолился:

— Возвращайся, слышишь меня?

— Конечно. Что может случиться?

Она натянула на лицо самоуверенную улыбку, которая никого не смогла обмануть.

Выражение его лица стало таким мрачным, что она тут же почувствовала необходимость в более расширенном ответе.

— Послушай, ты был прав в одном. Теперь у меня есть, что терять, поэтому я вернусь, — прошептала она. — Ты снова увидишь мое лицо... нравится тебе это или нет.

— Хорошо.

Она сделала дюжину шагов, прежде чем обернулась и посмотрела назад. Он все еще стоял там, смотря на нее, и она помахала рукой, запоминая его лицо.

С каждым шагом, который уводил ее все дальше, Грета все больше убеждалась в том, что должна была попрощаться.

Грета все ещё была у границ земель Люка, когда она остановилась и обернулась.

— Рэй, покажись, или я клянусь, что буду драть твою глупую задницу на протяжении всего пути во время возвращения в коттедж.

Они шагнул вперед без малейшего намека сожаления на лице, но с большой самоуверенностью.

— Почему бы тебе не вернуться и не помочь Вайату защищать остальных?

Он пожал плечами.

— Вайат не нуждается во мне. А ты — да.

Грета засмеялась.

— Да что ты.

— Я лишь на год младше тебя, — подчеркнул он.

Она приподняла бровь.

— Это так, но я все равно не хочу, чтобы ты шел со мной.

— Ну, назад я не пойду, так что тебе лучше взять меня с собой, иначе понесешь груз ответственности за мою смерть от рук сошедших с ума сказочных существ.

— Это нечестно по отношению к Вайату. Он будет ужасно волноваться, когда поймет, что ты пропал.

— За какого же безответственного дурака ты меня принимаешь? Я бы не ушел, не сказав им, и я бы не ушел, если бы не был уверен в том, что он сможет справиться сам. Он знает, куда я направляюсь..., и он знает, что не может заставить меня остаться.

Она покачала головой.

— У него больше терпимости к идиотам, чем у меня.

— И не говори.

То, как он посмотрел на нее сверху вниз, дало понять, что ее с лёгкостью можно было отнести в эту же группу.

Без дальнейших слов она отвернулась и продолжила путь.

— Так я могу пойти с тобой?

Он поспешил за ней, чтобы догнать.

Она резко развернулась и ткнула пальцем ему в лицо, как только он остановился перед ней.

— До тех пор пока ты понимаешь, что не является моей задачей. Я знаю, о чем ты думаешь, Рэй, но я не буду потворствовать твоей взбалмошности. Тебе повезло, что в данный момент наши цели совпадают, но, если в какое бы то ни было время, наши с тобой цели разойдутся, то ты будешь сам по себе.

Грета ненавидела этот обиженный взгляд, который он пытался спрятать за праведным гневом, но отказывалась нянчиться с ним. Она напомнила себе о том, что он не был ребенком, и она оставит его, если он встанет у нее на пути или поставит под угрозу их жизни своим безответственным поведением.

— Отлично. По крайней мере, теперь я понимаю своё положение, — рявкнул он, плотно сжав губы.

— Хорошо, я рада, что мы это выяснили, — проворчала она. — Указывай дорогу.

Она вытянула руку, пропуская его вперед.

Сначала они передвигались медленно и осторожно. Но вскоре она ускорила темп, и они бегом пробирались через лес. Ей пришлось разок остановиться, чтобы вновь проверить повязку на ноге, но, похоже, что та хорошо держалась.

На протяжении следующих пары часов, ей и Рэю удалось достигнуть некоторой согласованности в действиях, и даже если они редко переговаривались, то так было даже лучше.

Грета должна была отдать ему должное, мальчик был больше, чем просто способен управляться с луком, когда этого требовала ситуация, которая появлялась все чаще, и даже лучше, что касалось бесшумных вещей, чем она.

Они приблизились к проходящей мимо справа от них стае огров, которые превратились в огромных гигантов, рычащих друг на друга, с окровавленным телом большого мужчины-гоблина. Рэй тихо обошел их, но Грета замерла, будто олень, пойманный парой лучей света, неспособная двигаться, пока не удостоверилась, что тело, разорванное в клочки, не принадлежало Айзеку.

К тому моменту, как она очнулась и хотела последовать за Рэем, он исчез. Она осмотрелась, но не нашла и следа от него. Когда же он внезапно появился возле нее за пару метров, она подпрыгнула.

— Я же говорил тебе, что могу постоять за себя, — сказал он с усмешкой.

Она толкнула его в плечо, но с этого момента она больше не скажет ему, что он ее тормозит.

Когда они достигли горного перевала, была середина утра. Рэй присел на снег позади высокой горной породы, ожидая ее.

— Начиная отсюда, дело станет действительно тяжелым.

— Ох, ладно, — пробормотала Грета, с сильной дрожью пряча свои руки в перчатках в подмышки. Ну, почему температура всегда падала, тогда когда она не была поблизости от горящего огня? Еще одно доказательство, что это место было против нее. — Куда мы идем?

Она осматривала стену, находящуюся впереди узкой дорожки, которая вела в горы.

Рэй помотал головой и указал...

...наверх

— Нам надо добраться туда.

— Что? — ее челюсть отвисла, как только она подняла взгляд на каменную стену перед ними. Грета почувствовала начинающийся тик в левом веке. — Разве нет другого пути попасть внутрь?

— Конечно. Если хочешь пройти через парадную дверь и оказаться окруженной всеми, кто служит Аграмону. Иначе, взбираемся наверх. Примерно на высоте пятиста футов есть маленькое отверстие в скале. Не думаю, что кто-либо знает о нем...

— Как ты можешь быть уверен?

Он пожал плечами.

— В последний раз, когда я здесь находился, было достаточно легко войти и выйти оттуда.

— И когда это было?

— Примерно один лунный цикл назад.

Грета покачала головой.

— А что если с тех пор они нашли этот второй вход, и теперь он охраняется?

— Думаю, тогда удача отвернется от нас, и нас убьют.

— Разве у нас не должно быть плана «Б»?

— Если у тебя есть другой вариант, то я буду рад его послушать.

Грета потеряла виски и застонала. Она посмотрела на верх, отмечая близкое расположение солнц и лун. Приближалось полное затмение, и очень быстро. Теперь это может случиться даже через час. Если они смогут добраться до поверхности утеса и проникнуть внутрь, то они, в любом случае, окажутся в зоне битвы.

— Хорошо, значит, будем взбираться, — ей пришлось рассмеяться. Если бы она этого не сделала, то было бы сложнее справиться со всей ситуацией. — Начинай. Ты пойдешь первым.

— Не волнуйся, — Рэй пошел вперед, осторожно обходя скалу. — Они лишь гномы. Отвратительно выглядящие дураки, но я уверен, что ты сможешь с ними справиться.

Она фыркнула, следуя за мальчиком и рассматривая крутую дорогу, уходящую в верх. Грета не посчитала нужным упомянуть, что помимо темных, замкнутых пространств, высота была наименее любимой вещью. Хотя он мог скоро догадаться об этом, потому что если он будет дышать ей в затылок, заставляя взбираться по этой штуке, то у них будут серьезные проблемы.

Она наблюдала за тем, как за меньше чем десять секунд, Рэй забрался на поверхность отвесной скалы. Он сделал это так, что это выглядело легко, но она знала, что это будет адски трудно.

— Ох, конечно. Это не так уж и высоко, — пробормотала она, смахивая снег с маленького уступа, прежде чем ухватиться за него уже замерзшими пальцами. — И вообще, всего пару гномов. Никаких проблем.

Найдя соответствующий выступ для ноги, она поднялась и затем остановилась, уже озадаченная тем, как сделать следующий шаг. Она посмотрела вверх.

— Сколько их внутри, напomini-ка?

Рэй посмотрел вниз.

— Ты собираешься спуститься?

— Разве это выглядит так, будто я собираюсь спуститься? — крикнула она в ответ.

— Выглядит так, будто у тебя трудности в поднятии наверх. В восьми дюймах над твоей головой есть одно место. Схватись за него левой рукой и затем подними правую ногу примерно на два шага. Там есть узкий горный кряж, это должно сработать. Да, примерно так. Теперь прижмись телом к скале и тянись вверх. Хорошо.

Даже несмотря на то, что она была лишь примерно на семь шагов над землей, уже было невозможно смотреть вниз. Вместо этого она посмотрела вверх, на место между лопатками Рэя, и задалась вопросом, разобьются ли ее кости, если она упадет с такой высоты.

— Разве у нас не должна была быть веревка или нечто похожее, на случай если кто-то из нас...

Она вскрикнула, как только что-то внезапно схватило ее ногу снизу. Паника заставила желудок напрячься, а рот закрыться. Грета схватилась за маленький выступ в скале так сильно, насколько могла и посмотрела вниз.

Прямо на искривленные черты Айзека. Так наполненные гневом, голодом, сумасшествием.

Он жив!

Возможно, ей лишь показалось узнавание на его лице? Что он не полностью проиграл затмению? Даже когда он прорычал на нее, она все еще могла видеть его душу в этих

свелящихся глазах.

— Грета, держись!

Снег упал ей на плечи и лицо, как только Рэй продолжил взбираться.

Под ней находился Айзек с длинными вытянутыми руками, когти разорвали тонкую кожу ее ботинка и болезненно впивались в лодыжку, он мог достать ее. Если бы только она меньше волновалась о падении, а поспешила бы взобраться на стену.

— Грета, — больше похожий на рев, его голос заставил ее сердце вздрогнуть.

Он потянул за ногу. Ее коленка согнулась, но она пришла в себя и пыталась удержаться.

Когти вошли глубже. Девушка закричала. Свирепость в его глазах ранила ее, заменила всю боль страхом и сожалением. Она не могла вынести видеть его таким: опустившимся до всей природной жестокости и ярости.

Она начала брыкаться. Пытаясь сделать так, чтобы он ее отпустил, Грета ударила каблуком в лицо. Но он лишь держал ещё сильнее.

— Айзек, не делай этого. Пожалуйста, — умоляла она, прижимаясь щекой к замерзшей скале. Он лишь сильнее потянул. Ее хватка ослабла. Она закричала и сильнее впиалась пальцами в выступ скалы, но если будет ещё один такой рывок, то она рухнет на землю к его ногам.

Что-то пронеслось над ее головой, и в его грудь воткнулась стрела, чуть выше сердца. Она вскрикнула.

— Нет! Айзек!

Его хватка вокруг ее лодыжки ослабла, и он с ревом, наполненным яростью и болью, отпустил ее. Она посмотрела наверх и увидела Рэя, стоящего на краю узкого выступа высоко над ней. Он уже зарядил следующую стрелу. Готовясь ещё раз выстрелить, молодой человек прицелился прямо в сердце Айзека.

— Рэй, стой, — выкрикнула она. — Не стреляй в него.

Вытянув руку над головой, она ухватилась за другой выступ в скале и потянулась. Отчаянье придавало ей скорости, но она оказалась не достаточно быстрой; Рэй выпустил еще одну стрелу.

— Съешь мой хвост, придурок.

— Рэй, нет!

Она дотянулась до уступа и перешла на него. Прыгнув вперед, она оттолкнула лук в сторону и встала перед ним.

— Что ты делаешь? — рявкнул он.

Обернувшись, она посмотрела вниз, но Айзека там не было. Ни мертвого гоблина, лежащего перед скалой, ни яростного гоблина, взбирающегося по скале вслед за ними.

— О, Боже. Это не хорошо. Куда он делся?

Осматривая лес, Грета не знала, что больше тревожило ее: мысль о сошедшем с ума от луны Айзеке, поджидающего их где-то, или мысль о той стреле, торчавшей из его груди.

— Давай же. Мы должны спешить, — Рэй потянул ее за руку. — Затмение сейчас достигло своего пика.

Это было не совсем так, но у них не оставалось времени проверить, пока это станет правдой.

Так сильно сосредоточившись на Айзеке, она даже не заметила, что небо в мгновение стало полностью чистым, будто редко падающий снег не осмелился ни на что посягнуть в этот самый момент. Но сейчас, когда луны почти полностью выстроились в ряд напротив

солнц-близнецов, оно потемнело.

Грета позволила Рэю взять на себя инициативу, когда они протиснулись сквозь небольшую трещину в скале и оказались в темном туннеле. Медленно она вытаскила свой меч.

— Я хочу, чтобы теперь ты оставался позади меня, - прошептала она.

Даже этот тихо прозвучавший звук отдался в темном туннеле, и она посмотрела вперед и назад, ожидая увидеть громил Аграмона, направляющиеся на них со всех сторон.

Теперь, когда Рэй доставил ее сюда, у него, казалось, не было возражений позволить ей взять на себя ответственность.

— Налево, — прошептал он ей в спину. — Около пятисот шагов.

Она кивнула и глубоко вздохнула.

Несмотря на то, что было темно, в стенах пещеры тут и там были трещины, пропускающие немного света. Грета поняла, что это место, должно быть, было частью большей пещеры, но по какой-то причине потолок рухнул, и все, что от нее осталось, лишь этот узкий проход.

Со следующим шагом ее нога повисла в пустоте. Она споткнулась и упала бы, если бы Рэй не схватил ее за руку и не вытаскил резко обратно.

— Прости, — прошептал он. — Я забыл упомянуть, что здесь небольшая пропасть.

Она посмотрела назад, поверх плеча.

— Да, было бы хорошо об этом знать.

Он лишь пожал плечами.

Грета помотала головой.

— Куда теперь?

— С этим немного сложнее.

— Замечательно. До этого момента все было только прогулкой в парке.

Она уставилась вниз. «Небольшая яма» была, на самом деле, пустотой, которая тянулась на не меньше, чем пару сотен футов прямо вниз. Она могла видеть дно, и то только благодаря огромным огням, вспыхивающим из разных мест в земле.

Грета не хотела думать о том, что же происходило там внизу прямо сейчас.

— Мы должны встать туда и плотно прижавшись к стене добраться до другой стороны. Там есть туннель, ведущий вниз к клеткам.

У нее как раз было плохое предчувствие, что он скажет нечто подобное.

— Ты выглядишь обеспокоенной, — сказал он. — Будешь ли ты в состоянии сделать это?

— Полагаю, у меня нет особого выбора, не так ли?

Действительно она была по-глупому напугана. Мысль о том, чтобы протянуть руку или ногу над бездной, которая может поглотить ее целиком и разбить каждую косточку в ее теле, если она упадет, была в десять раз страшнее, чем то, что она чувствовала, взбираясь по той стене, хуже, чем перспектива столкнуться с любым количеством Потерянных.

Она могла бы пойти и первой. Если камень обрушится под ней, и она упадет, то Рэй, по крайней мере, будет чувствовать вину за ее смерть всю оставшуюся жизнь.

Подойдя к краю, она осмотрелась вокруг. Вдоль стены проходил узкий, но достаточный для прохода выступ. Не думая, что собирается сделать, Грета вступила на него и прижалась всем телом к твердой поверхности, отказываясь смотреть вниз.

— Черт, черт, черт.

Продвижение было медленным, и она делала это, в основном, с закрытыми глазами.

Только раз у нее замерло сердце, когда она потеряла равновесие и цеплялась, чтобы прижаться спиной к стене, девушка, наконец, достигла другой стороны и ждала Рэя, пытаясь хоть немного успокоить бешено колотящееся сердце.

Он быстро присоединился и с усмешкой спрыгнул вниз рядом с ней. Его дыхание даже не было тяжелым, придуток.

Не говоря ни слова, они пошли вдоль коридора, который неуклонно вел вниз по спирали, направляясь все глубже и глубже в сердце гор. Поначалу все, что она могла слышать, были звуки собственного дыхания и мягкое звучание шагов по грязи, но достаточно скоро Грета начала улавливать и другие звуки, звуки леденящие кровь.

Визжание, крики и рычание существ, которые не могли быть человеческими.

Каждый шаг приближал их к этому сумасшествию, усиливая тревогу и убеждая ее в том, что они придут слишком поздно, чтобы спасти кого-нибудь.

Она приподняла руку, чтобы дать сигнал Рэю и прижалась к стене. Он остановился прямо позади нее, уткнувшись ей в плечи.

В нескольких шагах от них коридор вел, очевидно, к огромной камере, которую они обошли сверху. Хаос вокруг был очевидным свидетельством того, что затмение стало полным и не оставило ни одного существа незатронутым. Высоко горели огни, но здесь температура не имела ничего общего с теплом, а скорее с тем, что гномы, огры и другие искаженные существа, которых Грета не могла распознать, пытались убить друг друга.

— Давай, угадаю. Нам надо пройти мимо них.

— Клетки расположены на другой стороне, — сказал Рэй, — Но, возможно, они будут настолько увлечены уничтожением друг друга, что не заметят нас.

Это было оптимистической мыслью, но она сомневалась, что он верил в свои слова.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты ушел отсюда сейчас же.

Грета сняла свой длинный плащ, чтобы подготовиться к битве, и вытащила меч.

Рэй просто скрестил руки на груди и ждал.

— Черт возьми, — она покачала головой и вздохнула, — тогда сделаем так. Мы побежим. Ты остаешься поблизости, прямо позади меня. Мы не будем пытаться разобраться с ними со всеми. Просто убираем тех, кто подойдет слишком близко, и будем надеяться на лучшее.

Рэй кивнул. Его лук был наготове, в глазах отражалось согласие — его выбора и последствий, возможно, его приближающейся смерти.

— Прости, что втянул тебя в это.

Это была красивая ложь, но Грета не винила его за это. Она хотела бы сказать ему, что они пройдут через это. Вместо этого, она преподнесла ему правду.

— Ты не втягивал меня, Рэй. И не списывай нас со счетов раньше времени. Я устала быть выплюнутой, избитой и расцарапанной. Я настроена на некоторую месть.

Повернувшись к пасти искореженного грота, Грета выждала момент, пока увидела проход между ними — маленькую трещинку в толпе справа вдоль стены комнаты.

— Готов?

Она не дождалась его подтверждения и бегом бросилась прямо вперед, доверяя, что он будет придерживаться плана.

Может потому, что их внезапное появление было таким неожиданным, или может Рэй

был прав и приспешники Аграмона были охвачены суматохой из-за затмения и слишком веселились, лупя друг дружку, но они смогли пройти половину пещеры, прежде чем их атаковал первый огр.

И тут их везение закончилось. Он был большим, а взгляд, появившийся у него на морде, как только он их заметил, заставил ее почувствовать себя рождественской индюшкой для голодного человека — индюшкой, которую ещё надо было поймать.

Грета не остановилась. Вместо этого она побежала быстрее и в последнюю минуту наклонила голову, ударяя огра плечом, пользуясь моментом настолько, насколько это было возможно. Когда он отшатнулся назад, Рэй всадил стрелу в его левый глаз.

Никто из них не останавливался, просто продолжали бежать, но их небольшое преимущество неожиданностью прошло. Один за другим, рычащие головы останавливались и поворачивались. Тела бросились на них. Грета начала нападать. В ее оборонительных движениях не было утонченности, главное — выжить.

Она перерезала плотку гному, прежде чем закружилась по кругу, чтобы увидеть, как другой нападает на Рэя.

— Позади тебя!

— Грета!

Он поднял свой подбородок над ее плечом и натянул лук.

В танцующем движении они поменялись местами, и Грета встретила гоблина, который хотел напасть на него в то время, как стрела Рэя нашла свою мишень в огре, который был близок к тому, чтобы разломить ей череп своими огромными дубинками вместо рук.

— Черт.

Посмотрев влево и вправо, она поняла, что потеряла из виду место, куда они направлялись — не то, чтобы это было так важно, ведь смерть наступала на них со всех сторон.

Внезапно, Рэй упал, получив сильный удар в лицо от гнома со светящимися, маленькими глазами-бусинками и с зубастой ухмылкой на перекошенной морде. Прежде, чем она смогла сделать что-нибудь, чтобы помочь, за косу Греты жестоко дернули, и ее голова откинулась назад.

Ее меч со стуком упал на землю. Толстые пальцы схватили ее за горло, а она чувствовала горячие дыхание существа на щеке. Судя по размерам тела за ее спиной, она была схвачена огром — огром, который собирался закусить ею.

Она пиналась ногами, толкалась локтями и царапалась, одновременно беспомощно наблюдая, как били по ребрам и животу Рэя.

К драке присоединился еще один гном, надеясь отхватить себе от человека, лежащего на земле, и оба повернулись друг к другу, предоставляя Грете долю секунды. Но, несмотря на все, что она делала, огр не поддавался, а давление на ее горле то и дело забирало из нее силы. Они не смогут выбраться.

Сквозь приглушенный стук в ушах, она услышала звуки суматохи, доносящейся через всю комнату. Ее противники тоже заметили это. Грете было все равно, что, черт возьми, происходило, она лишь знала то, что это было тем, что отвлекало внимание, которое она могла использовать, и сильно впиалась ногтями в кожу огра. Ее пальцы нащупали кинжал, висящий на поясе. Она вытянула его и, направив руку назад, всадила его в толстую, твердую мышцу огра. Он, наконец-то, отпустил ее.

Быстро обернувшись, она проигнорировала его разъяренные вопли, взялась за кинжал

поудобнее и резанула по горлу существа.

Не дожидаясь, чтобы увидеть упадет он или нет, она тут же пошла за своим мечом и затем бросилась на гномов находящихся над Рэйем, беспощадно размахивая мечом, пока не добралась до него.

Он лежал, плотно сжавшись в комок, неподвижный. Кровь заливала раны на его лице, но когда она протянула руку, чтобы проверить пульс, он отпрянул и зарычал на нее. Хорошо. По крайней мере, он был жив.

— Это я, Рэй. Я добралась до тебя, — сказала она. Он сел и попытался приоткрыть свои заплывшие глаза. — Давай же, — настояла она. — Осталось ещё немного. Мы можем сделать это без проблем.

— Врунья, — прохрипел он, но заставил себя подняться на ноги. Она протянула ему свой клинок, поскольку его лук, разбитый на три части, лежал посреди грязного пола.

Грета снова направилась вперед, на этот раз медленней, чтобы Рэй успевал за ней. Это заставило ее сразиться с еще большим числом приспешников Аграмона, но, как ни странно, они не были ошеломлены. Какая бы суматоха не вторглась в эту камеру, Грета была рада ей, поскольку это отвлекло внимание существ.

Все же, что бы это ни было, она и Рэй направлялись именно туда.

— Грета!

С тяжелым напором она прикончила гнома, стоявшего перед ней, и обернулась, чтобы сразиться с двумя другими, наступающими на них сзади.

Ее сила ослабевала. Раны на груди и бедре болезненно растягивались, ее горло горело, а перегруженные мышцы кричали, когда она парировала и блокировала, но все еще не было признаков перерыва. Несмотря на все тела, устилающие пол в ходе битвы, казалось, будто Грета не сделала даже вмятину в этой толпе. Они продолжали прибывать, их так много, что она не видела способа покинуть эту комнату живыми.

Гном хотел ударить ее в лицо, но она вовремя уклонилась, только для того, чтобы быть сбитой с ног. Она тяжело упала, дыхание выбилось со свистом, и зубы жестко заскрежетали друг о друга. Прежде чем она смогла поднять руки в защиту, гном прыгнул на нее.

Рэй закричал. Казалось, это было где-то далеко, и на нее нахлынуло чувство паники, что он мог быть беззащитным. Это придало ей волну адреналина, и она блокировала атаку гнома, прежде чем он смог сломать ей шею. Два ряда острых зубов заклацали в дюйме от ее лица. Его губы и подбородок покрылись кровью, и пена потекла из его рта, будто у бешеной собаки.

Как раз тогда, когда она решила, что сможет и дальше держаться, существо приподняло прочь от нее и бросило в сторону, как шар в боулинге на приближающуюся орду.

Грета заставила себя забыть про боль и вскочить на ноги с мечом в руке, дико оглядываясь по сторонам. Рэй был рядом с ней, и она пододвинула его ближе, оглянувшись вокруг, заметила в паре дюймах от себя огромного гоблина.

Айзек.

Было ли причиной тому затмение, ярость битвы, Рэй, выстреливший в него снаружи, или комбинация всех троих происшествий, король гоблинов полностью обратился.

Огромный. Злой. Кожа почти черная. Зубы скрежетали. Руки сжались в толстые кулаки. Глаза горели свирепым, диким огнем.

Грета подняла клинок, сердце совершенно пустое. Она не хотела, чтобы все зашло так далеко.

— Айзек, — прошептала Грета. Даже в таком состоянии она не могла думать о нем, как о монстре. Настоящий Айзек должен все ещё быть где-то там.

Ее горло сжалось. Произносить его имя казалось теперь таким привычным, таким правильным. Что однажды было проклятьем, теперь стало удовольствием, ее последней связующей ниточкой с тем парнем, который вторгся в ее тщательно охраняемое сердце и помог ей принять себя такой, какой сделал ее этот мир.

— Грета, — его голос прогрохотал над ней, будто сталь завернутая в бархат, поражающий своей контролируемой ясностью. — Пойдем.

Она могла ощущать напряжение в нем — между чудовищем и человеком — и была поражена грубой силой его воли.

Грета решила довериться силе Айзека.

— Рэй, пошли, — крикнула она. Когда он заколебался, она подхватила его за руку и потянула за собой. — Он не причинит нам вреда, — пообещала она.

У Айзека был короткий разговор со всеми, кто встречался им на пути. Когда они достигли другой стороны камеры и прошли через широкий дверной проем, вырезанный в скале, он остался позади, чтобы никто не мог последовать за ними.

Рэй помчался прямо вниз по темному коридору.

— Нам сюда!

— Подожди, — позвала она его, оборачиваясь назад. — Айзек, быстрее! Я не уйду без тебя.

Гоблин сильно ударил гнома кулаком и отправил его в обратный полет, прежде чем рыкнуть на нее поверх плеча, но затем переступил через порог, смотря сверху на разбросанные вокруг камни. Его взгляд остановился на особенно большом куске. Она знала, что он хочет попытаться сделать.

Грета задержала дыхание, как только Айзек поднял массивный валун на свои плечи, натужно взревев. Он подскочил вперед и выпустил его из рук, прямо в камень над входом в камеру, вызывая каскад камней сыплющихся вниз и блокируя путь.

Эхо грохота разнеслось по всей горе.

Грета схватила его когтистую руку и потянула за собой, бегом направляясь к Рэю.

— Где клетки? — спросила она.

Он указал вниз на узкий коридор.

— Туда.

Айзек схватил ее за руку. Когда она повернулась к нему, он покачал головой.

— Нет.

— Что «нет»?

— Уходи.

Он начал толкать ее в противоположном направлении.

Она отдернула руку.

— Я не могу, — сказала она. — Не без остальных.

Он смотрел с негодованием, свирепо и дико, будто ее отказ может вот-вот подтолкнуть его к абсолютному безумию.

— Ты нужна Аграмону, — сказал он сквозь зубы. — Чтобы дополнить круг и придать

его заклинанию силу открыть портал. Не могу позволить ему.

— Какое заклинание? О чем ты говоришь?

— Он здесь узник. Хочет открыть врата, вырваться в свой мир.

— Почему он просто не заставит Ламию открыть их для него?

— Магия ведьмы... не достаточно могущественна, чтобы разбить заклинание, которое удерживает его здесь.

— Мы можем заставить Аграмона использовать свое заклинание, чтобы отослать всех людей обратно домой, — сказал Рэй.

Айзек зарычал на парня, сделав угрожающий шаг вперед. Грета остановила его. Когда он повернулся к ней, она смогла увидеть, что он борется против неистовства затмения.

— Дай угадаю, — сказала она. — Заклинание, которое состряпал Аграмон требует человеческого участия, чтобы заработать, не так ли?

Айзек кивнул.

— Человеческая кровь.

Ну, конечно.

— Если все это правда, — сказал Рэй, — если Аграмону требуется человеческая кровь, чтобы активировать свою магию, тогда почему он заставил нас работать в качестве рабов? Почему он просто не убил нас?

Без огней в камере, которые давали им немного света, она бы ничего не могла увидеть, кроме громадной, неповоротливой тени Айзека... и свечения его глаз. Теперь он почти не обращал внимания на Рэя, он полностью сфокусировался на ней.

— Она должна быть особой, — послышалось тихое ворчание. — Человеческое дитя по особой кровной линии. Остальных используют для постройки... алтаря.

Она так крепко сжала руки, что кончики пальцев онемели. Как и ее губы, ноги и пальцы ног. Она чувствовала себя отделенной от своего собственного тела — от всего, кроме сердца. Оно болело так, что она не могла дышать. Будто смертельная рана, будто ее кровь вытекала из нее прямо перед ней на пол.

— Ты знал, — она отступила на шаг назад, не желая, чтобы он видел, что убивал ее каждым словом. — Ты знал обо всем с самого начала. Когда Люк умер, и я спросила тебя... ты соврал. Когда я узнала о вознаграждении за мою голову... ты соврал. И в моем сне, когда я снова спросила тебя... Ты сказал, что понятия не имел о том, что Аграмон держит людей узниками, и не знаешь, зачем они ему нужны.

Когда это случилось? Вранье, трюки, игры? Она думала, что наконец-то начала видеть настоящего Айзека, но теперь она спрашивала себя, существовал ли он вообще. Было ли хоть что-то из того, что он показал ей, настоящим, или же это было лишь иллюзией в ее голове — все это сон, от которого она не может проснуться?

Выражение вины на его лице стало последней каплей. Кровь Греты застыла, и не осталось ничего кроме навыка бесчувственного охотника за головами, мчащегося по ее венам.

— Почему ты теперь здесь? Как ты сюда пробрался?

Будет ли он отрицать или все же скажет ей, наконец, правду?

— Ты все же в союзе с ним, не так ли? С демоном. А ты как поступаешь, возвращаешь ему людей, довольный, что сам избежал его когтей? Ты наблюдаешь, как их пытаются, может ты и сам любишь время от времени держать в руке кнут?

Айзек шагнул вперед, но Грета сделала шаг назад, и ещё один.

— Рэй, иди вперед и забери мальчиков, — она не смотрела на него, не смея оборвать зрительный контакт с Айзеком. — Я задержу гоблина и остальных.

— Ты уверена?

— Просто сделай это. Пока ещё не поздно.

Айзек даже не моргнул, когда Рэй развернулся и побежал. Она знала, что он не будет суетиться из-за него, потому что не пришел сюда ради хоть какого-то человека. Не сегодня.

Он пришел за ней. Только за ней.

— Вернись со мной, Грета.

Она крепче ухватилась за рукоятку своего меча, чувствуя себя немного комфортней ощущая знакомый вес.

— Этого не будет. Сейчас... или когда-либо.

— Нет времени объяснять.

Как будто он мог.

— Ты не должен объяснять, я поняла. В тебе нет ни грамма чести, правда? Ты бы предал собственную мать...

Гоблин вскинул обе руки и схватил ее. Она с возмущением зашипела, когда он подтянул ее ближе, зажимая руку, в которой она держала меч, между ними. Он с негодованием посмотрел вниз, на ее лицо, а она была удивлена тем, насколько хорошо он себя контролировал. Было ли это потому, что он был ещё достаточно молодым, и луны не действовали на него в полную силу? Его кожа почти вернулась бы в нормальное состояние, если бы не длина зубов и когтей. Может ли быть, что его ярость в той камере была вызвана не затмением, а чем-то внутренним, возможно, даже страхом? За нее?

Она не могла вынести быть так близко к нему. Так близко, что его запах дразнил, его взгляд гипнотизировал, его прикосновение...

Черт его побери.

— Отпусти меня.

— Ты должна понять.

— Я прекрасно понимаю.

Она извивалась и корчилась, но это лишь привело ее к осознанию того, насколько он превосходил ее по силе.

— Нет. Ты понятия не имеешь, что этот монстер сделал моему миру.

— А мне все равно!

На этом он с отвращением оттолкнул и ударил по мечу, который вылетел из ее руки.

— Да. Тебе плевать на Милену или ее народ, не так ли? Я вообще не думаю, что тебе есть до кого-либо дело, — он сказал, смотря себе под ноги. — Но не мне. И после тысячелетий страданий, когда правители всех королевств, наконец, победили зло Аграмона, поверь мне, это стоило той цены. Цены, которую заплатил мой отец, и цену, которую я собирался заплатить, когда меня сделали бы правителем территории гоблинов.

— Какую цену?

— Магия фейри не была предназначена для того, чтобы удерживать его здесь вечно. Когда я принял трон — ради тебя, — он упомянул ее с суровым выражением лица, — я узнал, что мои предки соглашались помогать Аграмону находить людей, которые ему требовались, чтобы открыть врата, взамен на его обещание, что он, наконец-то, покинет Милену раз и навсегда.

Грета почувствовала волну убежденности, исходившую от него, полнейшее убеждение,

что он не сделал ничего неправильного.

— Значит, вы все заключали сделку с дьяволом. Все королевства, — прошептала она. Забрёжил свет. — Вот причина лунного сумасшествия, не так ли? Все эти истории о людях, приносящих проклятья на луны, вечную зиму... это все было ложью, чтобы скрыть правду — ты сам все это принес. Ты нарушил законы природы, став союзником зла Аграмона, а Великая Мать наказывает тебя за это.

Его лицо исказилось от рычания.

— Люди привели сюда Аграмона, а мы страдаем от последствий. Но у нас, наконец-то, есть шанс изгнать его яд из нашего мира. Не говори мне, что ты не сделала бы то же самое.

Как бы Грета не хотела возразить, могла ли она с уверенностью сказать, что не стала бы платить похожую цену за то, что ей дорого... например, за шанс попасть домой?

— Мне не так повезло. Бремя свалилось на меня, хотел я того или нет.

— Значит, вторжение в мои сны было лишь ещё одним развлечением, прежде чем придет время сдать меня?

— Я не буду извиняться за то, что, как я думал, было необходимым, чтобы уничтожить урон, который люди нанесли моей земле. Но я никогда не соглашался... это никогда не влияло на то, что между нами...

— Откуда ты знаешь, что это были люди? — выкрикнула она, подчёркивая свои слова ударом ему в грудь, отчаянно пытаясь втолкнуть в него всю свою ярость. — Как именно люди привели демона в твой мир? — закричала она. — Ну? Расскажи в подробностях. Покажи мне... — удар, — ...чертовы... — удар, — ...доказательства! — удар.

Он снова схватил ее за плечи, обнажая зубы. Ее дыхание было обрывочным и болезненным, прошло мгновение перед тем, как он встряхнул ее, и Грета заметила, что ее гоблин — нет, не ее, никогда не был ее — выглядел почти полностью нормально, кроме искривленности его губ из-за нетерпения.

Это Грета чувствовала себя теперь как безконтрольное, бушующее чудовище.

— Ты и есть доказательство, которое мне нужно. Твоя кровь это докажет!

С горящими глазами и пронзительным проклятьем, он вцепился в ее голову дрожащими руками и обрушился на нее с жестким поцелуем, который доказывал, насколько сильно Айзек себя контролировал до этого момента, насколько крепко поводок сдерживал его истинные чувства.

Она вздрогнула и обхватила его за плечи.

Настоящие.

Кончики его когтей задели ее часть шеи у затылка.

Настоящие.

Его заостренные резцы сжимали нежную плоть ее губ, а его тело было подобно твердой скале напротив нее.

Настоящие.

Это не было сном. Это было намного реальней, чем все, что она когда-либо чувствовала. Намного реальней... и намного опустошительней.

Она убедилась, что их поцелуй две ночи назад был лишь настолько интенсивным, насколько она его помнила, ведь это было во сне. Она убедилась, что реальность даже нельзя было сопоставить с этим. Она измучилась от разочарования. И все же, когда ее чувства напряглись до предела, и ее тело ожило от жара, противоположное было правдой. В его поцелуе она почувствовала то, что она никогда не испытывала прежде — слияние с

Айзеком, который досаждал ее во снах, и Айзек, который мучал ее в часы бодрствования.

И ничто никогда не ощущалось таким ярким, таким подавляющим, таким потрясающим.

Когда он отодвинулся, он сделал это, прошептав ее имя в лоб хриплым, ломанным голосом.

Из ее горла вырвался резкий крик возмущения. Она ещё не готова была отпустить его. Его грозный взгляд встретился с ее, и он застонал от поражения перед чем-то, что он в ней увидел, он снова нашел ее губы, когда растущее между ими чувство стало невозможно игнорировать, их просто снесло этим яростным штормом.

Это больше нельзя было принять за разочарование, гнев и даже боль. От него исходило что-то, похожее на жар, оно подавляло ее, но она чувствовала себя в безопасности, под защитой. Это ощущение возникло лишь в его объятьях, но сейчас она не нуждалась ни в чем другом.

Его язык скользнул меж ее губ, и она ахнула от шока и возбуждения. Грета затрепетала, словно поцелуем он заявлял на нее права все сильнее и глубже с каждым ударом их бешено бьющихся сердец.

Теперь его руки лежали у нее на талии, удерживая и прижимая к нему. Ее голова запрокинулась, тело все больше выходило из-под контроля, но она не могла этого позволить. Ни здесь, ни сейчас.

Наконец-то, она отстранилась и глубоко вдохнула. Чувство вины пересилило страсть. Нашел ли Рэй остальных? Может быть, он прямо сейчас звал ее на помощь.

Он сильнее ухватил ее за талию. Она посмотрела на него, придав своему взгляду жёсткость.

— Если ты собираешься отдать меня Аграмону, давай уже не тяни.

— Ты все ещё видишь лишь худшее во мне, — он сказал это ровным тоном, не смог спрятать истинные чувства под маской королевского величия. Грета сжалась от глубины безысходности в его глазах.

— Неужели ты ничего не понимаешь? — он встряхнул ее. — Для меня никогда не имело значения, кто ты, или что мне следовало делать. Никогда, с самого начала. Я вступил в борьбу с собственным дядей, чтобы спасти тебя, я бы стал бороться даже с собственным народом. И сейчас я не собираюсь отдавать тебя демону. Ты моя, — он зарычал, словно обозначая свою собственность. — Аграмону придется довольствоваться...

Почувствовав, что кровь в венах начала закипать и мчаться с удвоенной скоростью, она замолотила кулаками по его груди.

— Не смей говорить, что ты с лёгкостью отдашь ему в жертву других незащищенных людей. Аграмон никем не будет довольствоваться. Мы вытащим их всех. Даже если ты остановишь меня, Рэй вытащит их.

Он убрал руки.

— Ты не сможешь спасти их всех. Может быть, твой друг и доберется до камер, но он не найдет тех, кого Аграмон держит отдельно, чтобы завершить заклинание.

Сердце в груди сжало, словно тисками.

— Проклятье, Айзек.

Эта ноша душила ее до потери сознания. Она чувствовала, как трещит по швам, и трещины расползаются, увеличиваются и разрывают ее на части.

«Я больше не могу.»

Она так устала, это было выше ее сил. Она была уверена, что он почувствовал ее

глубокое отчаяние. Будет ли он использовать это против нее?

— Я не могу оставить их.

Он уставился на нее суровым, пронзительным взглядом.

— Пожалуйста, — лишь шепот. Больше она ничего не смогла вымолвить.

Он понимал, о чем она просила. Он также знал, что ей придется сделать, если он откажется. Она больше не хотела с ним бороться.

Наконец-то, он кивнул. Она тяжело вздохнула. Даже после всего, что было, Грета надеялась, что он поможет ей. Ей следовало ненавидеть его за предательство, ненавидеть за то, что он сделал с ее видом, следовало ненавидеть за всю ложь.

Она не ненавидела его. Она не смогла бы.

Ещё месяц назад она смогла бы отречься от своего чувства. Даже неделю назад она могла бы попытаться. Сейчас Грета поняла, что значит нести ответственность, не взирая на собственные нужды и желания, и в ней не осталось места для ненависти к Айзеку. Это было бы похоже на ненависть к себе, но для этого в ней тоже не осталось места.

— Пойдем со мной, — сказал он.

Они пошли по темному коридору. Вместо того, чтобы вести их вглубь горы, он вел по прямому ходу, не спускаясь глубже.

Спустя примерно десять минут коридор закончился, приведя их к огромной пещере, освещенной естественным светом, проникающим через открытый потолок, что подтверждало, что затмение закончилось. Солнца Милены все ещё оставались практически на одной оси, сияя так ярко как никогда, но луны-близнецы уже прошли перед ними и возвращались к своей обычной орбите.

Грета ахнула, зайдя в помещение и остановившись перед четкой границей, образующей круг, вибрирующий от магии.

— О боже. Что это?

Круг был разделен на двенадцать секторов, в каждом из которых находилась каменная фигурка. В центре был ещё один круг меньшего радиуса, он был пуст, если не считать высокого помоста, нет, это был алтарь.

Айзек не ответил, но ей этого и не требовалось. Ее голова пульсировала вместе с исходящей от круга силы, сердце стучало с ней в такт так громко, что все, что она слышала, это эхо ударов собственного сердца.

Подойдя к одной из фигур, она ужаснулась, когда обнаружила, что смотрит на безжизненную статую человеческого дитя. Она пошла к следующей.

— Для чего ему было делать этих...?

Внутри нее поднималось тошнотворное, выворачивающее за изнанку чувство, пока она пыталась принять правду о том, что было перед ней. А затем ей потребовалось все мужество до последней капли, чтобы не упасть на пол и не разрыдаться.

— Это не статуи. Это... — следуя от одного к другому, она оглянулась через плечо на Айзека, требуя подтверждения, но он молчал.

Она снова остановилась перед пятой фигурой в круге.

На этот раз ее ноги подвернулись, и она рухнула на пол, утратив способность удерживать свой вес. Она прижала оба кулака ко рту и закусала костяшки пальцев, и все же приглушённый крик вырвался наружу.

«Нет. Боже, пожалуйста, нет. Это какой-то обман.»

— Айзек, скажи мне, что это не то, что я думаю... — она взглянула на него, когда он

встал рядом, но быстро перевела взгляд на беззвучное каменное лицо маленького мальчика, мальчика, который раньше широко улыбался, и на его пухлых щечках образовывались дерзкие ямочки, он глядел на нее и моргал ярко-голубыми глазами, которые не могли скрыть его до невозможности упрямый характер. — Должно быть какое-то другое объяснение, — ее голос задрожал. — Пожалуйста.

— Все они были человеческими детьми, — эти слова были такими бесповоротными. — Когда-то.

Мальчики. Все мальчики. В разном возрасте, каждый застыл с выражением ужаса... включая ее собственного брата. Она протянула руку и коснулась его холодной и серой руки. Как это произошло? Когда? Единственное, в чем она была уверена все эти годы, так это в том, что Дрю остался в безопасности. Обнаружить, что она провалилась в этом, в самом главном...

— Как такое вообще возможно?

— Это работа Ламии, — из-за холодного, бесчувственного голоса Грета почувствовала себя ещё более одинокой в своем горе. — Аграмон знал, что ему потребуется время, чтобы найти необходимое количество подходящих людей, чтобы открыть врата. Ведьма, которую он поймал, чтобы она доставила ему их, была вынуждена найти способ сохранить живыми компоненты заклинания.

— Что я должна сделать, чтобы все вернуть?

Должен был быть способ. Грета не покинет это место без всех этих мальчиков, даже если это будет значить, что ей самой не суждено будет выбраться.

— Аграмону нужна кровь тринадцати человек, — подтвердил ее мысли Айзек. — Но последняя составляющая особенная. Попав на своё место, она выведет остальных из состояния бездействия, чтобы завершить заклинание и освободить демона.

Сердце загрохотало, когда она устремила взгляд на пустующее место в центре пещеры. Она каким-то образом поняла, что оно было для нее. Было ли это потому, что она девушка, в то время как остальные мальчики? Была ли нужна ему именно она, или просто ещё одно тело — кто угодно — без разницы, какой она крови, не смотря на то, что говорил Айзек.

Решительное выражение лица Айзека служило ей предупреждением, что если она сделает это, то уже не сможет встать и уйти отсюда.

Сделав первый шаг в круг, она почувствовала, как пульсация силы в ее голове переросла в оглушительное стаккато.

Его рука оказалась на ее руке. И, словно сдерживаемый этим, грохот в ее голове был вынужден замереть, ждать.

— Не делай этого.

Ее нельзя было поколебать ни тем, что она увидела в его взгляде, ни даже собственным страхом или страстью к нему, удерживающей ее.

— Я должна.

— Ты погибнешь.

Его грудь вздымалась, глаза сверкали. Боже, он был в ярости.

— Я больше так не могу, — сказала она. — Я не смогу жить в этом мире или в любом другом, если это означает быть ответственной за утрату этих невинных жизней.

Она перехватила часть ярости гоблина и улыбнулась.

— Но это не значит, что я сдаюсь. Я чувствую, что сила круга взывает ко мне. И думаю, я смогу контролировать и направлять ее, — она замолчала, чтобы перевести дыхание, так

как сердце стучало в удвоенном темпе. — По крайней мере, я должна попытаться. Можно надеяться, что если я сделаю это сейчас до того, как объявится Аграмон, мы все сможем выбраться отсюда.

Жёсткая линия губ и борозды на лбу были явным свидетельством того, как яростно он продолжал сопротивляться зверю внутри. Затмение все ещё оставалось в его крови, но его действие начинало слабеть.

— Я понимаю, что произойдет, если я уничтожу единственный шанс Аграмона вырваться из этого мира, и он отыграется на нем. И мне не все равно, Айзек. Я переживаю за Люциуса, и переживаю за Сиону, Маидру и всех остальных. Я переживаю за Милену, — она сжала его руку. — Но что еще важнее, я переживаю за тебя. Больше, чем я думала, смогу переживать за кого-то.

Она продолжила скрепя сердце:

— Но это дети, и не должно иметь значения, что они всего лишь человеческие дети. Один из них — мой брат, моя семья. Моя ответственность. И, может быть, из-за этого я буду таким же чудовищем, как Аграмон, но я пожертвую собой, этим миром... всем, чтобы спасти его.

Приготовившись к спору с ним, к его физическому воздействию, она была удивлена, когда он ничего не предпринял.

— Я понимаю, — лишь шепот. Согласие, разлучившее их в одночасье, сделавшее их обоих уязвимыми.

Она ахнула из-за боли, пронзивший ее. О боже, это тяжело. Этот чертов гоблин никогда прежде не ранил ее так, как сейчас, в этот момент, когда тяжёлая тень в его глазах показала ей, как сильно он ее любит, и она ничего не могла поделать с этим.

— Айзек, я... — что можно было сказать, когда ее собственные эмоции все ещё оставались двойственными и неопределенными.

— Позже. Мы обсудим это позже, — он прикоснулся к ней в последний раз, проведя по ее виску, где с сумасшедшей скоростью стучал пульс. Он собирался остаться с ней. Защищать ее.

В первый раз у нее не было сомнений насчёт его намерений. Айзек был здесь ради нее. Он всегда был рядом ради нее. Он бы отказался от последнего шанса на освобождение своих людей. Он бы пожертвовал собой и своими убеждениями... всем ради нее. И, как бы это ни было эгоистично, Грета позволила бы ему это.

— Поторопиться, милая Грета. Время — как всегда — не на твоей стороне.

Она снова шагнула в круг, и ее сразу же затопило энергией. Каждый шаг давался все труднее и труднее, ей будто приходилось справляться с давлением магнитного поля. Это лишило ее сил и воздуха — до тех пор, пока она не шагнула в центр. А затем, словно этот магнит изменил полярность, и это она стала притягивающим концом, а не наоборот, впитывая в себя густые потоки энергии.

Магия накрыла ее словно океанская волна, разбившаяся о гладкие выверенные скалы. Грета не согнулась и не сломалась под ее давлением. По правде говоря, она питала ее, делала сильнее, помогала понять.

— Мать честная, — только и смогла она вымолвить надтреснувшим голосом. Ее веки задрожали. Сквозь тело прошел испепеляющий жар, оголяя каждый нерв, обжигая каждый дюйм кожи, пока все тело не затрепетало.

Заставив себя собраться и сосредоточиться, она с силой сжала руки в кулаки, не сводя

взгляда со статуи Дрю прямо перед собой. Ее присутствие в круге определенно запустило какой-то процесс. Собственным сознанием она потянулась к призрачной энергии вокруг себя, но, казалось, что эта энергия ускользает прямо у нее из-под носа.

А потом она поняла, что источником силы круга были мальчики, а сама Грета — медиумом, который сосредоточивал в себе эту энергию, как солнечный свет, собранный в узкий луч через увеличительное стекло. Вопрос был не в погоне за энергией, а в том, чтобы расслабиться и позволить ей течь естественным потоком — прямо через Грету. Как только она это сделала, магия стала ее, и она почувствовала, что магия подчинилась ее воле.

Один за другим все двенадцать каменных фигур начали сбрасывать с себя чары Ламии. Ей стало интересно, который из них был Джейсоном, мальчиком, которого от огня Ламии пытался спасти Вайат. Грета задержала дыхание, когда первая крошечная грудь расширилась, вобрав в себя воздух, а потом она стала смотреть на Дрю, ожидая, когда его щеки порозовеют, а глаза утратят безжизненный грифельно-серый цвет и снова обретут красивый голубой.

Наконец, он моргнул, глядя на нее; его детское лицо выражало растерянность и страх. Она хотела позвать его и успокоить, но удержание магии, направленной в определенное русло, требовало всей ее концентрации.

Когда все мальчики по очереди очнулись, она почувствовала, что сила, проходящая через нее, возросла многократно из-за того, что они были в сознании. Когда двенадцатый, и последний, мальчик сделал первый вдох, она попыталась прекратить это все и выйти из центра круга — и не смогла пошевелиться.

Она откупорила бутылку с джином, и магия больше не могла вернуться обратно через то же узкое горлышко, через которое была высвобождена, и теперь лилась свободным потоком. Сила продолжала расти, заполняя все закоулки ее тела, смешиваясь с ее кровью, переплетаясь с душой, пока они не стали единым целым.

Колеблющийся воздух перед ней стал сгущаться, и она видела Дрю словно через поток воды. Медленно, но неумолимо стало образовываться отверстие, и Грета поняла, что каким-то образом она открыла портал.

Надежда боролась со страхом, когда щель в воздухе расширилась и стала уже высотой в два фута.

Все мальчики в круге уже очнулись и переглядывались друг с другом с одним и тем же выражением ужаса на лицах.

Краем глаза Грета увидела ворвавшегося в пещеру Рэя. Она хотела крикнуть ему, чтобы он оставался подальше, но не смогла вымолвить ни слова. Сохранение контроля над магией требовало всего ее внимания.

— Святая Матерь Божья, — пробормотал он, застыв на месте, когда увидел это цирковое представление.

Айзек встал перед ним, закрывая путь к ней. Грета испугалась, что человек и гоблин столкнутся лбами друг с другом, и ей удалось поднять руку, чтобы остановить их, но рука поднялась всего лишь на долю дюйма, и они даже не заметили этого.

В этот момент к вечеринке присоединился ещё один участник, и Грете не нужно было объяснять, чтобы понять, кто это.

Аграмон был воплощением всего, что она боялась, и совсем не тем, что она представляла. Годы охоты на самых больших и злобных тварей Милены приучили ее ожидать рогов и когтей, опасных тягучих выделений и острых зубов у ее противников, но

демон не имел ничего общего с созданиями Милены... Хотя это было естественным, если принять во внимание, что он, как и она, был совсем не с Милены.

В действительности, если не считать его огромного роста, который соперничал даже с ростом Айзека, и мерцающих завитков, покрывающих каждый дюйм его обнаженного торса, ужасающий Аграмон выглядел... человеком. У него были черные волосы и сильно впалые щеки, что только подчёркивал его до безумия широкий оскал. Но отличие было в его красных глазах. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы стало очевидным, что он не только злой и могущественный, но и совершенно сумасшедший.

— Вы начали без меня, — он не казался слишком обеспокоенным или расстроенным. В действительности он был в предвкушении.

Он расчётливо посмотрел на нее поверх плеча Айзека своими кроваво-красными напряженными глазами. От этого взгляда кровь Греты превратилась бы в лёд, если бы не влияние обжигающей силы круга. Пойманная в стальную хватку ее потока, она не могла ничего, кроме как с ужасом наблюдать за Айзеком, стоящим на своём и полным решимости соблюсти своё обещание защитить ее.

Аграмон отмахнулся от него, чтобы он отошёл с дороги.

— А я гадал, выполнил ли новый король гоблинов свои обязательства и пошел ли по стопам своих предков. Я впечатлён. Ты принес мне последний — самый важный — компонент моего заклинания.

Айзек зарычал, сжав руки в кулаки.

— Ты ее не получишь.

Брови Аграмона удивлённо поползли вверх.

— Ты не сможешь спасти ее. Да и зачем тебе это? Она ключ к моей свободе... и твоей.

Айзек не сдвинулся с места.

— Я не дам тебе принести ее в жертву. Милена найдет другой способ избавиться от тебя и разрушить проклятье.

Его самоотверженная преданность разбила ей сердце. Она попыталась сморгнуть слезы, но не смогла проконтролировать даже такую малую часть своего тела и почувствовала, как капли скатились по щекам.

Аграмон лишь рассмеялся.

— В любом случае, уже слишком поздно. Она так удачно все запустила, что теперь ничего не сможет удержать меня вдалеке от нее.

Он оглянулся на нее через плечо с такой злобной и алчной улыбкой, что она ощутила ее своей кожей, словно скользкую змею. Айзек, должно быть, не смог стерпеть этого взгляда, и с ревом ринулся вперед. Аграмон без промедления встретил его, всей своей позой выражая нетерпение, когда они столкнулись друг с другом.

Пока гоблин и демон обменивались яростными ударами, которыми можно было бы убить кого-то поменьше, Рэй приблизился к внешней границе круга с выражением крайней решимости на избитом лице.

— Рэй, — произнесла она сквозь зубы, подняв руку и показав на разлом. — Портал. Иди.

На его плечи опустились руки, и швырнули Рэя с такой силой, что он полетел в стену. Грета услышала сильный треск, когда его голова ударилась о камень. Нет!

Аграмон шагнул в ее сторону. Что он сделал с Айзеком? Она боролась с магией, все ещё перетекающей от детей к ней, понимая, что должна оборвать ее и послать их всех через

портал до того, как...

Ее пронзила сильная боль, словно руку сдавили тисками, когда он сжимал ее запястье до тех пор, пока кости не начали трещать. Она сдавленно закричала. Он получил ее. Он уже был в круге.

Она сразу же почувствовала, что что-то изменилось, когда прикосновение демона соединило его с магией, перенаправив ее от Греты к нему.

Ее окружил триумфальный рев Аграмона, как только он начал забирать все больше и больше силы. Она чувствовала, что магия темнеет из-за отравления его волей, что она превращается в жидкое месиво в ее венах перед тем, как он стал вытягивать ее из Греты, ослабляя ее все сильнее и сильнее.

Она, наконец, поняла.

Как топливо для мотора, мальчики поставляли энергию, в то время как она была ключом, проводившим все в действие... Аграмон был ублюдком, сливавшим бензин в собственную машину. Просто обычным вором.

Демон взревел за ней:

— Да!

Перед ними обоими расширился портал. На другой стороне что-то было. Она была уверена, что сквозь расплывчатую пленку, похожую на льющуюся воду, было видно грязный пол пещеры и даже больше, дальше виднелось знакомое голубое небо.

Теперь, когда она была лишь передатчиком магии заклинания, а не ее местом сосредоточения, Грета могла пошевелиться. Она с трудом оглянулась и обрадовалась, увидев, что Рэй двигался, поднимаясь на ноги. Она не видела Айзека.

Аграмон сжимал ее руку все сильнее, пока она не подумала, что он может сломать ее кости, он притянул ее ближе. Было невозможно вырваться из его цементной хватки. Она была проводником между ним и заклинанием, и он не отпустит ее, пока не получит все и не будет готов.

Один из запертых в круге мальчиков закричал. Она обернулась, чтобы посмотреть себе за спину как раз в тот момент, когда он съехал на полу, а из его глаз, ушей, носа и рта не пошла кровь.

— Что ты делаешь? — завизжала она, обезумев. Но из ее горла вышел лишь приглушённый шепот. — Ты получил все, что хотел, портал открыт. Отпусти их теперь!

Красные глаза Аграмона ярко сияли, когда он посмотрел на нее сверху вниз. Его губы сжались в жёсткую линию, сила, украденная им, стала такой большой, что даже он с трудом удерживал ее.

— Извини. Этого не будет, девочка.

Следующий мальчик закричал и упал, протянув к ней свою маленькую ручку.

— Прекрати это! — она дернулась изо всех сил, стараясь разорвать связь, отчаянно считая мальчиков между этим бедным ребенком и своим братом. Пятеро.

— Тихо! — Аграмон повернулся и дёрнул ее за руку так, что она упала на колени, но саму руку он держал высоко, упиваясь потоком силы, питающей его. — Так портал не откроется, в этом весь фокус, — он ухмыльнулся, глядя на нее. — Я ждал этого момента целую вечность, и вы все отдадите свои жизни — и свою кровь — чтобы держать портал открытым, пока я буду проходить через него. Я смогу попасть в любой мир, какой захочу.

Голос Аграмона потонул в сдавленном крике следующего ребенка. Сила, которой он сейчас владел, была нескончаемой и продолжала расти. Грета могла сравнить это с

огромной лавовой рекой, сжигающей все на своём пути. Она обернулась, чтобы заглянуть в пасть портала, но там была лишь бесконечная, непроглядная тьма.

Дрю выглядел таким напуганным, таким маленьким. Четыре года — не такой уж большой срок, но она сильно изменилась за это время. Вероятно, он даже не узнал ее.

Подняв рукой свою ослабшую ногу, она вытащила единственное оставшееся оружие из ножен на лодыжке. Она с трудом встала на ноги, решив, что он не будет следующим упавшим телом.

Она отвела кинжал назад, круганулась и нацелилась в сердце Аграмона. Он видел ее намерения, но отчаяние придало Грете скорости, и лезвие пронзило его грудь.

С торчащей из груди рукояткой кинжала демон взревел и развернулся к ней, все ещё отказываясь отпустить ее, пока на его руку, сжимавшую ее запястье, не обрушился кулак, освобождая Грету от его захвата.

Она поторопила его взглядом. Лицо Айзека сейчас превратилось в жестокую маску ярости, в морду хищника, перед которым была его добыча. Было очевидно, что пересечь границу круга, оказалось совсем не лёгкой задачей. Его плечи были напряжены, а челюсти стиснуты от усилий, затраченных им, чтобы противостоять этому водовороту.

Она споткнулась и упала на колени, в то время как гоблин оторвал Аграмона от алтаря. Он взглянул на нее мельком и повернулся с животным ревом к своему противнику. Аграмону доставался удар за ударом. Айзек колотил его, словно получая нездоровое удовольствие от процесса, но Грета знала, что этого недостаточно. Демон скоро поднимется.

— Рэй! — ее голос охрип. Она уже чувствовала, что магия заклятия возвращается под ее контроль, но теперь, когда ее подпитывали не все мальчики, сила начала слабеть. Посмотрев в портал, она увидела, что там снова виднелся красивый кусочек голубого неба, и она вздохнула с облегчением. — Поторопись и отправь через него остальных.

Рэй кивнул. Он исчез из пещеры. Когда он вернулся, его сопровождала группа детей, которую он направил к кругу. Десять, потом двадцать, потом тридцать мальчиков быстро прошли через портал, пока единственными оставшимися детьми не остались те, кто находился в круге. Рэй побежал, вытаскивая их всех с пьедесталов и собирая у разрыва.

Каждый раз, когда освобождался сектор, Грета чувствовала, что ее сила слабела, и она боролась, чтобы сохранить как можно больше.

Ей нужно было продержаться окно немного дольше. Но она знала, что не будет тем, кто пройдет сквозь него. Даже если ей удастся отправить Дрю обратно... Грете придется остаться.

Когда Рэй толкнул ее брата сквозь окно, она сильно прикусила язык, борясь со слезами, борясь с желанием окликнуть его, чтобы взглянуть в последний раз и, по крайней мере, попрощаться — но портал уже начинал закрываться, невзирая на ее старания удержать его стабильным.

Рэй остановился, оглядываясь на нее.

— Иди! — закричала она. — Рэй, ты должен пройти через окно прямо сейчас!

Он покачал головой.

— Что насчет тебя? Вайата? Остальных?

— Позаботься о моем брате, как о собственном, Рэй, — ей нужно было его обещание. — Я найду другой способ для остальных. Тебе не о чем беспокоиться.

Он все ещё сомневался, оглядываясь на стремительно исчезающий разлом.

— Это должен быть я, — услышала она его шепот.

— Нет больше времени! Выбирайся отсюда!

Он оглянулся, открыв рот, чтобы сказать ей что-то, но слова замерли у него на языке, а глаза распахнулись. С последними ускользающим из ее рук силами заклинания Грета развернулась, грудь сдавило от страха перед тем, что она могла увидеть. Но это был не триумфатор-Аграмон, настигшей ее. Это был Айзек.

Окровавленный.

Разбитый.

Сломленный.

С черной кожей и раздавшейся грудой клеткой, полностью обратившийся гоблин, у которого из ноздрей шел дым, а плечи неистово вздымались, был огромным, словно дом. И он шел за ней.

Но Грета не чувствовала страха.

Она оглянулась на Рэя, открыв рот, чтобы поторопить его с проходом через портал. Но вместо этого он, прокричав ее имя, помчался к ней.

— Рэй, нет. Не прикасайся ко мне, — предупредила она.

Схватив ее, он весь оцепенел и ахнул. Она пыталась, но не могла удержать энергию, чтобы та не просочилась в него. Когда это произошло, она снова почувствовала, что сила изменилась. Рэй сжал зубы, посмотрел ей в глаза.

— Это я. Должен быть тем. Кто. Останется, — выдавил он.

— Нет, Рэй, не делай этого!

Он толкнул ее в портал.

Как только она прошла через него, поняла, что что-то произошло — и тут и там. Она была одна. Здесь не было пещеры, не было голубого неба. Вместо этого она обнаружила, что окружена пустотой, и развернулась, чтобы выглянуть отсюда. Там Аграмон снова поднялся. Она вскрикнула, чтобы предупредить Айзека и Рэя, но звука не было. Однако, он все равно не последовал за ними, его взгляд был прикован к проходу, прикован к ней.

Она смотрела, как Айзек пытался остановить его, но он был прямо перед ней, проходил портал... А потом он исчез.

Портал разрушался, разваливался. В то время как дети исчезли — пожалуйста, Господи, пусть они окажутся дома — она оказалась в другом месте, а Аграмон, должно быть, попал куда-то ещё.

Нет. Нет. Нет. Она снова начала кричать, пробираясь сквозь тьму к окну, но, было не похоже, чтобы ей удалось продвинуться хоть сколько-нибудь.

Она должна была выбраться отсюда. Но видел Бог, было слишком поздно.

Окно практически закрылось, и она останется здесь навсегда.

В темноте.

Заглянув в узкий проход портала в крепость Аграмона, она увидела, что Айзек швырнул Рэя, как мешок с мукой, а затем ринулся к ней с ревом. Он потянулся через разлом и схватил ее за руку.

Его глаза. Она не хотела разрывать зрительного контакта. Они удерживали ее достаточно долго, а его когти вонзились ей в предплечье.

Его лицо, искаженное яростью, виднелось, словно в тумане, будто между ними образовался тонкий туманный барьер. Если он ее не отпустит, застрянет ли она здесь в небытие, где-то между мирами навечно?

Сжав ее ещё раз, он тянул и дёргал ее к себе. Она закричала из-за того, что портал

пытался засосать ее обратно, не собираясь выпускать.

— Я тебя не отпущу, — низкий рокочущий голос проник через узкую щель портала, в ее щемящую грудь и заполнил ее кровоточащее сердце. Голос, который она никогда не сможет забыть.

Портал захлопнулся.

Ощущения навалились на нее все и сразу, но она медлила открывать глаза. Девушка чувствовала тепло огня в своём сердце, слышала его потрескивание. Пальцы зарылись в меховое одеяло, укрывавшем ее. Кровать, но чья?

Да и было ли важно, где она окажется, открыв глаза? Могла ли она доверять своим ощущениям? Она больше не могла отличить сон от яви. Сны стали для нее целым миром, ее единственным миром, и она чувствовала, что застряла в них навечно.

Нет, не сны, кошмары. Полные тьмы и отчаянья. О лунах, сочащихся кровью, о светящихся глазах, переполненных злобой и предательством, и о детях, кричащих от боли.

Сквозь все это его голос звал ее, напоминая об их связи, о его праве на ее душу.

Она разрывалась между радостью и ужасом. Предвкушением и отчаяньем. В прошлом он был злом для нее. Так близко, все время наступал на пятки, но никогда не мог поймать ее. Не важно, как часто она пыталась, она не могла обернуться, посмотреть через плечо, перестать убегать и позволить ему поймать ее.

До этого момента.

— Айзек, — прошептала она.

— Его здесь нет.

Грета заставила себя открыть глаза и посмотрела на Сиону. Та сидела, откинувшись в том же самом кресле, что и Айзек в прошлый раз, когда Грета проснулась в этой комнате.

Солнечный свет проникал через открытое окно над ней, из-за чего ее волосы сверкали, а бледная кожа стала как фарфор.

Было нечестно, что первое, что она увидела, это ослепительная красота Сионы, в то время как Грета не сомневалась, что сама выглядит, будто побывала в аду и вернулась обратно. В действительности, если судить по ее ощущениям, она все ещё могла находиться в аду.

Попытка сесть оказалась напрасной тратой времени, и она сдалась, когда голову пронзила острая боль, отчего у нее вырвался стон.

— Ты находишь это забавным, не так ли? — проворчала Грета. — Что ж, это не бесплатное предоставление, поэтому оторви свой зад от кресла и помоги мне.

С дьявольской ухмылкой Сиона встала и, наконец, не спеша подошла к кровати. Она выглядела немного замедленной и слегка прихрамывала, но, казалось, что только это напоминало о ее собственной драке с Лазарем. Она села рядом с Гретой и взяла ее за плечи сзади, чтобы помочь встать.

— Где он? — после того как перевела дыхание, спросила Грета, вздрогнув от своего хриплого голоса.

Сиона нахмурилась.

— Он днями и ночами работает, чтобы восстановить порядок там, где армия Аграмона оставила после себя руины.

Грета вздрогнула. Это была ее вина.

— Что стало ещё сложнее из-за его положения.

— Он король. Что в этом сложного?

— Да, но он молодой король, который ещё должен утвердить свою власть перед людьми. Они знают, что он изначально придерживался других взглядов, и теперь они

сомневаются в его приоритетах.

И это тоже ее вина.

— Он может просто приказать им подчиниться, разве не так? — ее голос был слаб, даже для ее состояния, а по холодному взгляду, которым наградила ее Сиона, она поняла, что гоблин была того же мнения. — Ладно, тогда что происходит сейчас?

— Вчера он ушел перед советом, чтобы ответить на общественное обвинение.

Она сглотнула, пытаясь хоть как-то увлажнить пересохшее горло.

— Я не понимаю.

— Линдер обвинил его в укрытии человеческой шайки в гоблинском лесу, — она снова вздрогнула. И в этом тоже была ее вина. — Конечно же, он также назвал тебя ее предводителем. Если Линдер сможет собрать достаточно доказательств, кто знает, что...

Грета поняла, что он рядом ещё до того, как Сиона замолчала. Она подняла голову и увидела его в дверном проёме.

Волна облегчения могла бы сбить ее с ног, если бы она стояла. Он выглядел невредимым, здоровым и был снова не в своем грубом обличье. Она начала улыбаться, но каменное выражение его лица, когда он оглядел ее с ног до головы, заставило ее губы застыть в нерешительности.

Он слышал, о чем они говорили, она видела это по его сжатым губам. Он разозлился? Обеспокоился? Может быть, это ей следовало беспокоиться?

Сожалел ли он уже из-за проблем, которые появились по ее милости? Надо ли ей было пытаться прийти в себя, чтобы уйти отсюда засветло?

Сиона встала с кровати и рассерженно вздохнула. Уперев руки в бедра, она прищурилась и посмотрела на них обоих.

— Прекратите это!

Грета ахнула, а Айзек надменно поднял свою брось, взглянув на кухню.

— Прекратить что?

— Между вами так и витают в воздухе все ваши сомнения, — сказала она. — Это почти осязаемо, я практически вижу исходящий из вас обоих пар. Расслабьтесь и посмотрите правде в глаза.

Правде.

Грета внимательно посмотрела на неподвижного, словно скала, Айзека. Он так и стоял жёсткий и высокий, но уже в комнате. На нем не было пальто, только белая батистовая рубашка с подвернутыми до локтей рукавами. В первый раз она видела затеняющую его челюсть и щеки щетину, а под глазами, глядящими на нее с заботой, были темные круги. У нее свело живот от мысли, что его лицо омрачало не сожаление, а беспокойство.

В их метаниях он всегда первым шел навстречу, а она всегда обвиняла его, используя злость и недоверие в качестве оправдания тому, что прятала чувства, которые он вызывал в ней.

Она позволила улыбке расплзтись по лицу, решив сделать первый шаг навстречу принятию своей новой жизни на Милене... ее новой жизни с ним.

Лицо Айзека прояснилось, но она все ещё ощущала его сомнение, когда он тяжёлыми громкими шагами пересёк комнату и занял место Сионы рядом с ней на кровати.

Сиона кивнула довольно.

— Приму это за подтверждение того, что я здесь больше не нужна.

До того как Сиона смогла развернуться и уйти, Грета протянула ей руку.

— Спасибо.

Женщина-гоблин изогнула красивую бровь.

— За что?

— За то, что приглядывала за мной. За то, что была... — она прочистила горло, — моим другом.

Сиона коварно усмехнулась.

— Не благодари меня, человек. Нам обеим нужно прийти в форму. Возможно, ты передумаешь называть меня другом, когда мы устроим с тобой битву. Я намереваюсь отплатить тебе за ситуацию с фейри.

Она усмехнулась, несмотря на ком в горле.

— Буду ждать с нетерпением... и Сиона?

Когда она обернулась, Грета ухмыльнулась.

— Твоим надеждам не суждено сбыться, — сказала она. — Для тебя единственная возможность надрать мне задницу была, когда я оставалась без сознания. Знай, что до тех пор, пока я смогу стоять на ногах, я подотру тобой пол в любое время.

— Поживем — увидим, — сказала Сиона, вильнув бедрами, и вышла из комнаты.

Айзек взял ее за руку. Прикосновение было уверенным. Настоящим.

— Рад, что ты очнулась, — это прозвучало так формально.

— Что случилось с советом? — спросила она.

Он свёл брови.

— Я не знаю, — признался он, обеспокоенно нахмурившись. — Надеюсь, я сумел убедить их, что люди больше не представляют опасности для Милены теперь, когда Аграмон изгнан. По крайней мере, они не развесили объявления для поимки тебя или твоих... друзей, — он выдавил последнее слово, словно оно застряло в его горле, как осколок кости дикого галло, и настороженно посмотрел на нее.

— А что насчёт твоих людей? Пойдут ли они за тобой, они приняли тебя как короля?

Он провел пальцами по волосам.

— Ты имеешь в виду, теперь, когда я предал их, влюбившись в человека?

Она ахнула на слове «влюбился». Так давно никто не говорил ей этого, а ее воспоминания о том, что когда-то кто-то говорил, могли оказаться лишь сном. Но на этот раз это не было сном.

Он застыл, ожидая ее ответа. Она опустила взгляд на переплетённые на коленях руки.

— Может помочь, если мы попросим Сиону распустить слух, что у человека есть меч, которым она не побоится воспользоваться.

— Полагаю, мы это выясним.

Она прикусила губу и глубоко вдохнула.

— Я все ещё не понимаю, как ты узнал, что я ключ к заклинанию Аграмона?

Он вздохнул.

— Я не знал, но Аграмон был в этом уверен. Он настаивал, что все дело в твоей крови, что это как-то связано с твоими предками.

— Но как могли мои предки быть связаны...

Он вздернул подбородок.

— Это не важно. Я просто рад, что сейчас ты в безопасности. Когда портал начал закрываться, я подумал, что потеряю тебя навсегда. И даже хотя я вырвал тебя оттуда вовремя, какая-то часть тебя словно осталась на другой стороне. Ты была без сознания до

настоящего времени. Я не мог достучаться до тебя даже во снах.

Гоблин был там, она помнила его. Он был причиной, из-за которой она смогла вернуться. Грета потянула за петлю на толстом одеяле, укрывавшем ее ноги.

— Как долго я была без сознания?

Она сильно зажмурилась, вспомнив темноту того места.

— Другие, они все прошли через портал?

Как это ни странно, она чувствовала всем сердцем, что они были в безопасности. Она жалела лишь, чтобы у них было больше времени. Времени, чтобы сказать ему, как ей жаль, что все это произошло. Времени, чтобы обнять его хотя бы раз и, может быть, передать сообщение для родителей. Но нет, лучше пусть они не узнают, во что она превратилась.

— Все, кроме того, кто толкнул тебя через портал.

— Рэй. Что ты с ним сделал?

— Мне следовало убить его, но он исчез прежде, чем я вытащил тебя.

— О, слава Великой Матери, — прошептала она, вздохнув с облегчением. Рэй должен был найти Вайта и мальчиков. Она надеялась, что они переждали затмение в безопасности у Люка. Вернулись ли они в Блиндаж или, может быть, направились в горы в поисках Ламии, гадала она.

Айзек сбросил ее руку. Вздогнув, она подняла на него глаза и увидела, что вспышка боли отразилась на его лице до того, как глаза потемнели.

— Ты все равно предпочтешь их мне, не так ли? — спросил он. — Если бы ты думала, что это возможно, ушла бы с ними.

Она покачала головой.

— Нет...

— Даже сейчас ты думаешь о тех, кто все ещё прячется в моем лесу. И гадаешь, когда сможешь уйти к ним.

Увидев ее замешательство, он вскочил с кровати. Она окликнула его, но он принялся рассаживать из угла в угол.

— После всего, чем я ради тебя пожертвовал...

— Айзек.

— Всего, через что мы прошли вместе...

— Айзек!

Он бросился к ней с гортанным рыком и впившись в нее горящими, мерцающими глазами. Удивившись тому, как быстро он стал обращаться, она ахнула из-за темных эмоций, накотивших на него, но Грета не сомневалась, когда вцепилась в его руку и потянула его к себе.

— Я дала обещание, — сказала она. — Я в ответе за них. Но это не значит, что я не могу быть с тобой.

Он несколько раз глубоко вздохнул и постарался вернуть самообладание. Она положила руку ему на грудь, ощущая его быстрое и сильное сердцебиение.

— Я рада, что ты вернул меня.

Он сжал челюсти.

— Ты моя, Грета. Я бы забрал тебя у самой смерти, если бы пришлось.

Она улыбнулась, сжав пальцами его рубашку и притянув его ближе.

— Будем надеяться, этого не потребуется.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

notes

Патер — заменил Грете отца в мире Милены.

Повелитель мух — роман Уильяма Голдинга об одичавшем человеке